НЕСТОР МАХНО

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
на
УКРАИНЕ

(От марта 1917 г. по апрель 1918 год)

[Воспоминания]

Книга I

Издатели: библиотека Махновцев.
Федерация анархо - коммунистических групп Северной Америки и Канады.

ПАРИЖ
1929

Посвящаю памяти умерших своих друзей и товарищей по организации украинских революционных тружеников и по совместной борьбе за свободное, безвластное коммунистическое общество:

Петру Гавриленко, Александру Калашникову, Моисею Калиниченко, Семену Каретнику, Филиппу Крату, Исидору (он же Петя) Лютому, Алексею Марченко, Савве Махно, Андрею Семенюте, Гавриилу Трояну, Степану Шепелю, Борису Веретельнику, Х. Горелику, Павлу Коростылеву (Хундай), Луке Панченко, Абраму Шнейдеру и др.

Все они умерли при разных обстоятельствах, но на одном пути: на пути к завоеванию и осуществлению идеи свободы, равенства и вольного труда.

Автор.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Выпуская в свет этот первый очерк: «Русская революция на Украине», — я считаю нужным сказать о нем несколько слов.

Во - первых, я считаю необходимым предупредить читателя, что в этом очерке недостает ряда весьма важных и характерных постановлений и воззваний Гуляйпольского Крестьянского Союза, Совета Крестьянскихъ и Рабочих Депутатов и их идейного вдохновителя — Гуляйпольской Крестьянской Группы Анархо-Коммунистов, которая стремясь об'единить крестьян и рабочих под своими знаменами, работала среди них, находясь всегда в их авангарде и раз'ясняя им во время сущность Революционного момента, прямые задачи всех тружеников в нем, задачи наиболее родственного их духу анархо-коммунистического движения.

Во-вторых, в очерке недостает фотографий ряда членов Гуляйпольской Крестьянской Группы Анархо-Коммунистов, поместить которые, хотя бы с краткими биографическими очерками, было бы уместно именно на страницах этой части моих записок. Группа по существу своему, является звеном русской революции на Украине и фактическим руководителем родившейся в ее русле «Революционной Махновщины», об идеологии и практике которой я постараюсь, по мере сил своих, дать трудящемуся классу мира, на его обсуждение целый ряд весьма важных вопросов. На страницах настоящего очерка были бы, по моему, весьма уместны фотографии тех революционеров, которые вышли из трудовых низов и под моим идейным и организационным руководительством создали могучее антигосударственное ре-

волюционное движение широких украинских трудовых масс, движение, определившееся, как известно, под черными знаменами революционной махновщины.

К великому сожалению, достать фотографии этих безвестных революционных борцов из крестьянской семьи сейчас не представляется никакой возможности...

В общем, очерк вполне отвечает исторической правде о Русской Революции вообще и о нашей роли в ней. Против этой правды могут кричать только те из «знатоков» Русской Революции описываемого мною в настоящем очерке периода, которые, практически и полностью не принимали участи во всех изгибах Революции, но очутившись за ее пределами, успели все-таки и устно и печатно зарекомендовать себя перед революционерами других стран, как людей, знающих Русскую Революцию во всех ее проявлениях, на всех ее путевых изгибах.

Возражения таких знатоков Руской Революции мы отнесем в область непонимания того, о чем и против чего их авторы могут стать на дыбы.

Об одном лишь приходится пожалеть мне, выпуская этот очерк в свет: это — что он выходит не на Украине и не на украинском языке. Культурно украинский народ шаг за шагом идет к полному определению своего индивидуального своеобразия и это было бы важно.

Но в том, что я не могу издать своих записок на языке своего народа, вина не моя, а тех условий, в которых я нахожусь.

Нестор Махно.

1926 г.

P. S. Считаю своим долгом выразить глубокую товарищескую благодарность французскому товарищу Евгению Венцелю, оказавшему мне неоценимую помощь, позволившую мне найти время выделить этот очерк из общих моих записок, составить его и дать в печать.

Н. М.

ГЛАВА I.

МОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Русская Февральская Революция 1917 года раскрыла все тюрьмы для политических заключенных. Не может быть никакого сомнения в том, что этому содействовали, главным образом, вышедшие на улицу вооруженные рабочие и крестьяне, частью в синих блузах, частью же переодетые в серые солдатские шинели.

Эти революционные труженики требовали проведения в жизнь амнистии в порядке революционных прав и настояли перед социалистами-государственниками, образовавшими в это время вместе с либеральной буржуазией временное «Революционное» Правительство и пытывшимися подчинить революционные события своему уму-разуму, чтобы их требования, как можно скорее были осуществлены. Социалист - революционер А. Керенский, как революционный министр юстиции, не замедлил выполнить это требование трудящихся. В течение нескольких дней все политические заключенные были освобождены из тюрем и, таким образом, получили возможность взяться за продолжение своей живой работы среди трудящихся села и города, работы, которая была начата ими в тяжелые годы подполья.

Вместе с этими политическими невольниками, которых царско-помещичье правительство России замуровало в сырые застенки тюремных казематов, с целью вырвать из трудовой семьи передовой элемент и этим убить в ней инициативу вскрывания лжи царско-помещичьего строя и которые теперь снова очутились на свободе в рядах борющихся рабочих и крестьян против самодержавия, был освобожден и я.

Восемь лет и 8 месяцев моего сидения в тюрьме, когда я был закован (как бессрочник) по рукам и ногам, сидения, сопровождавшегося временами тяжелой болезнью, ни на иоту не пошатнуло меня в вере в правоту анархизма, борющегося против Государства, как формы организации общественности и как формы власти над этой общественностью. Наоборот, во многом, мое сидение в тюрьме помогло укрепить и развить мои убеждения, с которыми и за которые я был схвачен властями и замурован на всю жизнь» в тюрьму.

С убеждением, что свобода, вольный труд, равенство и солидарность восторжествуют над рабством под игом государства и капитала, — я вышел 2 марта 1917 года из ворот Бутырской тюрьмы. С этим же убеждением я бросился на третий день по выходе из тюрьмы, там же в Москве, в работу Лефортовской анархической группы, ни на минуту не покидая мысли о работе нашей Гуляй-Польской группы хлеборобов анархистов - коммунистов, работе, начатой ею одиннадцать - двенадцать лет тому назад и, несмотря на величайшие потери передовых ее членов, продолжающейся, как мне друзья сообщали, и сейчас.

Одно меня угнетало: — это отсутствие у меня надлежащего образования и конкретно - положительной подготовки в области социально - политических проблем анархизма. Я глубоко это чувствовал и сознавал. Но еще глубже я сознавал, что в наших анархических рядах эта подготовка отсутствует на 90%. И хотя я находил ответ, что это пагубное явление порождено отсутствием у нас анархической организации и ее школ, однако, часто над этим задумывался.

И лишь надежда на то, что этому будет положен конец, меня бодрила и награждала энергией, ибо я верил, что легальная работа анархистов в захватывающий революционный момент неминуемо приведет их к сознанию необходимости создания своей анархической организации и разработке ее средств, которые помогли бы ей привести все наличные силы анархизма к своим позициям и создать цельное и законченное в своих действиях — в данной революции — анархическое движение. Гигантский рост русской Революции меня сразу натолкнул на непоколебимую мысль, что анархическое действие в такие моменты неразрывно должно быть связанным с трудовой массой, как наиболее заинтересованной в торжестве свободы и правды, в новых победах, новом общественном социальном строительстве и в новых человеческих взаимоотношениях.

Таким образом, лелеял я мысль о развитии анархического движения в русской Революции, а отсюда и его идейного влияния на результаты ее.

С этим убеждением я, спустя три недели после освобождения из тюрьмы, вернулся в Гуляй-Поле, — место моего рождения и жительства, где я оставил многих и много дорогого, близкого моему уму и сердцу и где, я чувствовал, смогу сделать кое-что полезное среди крестьян, в семье которых родилась наша группа, которая несмотря на то, что потеряла две трети своих членов под расстрелами и на эшафотах, в далекой холодной Сибири и в скитаниях по заграницам, все же совсем не умерла. Основное ее ядро все, или почти все, погибло. Но оно глубоко пустило корни своей идеи среди крестьян не только в Гуляй-Поле, но и за его пределами. Необходимо максимальное напряжение силы воли и отчетливое знание — чего анархисты хотят и что, в связи с этим хотением, можно извлечь даже из развертывающейся политической революции и отсюда, из Гуляй-Поля, из недр населяющего его трудового крестьянства, родится та мощная революционная сила самодеятельности масс, на которую революционный анархизм, по мысли Бакунина, Кропоткина и ряда других теоретиков анархизма, должен опереться, чтобы указать пути и средства подневольному классу к разрушению старого рабского строя, который его угнетает, и к созданию нового, в котором рабство исчезнет, власть не найдет себе места. Свобода, равенство и солидарность явятся путеводителями в жизни и борьбе человека и человеческих обществ, в отыскании новых идей и равенственных отношений между людьми.

С этой мыслью я носился долгие годы на каторге и теперь возвращался с ней в Гуляй-Поле.

ГЛАВА II

ВСТРЕЧА С ТОВАРИЩАМИ И ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ НАЛАДИТЬ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ РАБОТУ

По приезде в Гуляй-Поле, я в тот же день встретился со своими товарищами по группе. Многих уже не было в живых. Те, что пришли ко мне из старых были — Андрей Семенюта (брат Саши и Прокофия Семенюты), Мойсей Калиниченко, Филипп Крат, Савва Махно, братья Прокофий и Григорий Шаровские, Павел Коростелев, Лев Шнайдер, Павел Сокрута, Исидор Лютый, Алексей Марченко и Павел Хундей (Коростылев). Вместе с этими товарищами пришли наши молодые товарищи, которые в то время, когда я был на воле, еще не были в группе. Сейчас они уже по два и по три года находились в нашей группе, занимались чтением анархической литературы, распространением ее среди крестьян. Во все эти годы подполья они выпускали прокламации, печатанные на гектографе.

А сколько пришло крестьян и рабочих ко мне, сочувствующих анархической идее — их перечислить было нельзя. Правда, я не мог брать их на учет, когда тут же рисовал перед собою планы предстоящей для нашей группы работы.

Я видел перед собой своих друзей крестьян, — этих безымянных революционных анархистов-борцов, которые в своей жизни не знали, что значит обманывать друг друга. Они были чистые крестьянские натуры, которых трудно было убедить в чем либо, но раз убедил, раз они тебя поняли и, проверив это понятое, убедились, что это именно так, — они возвышали этот идеал на каждом шагу, всюду, где только представлялась им возможность. Я говорю — видя этих людей перед собой, я весь трепетал от радостных волнений, от душевной буру, которая толкала меня сейчас же, с завтрашнего дня повести по всем кварталам Гуляй-Поля среди крестьян и рабочих пропаганду, разогнать Общественный Комитет (правительственная единица Коалиционного Правительства), милицию, не допустить организации никаких

комитетов и взяться за прямое дело анархизма. Однако, к утру 25 марта, когда все пришедшие и приехавшие еще с вечера крестьянки и крестьяне, чтобы навестить меня «воскресшего из мертвых», как они выражались, начали расходиться, мы все групповики устроили наскоро свое деловое собеседование, на котором я в действительности представился не таким горячим. Мысль повести пропаганду среди крестьян и рабочих, разогнать «Общественный Комитет» — не нашла в моем докладе надлежащего себе места. Я, неожиданно для многих товарищей, настаивал на уяснении нашей группе положения анархического движения вообще в России. В этой раздробленности анрхических групп, которая известна мне была до революции, — я лично не находил удовлетворения. Такой образ действия для дела анархизма по моему никогда не мог быть удовлетворительным. Он не может группировать силы труда в том же масштабе, в каком выражается революционный под'ем широких трудовых масс в период разрушительных действий Революции. А раз это так, то анархисты, придерживающиеся такого образа действий, должны или оторваться от событий и закостенеть в своей сектантской кружковой пропаганде, или тянуться в хвосте этих событий, выполняя работу на пользу своих политических врагов. Следовательно, чтобы предпринять нам в Гуляй-Поле решительные шаги в области разгона правительственных учреждений и об'явление вне всяких прав на существование в нашем районе частной собственности на земли, фабрики, заводы и другие виды общественных предприятий, мы должны были, помимо того, что прислушаться к голосу нашего движения по городам, подойти к массе крестьянства, убедиться в постоянстве ее революционной силы и дать крестьянам почувствовать нас возле себя неизменно преданными тем идеям, тем мыслям, которые мы перед ними на сходах и митингах излагаем.

— Это, товарищи, один из тех тактических вопросов, который мы завтра должны будем решить. На нем, мне кажется, придется остановиться подробнейшим образом, ибо от правильного его разрешения зависит дальнейшая выработка определенной тактики нашей

группы. Для нас, Гуляй-Польцев, это необходимо, ибо мы единственная группа анархистов-коммунистов, которая на протяжении 11 лет не порывала связи с крестьянской массой. Других групп по близости мы не знаем. В городах — Александровске и Екатеринославе — из старой анархической организации мало кто остлся в живых. Д и те, пока неизвестно где находятся. Некоторые из екатеринославцев остались в Москве. Неизвестно, когда приедут в Екатеринослав. О тех, кто эмигрировал в Швейцарию, Францию и Америку, тоже ничего еще не слышно.

Мы предоставлены теперь самим себе. Наша группа, как она ни слаба в своем знании теории анархизма, она должна сейчас же выработать себе тактику действия среди крестьян Гуляй-Поля и по району. Без колебаний мы должны с завтрашнего дня начать работу по организации Крестьянского Союза и постараться, чтобы кто либо из крестьян, наших групповиков, стал во главе этого Союза. Это важно с двух сторон: с одной — мы не допустим укорениться в его рядах никакой враждебной нашему идеалу политической группировки, а с другой — мы в любое время сможем делать ему доклады по тем или иным текущим вопросам, и, таким образом, сродним Крестьянский Союз с нашей группой.

Это даст возможность крестьянам самим подойти вплотную к вопросу о земле и провозгласить ее общественным достоянием, не дожидаясь решения об этом важном для крестьян вопросе «революционного» правительства...

Товарищи рады были тому, что выслушали, однако высказались далеко не в пользу такого подхода к делу. Товарищ Калиниченко этот подход резко осудил, мотивируя это тем, что наша, анархистов, роль в данной революции должна ограничиться только пропагандой своей идеи. Тем более, что поле деятельности сейчас свободно и широко и мы должны его использовать исключительно для уяснения трудящимся нашей идеи, не входя ни в какие их союзы и организации. Это, — говорил товарищ Калиниченко, — покажет крестьянам, что мы не заинтересованы в том, чтобы подчинить их своему влиянию, мы лишь советуем им, чтобы они разобрались в нашей идее и, придерживаясь наших путей и средств, приступили самостоятельно к строительству новой жизни.

На этом мы и закончили свое совещание. Было 7 часов утра. Я хотел попасть на общий сход — собрание крестьян и рабочих, на котором должно было заслушиваться распоряжение уездного правительственного комиссара с комментариями председателя общественного комитета г. Прусинского, как нужно понимать происшедший революционный переворот в стране.

Мы на сей раз пришли только к тому, что мой доклад необходимо рассмотреть и подвергнуть более тщательному разбору и обсуждению. Часть товарищей разошлась, часть осталась у меня, чтобы вместе итти на сход-собрание.

В 10 часов утра я, в сопровождении товарищей, был на базаре, рассматривал площадь, здания домов и гимназий. Зашел в одну из них, где встретился с директором и долго говорил с ним о программе преподавания, в которой (кстати сказать) ничего не понимал, но узнал, что «Закон Божий» в программе стоит и, по словам директора, ревностно оберегается попами и, отчасти, родителями учащихся. Я очень возмутился. Тем не менее, это не помешало мне через некоторое время записаться членом общества просвещения, от имени которого эта гимназия существовала. Я глубоко верил, что непосредственным участием в этом обществе просвещения, я пошатну в нем религиозный вопрос...

Лишь в 12 часу я пришел на сход-собрание, который только что открылся докладом председателя «Общественного Комитета», — прапорщика Прусинского. (В это время в Гуляй-Поле был расположен 8-й полк Сербской армии, к которой была прикомандирована русская пулеметная команда в 12 пулеметов с прислугой в 144 человека, возглавлявшейся четырьмя офицерами. Вот из этих то офицеров, когда организовался в Гуляй-Поле «Общественный Комитет», некоторые были приглашены

участвовать в нем и один из них, именно прапорщик Прусинский, был избран председателем «Общественного Комитета», а поручик Кудинов — начальником милиции. При помощи этих двух офицеров, «общественных деятелей» и устанавливался порядок общественной жизни в Гуляй-Поле.).

По окончании своего доклада председатель «Общественного Комитета» попросил меня выступить перед сходом и поддержать его доклад, от чего я отказался и попросил слова у собрания по другому вопросу.

В своей речи я указал крестьянам на недопустимость существования в рволюционном Гуляй-Поле такого «Общественного Комитета», который возглавляется людьми, населению неизвестными, от которых население не может требовать никакого отчета в их деяниях. И, конечно, попросил сход-собрание сейчас же уполномочить по 4 человека от каждой сотни (Гуляй-Поле разбито на 7 участков, называемых сотнями) для особого совещания по этому и ряду других вопросов.

Учителя нисших школ сейчас же, на этом сходе-собрании, присоединились ко мне. Заведующий двухклассным училищем — гр. Корпусенко предложил свое училище в распоряжение этого заседания.

Сход - собрание решил избрать уполномоченных на своих сотенных собраниях и назначил день совещания.

Так закончилось первое мое выступление по приезде с каторги.

Теперь меня учителя пригласили на свое собрание, на котором мы предварительно познакомились. Из них один оказался с.-революционером, остальные 12-14 человек были в большинстве беспартийные.

Здесь мы обсудили ряд вопросов, касающихся бездействия учителей. Теперь они хотят действовать на общественном поприще и ищут путей. Мы и решили действовать сообща: на пользу крестьянам и рабочим сместить офицерско-кулацкий комитет, который был избран не всем обществом, а только из среды богатеев.

После этого я пошел на заседание собравшихся членов группы.

Здесь мы подвергли мой доклад и осуждение его

тов. Калиниченко разбору, и пришли к тому, чтобы начать по сотням строго последовательную агитацию среди крестьян, по заводам и кустарным мастерским, среди рабочих в двух направлениях: 1) крестьяне и рабочие, пока находятся в дезорганизованном состоянии, не могут выдвинуть организованную территориальную общественную единицу безвластного характера, единицу, которая вызвала бы правительственные «Общественные Комитеты» на борьбу. Волей неволей, крестьянам и рабочим Гуляй-Поля и его района приходится пока что группироваться вокруг «Общественных Комитетов», организованных под руководством агентов Временного Коалиционного Правительства. Поэтому важно, чтобы этот Комитет в Гуляй-Поле был переизбран.

2) Повести усиленную агитацию за организацию Крестьянского Союза, войти в него, овладеть его настроением и выдвинуть перед ним принцип недоверия к «Общественному Комитету», как правительственной единице и взять этот Общественный Комитет под контроль Крестьянского Союза.

— В этом я вижу, — говорил я товарищам, — попрание прав правительства и самой идеи его типа «Общественных Комитетов», с одной стороны, — а с другой, действуя в этом направлении удачно, мы поможем крестьянам и рабочим осознать одну истину — это то, что они при сознательном и серьезном отношении к делу революции, окажутся единственно верными носителями идеи самоуправления, без опеки каких бы то ни было политических партий и их слуг — правительств.

Момент самый подходящий, чтобы мы, анархисты, хотя бы с большими трудностями и с нередкими, быть может, ошибками, все же могли бы практически подойти к разрешению целого ряда вопросов сегоднешнего и завтрашнего дня, вопросов, с которыми связан так или иначе наш идеал и которых мы, стремящиеся в силу требований нашего идеала, стать подлинными носителями свободной общественности, не можем пропустить неиспользованными. Последнее было бы непростительной ошибкой для нашей группы, ибо это оторвало бы ее от трудящихся масс.

Этого мы должны остерегаться, ибо в такой момент оторваться от трудящихся — это значит умереть для служения революции, а иногда и больше этого — заставить трудящихся отвернуться от наших идей, к которым они идут и придут, если мы будем среди них, вместе с ними итти, бороться и умирать, или побеждать в этой борьбе и радоваться.

Товарищи, усмехаясь, говорили мне:

— Ты, дружище, уклоняешься от анархической тактики. Мы хотели бы прислушаться к голосу нашего движения, как ты и сам в первый день нашей встречи призывал нас.

— Совершенно верно, к голосу движения мы должны и будем прислушиваться, если оно будет. Пока же я его не вижу, но знаю, что нужно, не медля, работать. Я предложил план работы и мы его уже приняли. Что же дальше остается, кроме работы?

Так протекали целые недели у нас в спорах, несмотря на то, что каждый из нас, согласно постановлению, уже работал в своей области.

ГЛАВА III

ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА

Среди недели уполномоченные делегаты от крестьян собрались в двухклассном училище на совещание по вопросу о перевыборах общественного комитета.

К этому совещанию я и ряд учителей приготовили общий доклад и поручили его сделать учителю Корпусенко.

Доклад был удачный и по теме и по разработке. Крестьянские уполномоченные делегаты посоветовались с делегатами от заводских рабочих и сообща вынесли резолюцию о перевыборе «Общественного Комитета», на вступление в который я, по настоянию учителя Лебедева и Корпусенко, дал свое согласие.

Делегаты возвратились к своим избирателям и обсудили резолюцию на местах. Когда делегатская резолюция была утверждена избирателями, были назначены перевыборы «Общественного Комитета».

Члены группы в свою очередь приготовили за это время крестьян к организации Крестьянского Союза.

В эти дни к нам в Гуляй-Поле приехал агент от образовавшегося из состава партии соц.-революционеров Уездного Комитета Крестьянского Союза — тов. Крылов-Мартынов, с целью организовать в Гуляй-Поле Комитет Крестьянского Союза.

Как бывший политический каторжанин, он заинтересовался моим житьем-бытьем, встретился со мной и поехал ко мне на квартиру попить чаю и поговорить. А потом он остался у меня до следующего дня.

Тем временем, я предложил членам группы подготовить крестьян к завтрашнему сходу - собранию, чтобы на этом собрании положить начало организации Крестьянского Союза.

С.-р. Крылов-Мартынов — недурной митинговый оратор. Он нарисовал крестьянам красивую картину будущей борьбы социалистов-революционеров в Учредительном Собрании (созыв которого предполагался) за передачу земли крестьянам без выкупа. Для этой борьбы нужна поддержка крестьян. Он призывал их организоваться в Крестьянский Союз и поддерживать партию социалистов - революционеров.

Этот случай был использован мною и целым рядом членов нашей группы крестьян-анархистов. Я говорил:

— Мы, анархисты, согласны с с.-революционерами в том, что крестьянам необходимо организоваться в Крестьянский Союз, но не для того, чтобы поддерживать партию с.-р-ов в ее будущей диалектической борьбе с социал-демократами и кадетами в будущем (если оно будет) Учредительном Собрании.

Организация Крестьянского Союза необходима для того, с нашей революционно-анархической точки зрения, чтобы крестьянство влило максимум своих живых энергичных сил в русло Революции, раздвинуло шире ее берега, углубило Революцию и, расчистив пути к ее развитию, определило ее конкретную сущность и сделало бы заключительные выводы из этой сущности.

А эти заключительные выводы трудового крестьянства логически окажутся следующими: утверждением того, что трудящиеся массы села и города, на подневольном труде и на искусственно-порабощенном разуме которых зиждется власть капитала и его слуги — наемного организованного разбойника — Государства, — могут в своей жизни и борьбе за дальнейшее свое освобождение вполне обойтись без опеки политических партий и предполагающейся их борьбы в Учредительном Собрании.

Трудовое крестьянство и рабочие не должны даже задумываться над Учредительным Собранием. Учредительное Собрание — враг трудящихся села и города. Будет величайшим преступлением со стороны трудящихся, если они вздумают ожидать от него себе свободы и счастья.

Учредительное Собрание — это картежная игра всех политических партий. А спросите кого либо из посещающих игорных притоны, — выходил ли кто из них оттуда необманутым? — Никто!

Трудящийся класс — крестьянство и рабочие, которые пошлют в него своих представителей, в результате будут обмануты тоже.

Не об Учредительном Собрании и не об организации для поддержки политических партий, в том числе и партии соц.-революционеров, трудовое крестьянство должно сейчас думать. Нет! Перед крестьянством, как и перед рабочими, стоят вопросы посерьезнее. Они должны готовиться к переходу всех земель, фабрик и заводов в общественное достояние, как основы, на началах которой трудящиеся должны строить новую жизнь.

Гуляй-Польский Крестьянский Союз, начало которому на этом собрании-митинге мы положим, и займемся начальной работой именно в этом направлении...

Агента от уездного партийного Комитета Крестьянского Союза — с.-революционера, наше выступление не смутило. Он соглашался и с нами. И в те же дни 28-29 марта 1917 года было положено начало организации Гуляй-Польского Крестьянского Союза.

В Комитет Союза вошло 28 человек крестьян, среди которых очутился и я, несмотря на то, что я просил крестьян мою кандидатуру не выставлять. Я был занят открытием бюро группы и ее декларацией.

Крестьяне на мою просьбу ответили тем, что выставили мою кандидатуру в 4-х участках и в каждом избрали единогласно. Таким образом, Комитет Крестьянского Союза был избран.

Председателем Комитета крестьяне утвердили меня.

Началась запись членов в Союз. В течение четырех-пяти дней записались поголовно все крестьяне, кроме, конечно собственников-землевладельцев. Эти глашатаи собственности на землю обособлялись от трудовой массы, надеясь сгруппировать свои силы самостоятельно и, притянув к себе невежд из рядов своих батраков, выдержать свой фронт до Учредительного Собрания, надеясь, что в последнем их поддержат социал-демократы (р. с. - д. р. партия в то время еще ревностно отстаивала это право собственности на землю) и они победят.

Правда, трудовое крестьянство и не нуждалось в таких друзьях, как собственники-землевладельцы. Оно видело в них кровных своих врагов и сознавало, что они сделаются безвредными лишь тогда, когда их земли будут путем насильственной экспроприации об'явлены общим достоянием труда.

Выражая эту последнюю мысль с особой убедительностью в своей семье, трудовое крестьянство этим самым выносило заранее свой приговор Учредительному Собранию.

Итак, в Гуляй-Поле Крестьянский Союз организован, но не охватывает всего трудового крестьянства Гуляй-Польской волости, к которой примыкает ряд сел и деревень, и поэтому не может приступить к своей деятельности настолько воодушевленно, чтобы увлечь за собой другие волости, повести организованную революционную работу за отнятие земель от помещиков и государства и передачу их в общее пользование трудящихся.

Поэтому я с секретарем Комитета Крестьянского Со-

юза выехал из Гуляй-Поля по району, и мы организовали в этих селах и в деревнях Крестьянские Союзы.

По возвращении из района, я сделал доклад в группе о наших успехах, подчеркнув замеченное революционное настроение крестьян, которое мы должны всеми силами поддерживать, направляя его осторожно, но без всякого колебания на безвластнический путь действия.

В группе все были рады и каждый из членов делился со мной тем, что он сделал в этом направлении, какое впечатление наша работа производит на крестьян и т. д.

Замещавший меня секретарь группы тов. Крат изложил нам, что во время нашего отсутствия, в Гуляй-Поле приезжали новые инструкторы из г. Александровска, держали речи за войну и Учредительное Собрание и пытались провести свои резолюции, но крестьяне и рабочие Гуляй-Поля эти резолюции отклонили, заявив ораторам, что они, Гуляй-Польцы, находятся в периоде организации своих трудовых сил и поэтому никаких резолюций извне пока не могут принимать...

Все эти живые факты только бодрили каждого из нас, поддерживая наше стремление к неустанной революционной общественной работе...

ГЛАВА IV

РАЗБОР ПОЛИЦЕЙСКИХ АРХИВОВ

В эти же дни руководители Гуляй-Польского Милицейского Управления — поручик Кудинов и его делопроизводитель, старый заядлый кадет — А. Рамбиевский пригласили меня помочь им разобраться в бумагах архива Гуляй-Польского Полицейского управления.

Придавая особое значение этому архиву, я просил товарищей по группе делегировать вместе со мной еще одного из товарищей. Я считал это таким важным, что готов был отойти на время от всякой другой работы.

Товарищи по группе, в особенности Калиниченко и Крат, предварительно высмеяли меня, что я стремлюсь

оказать помощь милицейским управителям, и лишь после спора, сам тов. Калиниченко признал, что это необходимо сделать и пошел со мной разбирать архив.

В архиве мы нашли ряд документов о том, кто из гуляй-польцев следил за братьями Семенюта и рядом других членов нашей группы, и сколько эти кошки получали за свою службу.

Был документ о Петре Шаровском, бывшем члене нашей группы, говорящий о том, что он служил тайным агентом полиции, имел большие заслуги...

Все эти документы я забрал с собой в группу. К несчастью, отмеченные в них люди, за исключением стражников Оснищенко и Богаева, которые вне службы переодевались в штатскую одежду и шныряли по огородам и дворам за всеми подозреваемыми в политике гуляй-польцами, а также Сопляка и П. Шаровского, — все были убиты на войне.

Тех, кто остался в живых, мы взяли на замечание, считая, что убивать их сейчас не время , да троих из них — Сопляка, Шаровского и Бугаева, и не было в Гуляй-Поле: они после моего приезда скрылись.

Документ о Петре Шаровском, свидетельствующий о том, что он выдал полиции Александру Семенюту и Марфу Пивень, — обнародовал на митинге.

Об остальных троих документы были скрыты. Мы надеялись, что эти трое возвратятся в Гуляй-Поле и мы их схватим без особых розысков. Четвертый же — Назар Онищенко, после разгона полицейских революцией, был призван коалиционным правительством на войну, но вскоре как-то ухитрился покинуть фронт и теперь жил в Гуляй-Поле, не показываясь ни на сельских сходах, ни на митингах.

В скором времени после обнародования документов о Петре Шаровском, Назар Онищенко встретился со мной в центре Гуляй-Поля. Это — тот стражник и тайный агент, Онищенко, который при обыске моей комнаты, позволил себе обыскивать мою мать, и когда она запротестовала, он дал ей пощечину. Теперь этот негодяй, продавши душу и тело свое и своего родного брата за деньги полиции, подскочил ко мне, снимая фураж-

ку и с возгласом: Нестор Иванович! здравствуйте, — протягивает свою руку для пожатия.

Ужас! Какое омерзение вызвал во мне голос, манера и мимика его, этого Иуды. Я весь задрожал и неистово закричал: Пошел вон, подлец, от меня, иначе я сейчас же тебе всажу пулю!»

Он отскочил в сторону и побледнел. Лицо его приняло белизну снега.

Я незаметно для самого себя, засунул в карман руку и нервно схватился за револьвер, думая: Убить эту собаку здесь же, или воздержаться?

Разум взял перевес над чувствами негодования и мести. Я, уставший от волнений, подошел к мучной лавке и сел на стоявший у дверей стул.

Ко мне подошел хозяин лавки, поздоровался и пытался кое-что спросить меня, но я его не понимал. Я извинился, что занял стул и просил его оставить меня в покое, а через минут десять, я попросил проходившего крестьянина помочь мне дойти до Комитета Крестьянского Союза.

Об этой встрече моей с Назаром Онищенко узнали члены группы и Комитет Крестьянского Союза. Все они настаивали на том, чтобы об'явить имеющийся о нем документ. Что он, помимо того, что был стражником (об этом все крестьяне и рабочие знали: он многих арестовывал и избивал) — служил еще в сыскной полиции.

Все товарищи настаивали на этом об'явлении документа, потому что хотели после убить его.

Я противился, прося товарищей согласиться со мной и оставить его пока в покое. Я исходил из того, что были поважнее сыщики, Сопляк, например, по имеющимся документам, был специалистом сыщиком. Он работал долгое время в Гуляй-Поле, в Пологах среди рабочих из депо и в поисках тов. Семенюты.

Бугаев был тоже утонченный сыщик, часто и умело маскировался. Набирал на деревянный поднос баранок, зельтерской воды и продавал среди собравшихся крестьян и рабочих, в особенности, в период, когда царское правительство ассигновало 2000 руб. награды тому, кто укажет Александра Семенюту. Неоднократно, этот Бугаев переодевался, вместе с приставом Караченцем и Назаром Онищенко, и на целые недели они исчезали со своих оффициальных постов, шатаясь по окраине Гуляй-Поля, или же в Александровске и Екатеринославе по рабочим кварталам. Пристава Караченца тов. А. Семенюта убил в Гуляй-Польском театре. Бугаев, Сопляк и Шаровский живы и где-то недалеко скрываются.

Вот поэтому то нельзя было Назара Онищенко трогать. Нужно было вооружиться терпением и стараться поймать остальных, по указаниям крестьян, нередко появлявшихся в Гуляй-Поле. Я тогда же, прося товарищей оставить Назара Онищенко в покое, говорил им, что важно схватить этих негодяев всех и затем убить, потому что такие люди вредны для всякого человеческого общества. Они неисправимы в самом из худших преступлений — продаваться за деньги самим и предавать других. Подлинная революция должна их уничтожить. Свободное равенственное в жизни и правах общество в предателях не нуждается. Они все должны умереть или от своих рук или быть убиты авангардом революции.

Все мои друзья и товарищи после этого больше не настаивали на том, чтобы Назар Онищенко был сейчас разоблачен в этом худшем из преступлений.

ГЛАВА V

ПЕРЕВЫБОРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОМИТЕТА ИДЕЯ КОНТРОЛЯ НАД НИМ

За время, в течение которого, группа вводила в своей семье некоторые формальности, распределяла свои многочисленные, но слабые духовно силы(теперь нас было более 80 человек) и намечала, кому из членов заняться специальным выписыванием всех анархических газет, появлявшихся в свет в России и на Украине. Начались перевыборы Гуляй-Польского Общественного Комитета.

В ряду других товарищей из нашей группы, моя кан-

дидатура опять была выдвинута в члены «Общественного Комитета», и я был избран.

Картина. Одни крестьяне совсем воздержались от выборов своих представителей. Другие выбирают, но в большинстве случаев, или наших членов, или сочувствующих нам. Как ни просили мои избиратели меня итти от их имени в «Общественный Комитет», но я должен был от этого отказаться. Не из за принципа, а потому, что с одной стороны, не знал позиции анархистов по городам: идут ли они в эти учреждения, если их избирают, или отказываются. Об этом я запросил через секретаря Федерации Московских Анархистов, но ответа в то время еще не было. И с другой, более важной стороны, — это потому, что вхождение мое в «Общественный Комитет» по обыкновенным формальным выборам, нарушало мои планы, направляющие всю работу группы и крестьян к тому, чтобы обезличить эти Комитеты в их правительственной форме и функциях.

Эти планы были приняты нашей группой и из-за них я принял председательствование в Комитете Крестьянского Союза.

Они, эти планы мои, заключались в том, чтобы сроднить как можно основательнее — на практическом основании дела Революции — все трудовое крестьянство с нашей группой. Во-вторых — не допустить политических партий в ряды крестьянства. Убедить крестьянство, что политические партии, какие они не есть в данный момент революционные, но, если они восторжествуют над его волей, они убьют в нем творческую инициативу к революционной самодеятельности. В третьих — убедить трудовое крестьянство, что нельзя терять ни одного дня, необходимо взять «Общественный Комитет», как единицу не революционную и действующую под руководством правительства, под особый свой контроль, чтобы всегда и во время быть осведомленными о мероприятиях Временного Правительства и в нужный момент не очутиться в заколдованном политическом круговороте, без точных и определенных сведений о развитии революционных событий по городам. И, наконец, в четвертых, — это уяснить трудовому крестьянству, чтобы оно

в своем прямом и неотложном деле — **завоевании земли и права на свободу самоуправления** непосредственно у себя на местах и без чьей бы то ни было опеки, ни на кого не надеялось, кроме самого себя, и чтобы стремилось использовать момент Революции, замешательства нового правительства и борьбу из-за власти политических партий между собой, теперь же и по возможности полностью для своих революционно-анархических целей.

Вот те положения моих планов для работы той группы товарищей, с которой я в первый день моего приезда из Москвы в Гуляй-Поле встретился. С ними я носился, прося и умоляя товарищей принять их за основу будущей нашей программы действия среди трудового крестьянства. Из-за этих положений я и решил попрощаться со многими тактическими положениями анархических групп периода 1906-7 годов, когда принципы организованности подменялись принципами замкнутости в своих кружках и группах, которые, будучи обособлены от масс, развивались ненормально, тупели без простора практической мысли и этим самым отдаляли от себя практические пути своей будущей плодотворной деятельности в моменты народных восстаний и Революции.

Мои планы были полностью приняты нашей группой анархистов-коммунистов, которая, действуя организовано, возвысила их и привила, если не всем крестьянам Гуляй-Поля, то абсолютно подавляющему большинству их. Правда, для этого понадобилось несколько месяцев. К этому мы подойдем, освещая последовательно наше активное полное участие во всех изгибах Революции.

ГЛАВА VI
РОЛЬ УЧИТЕЛЕЙ, НАША РАБОТА В ОБЩЕСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ

Выше я уже говорил, что учителя гуляй-польских низших школ присоединились к нам при первом же моем выступлении перед сходом - собранием крестьян и

рабочих, но не отметил, на чем они присоединились. Они согласились с моей мыслью, что трудовой интеллигенции стыдно бездействовать в такой напряженный момент, какой мы переживали с такой тяжестью, исключительно благодаря малому участию интеллигенции в рядах крестьянства.

Теперь учителя бросились в работу. Они участвуют в выборах «Общественного Комитета», их назначают кандидатами в члены его и избирают. В Гуляй-Поле из 14 человек учителей прошло от крестьян 6 человек.

Но крестьянство, рассмотрев под руководством членов группы анархистов - коммунистов, заслуги интеллигенции перед крестьянами и рабочими, увидало, что заслуги сельских учителей исторически делятся на три этапа. Так, например, с 1900 года, учителя бросились в работу по просвещению сельской бедноты. Однако реакция после конца 1905 года убила этот живой и чистый порыв учителей на целых 5-6 лет. Работа их на селе замерла. И лишь перед мировой войной сельские учителя подняли голову, чтоб с чувством веры и надежды возобновить свою работу среди сельской темноты. Но мировая война своим внезапным кровавым актом против культуры сбила их с этого пути. Учителя в массе опатриотились больше, чем нужно, и культурно - просветительная работа была направлена в пользу войны...

Правда, из Гуляй-Польских учителей, прошедших эти этапы на своем профессиональном поприще, было 3-4 человека. Остальные были все молоды. Подобных неизбежных изгибов на своем пути еще не успели испытать. Но все они теперь стремились искренно к работе с крестьянами и рабочими. Такие из них — как А. Корпусенко, Г. Белоус, Лебедев, Г. Кузьменко и Мария Алексеева, несмотря на то, что не имели за собой опыта в практическом деле революции, стремились помогать ей там, где крестьяне и рабочие, шедшие в авангарде, находили их помощь полезной. И то обстоятельство, что сельские учителя не претендовали в первые месяцы революции на управление крестьянами и рабочими, помогло им подойти вплотную к этим труженникам и служить революции вместе с ними.

Сперва крестьяне относились к учителям с подозрением. Но был момент, когда одни события сменялись другими, когда все были воодушевлены делом революции и об'единялись во имя его успеха. Крестьяне и рабочие приняли их в свою среду. Были моменты, когда крестьяне их избирали в свои Общественные Комитеты. Это явление ознаменовалось главным образом, когда «Общественный Комитет» Гуляй-Поля был взят под особый контроль крестьянского союза. Контроль этот проводился через своих постоянных в нем членов. Помню, идя в Общественный Комитет, я с пятью товарищами думал, что в нем подымется скандал и нас, как уполномоченных от крест. союза контролеров, не примут. Однако, случилось обратное. Самые лукавые политиканы из членов «Общественного Комитета», как представители от купцов и хозяев лавок, еврейской общины, — люди, которые знали для чего они вошли в Общественный Комитет, они встретили нас с распростертыми руками, заявляя, что они с первых дней революции думают о том, как бы начать совместную и дружную работу в области общественного строительства с крестьянами, но, дескать, не находили практического пути к тому, чтобы показать крестьянству, что они хотят итти вместе с ним и чтобы крестьянство поняло их. «К счастью, путь намечается к этому самими крестьянами!» воскликнул один из этих лукавых людей, и они тут же начали в лице нас приветствовать крестьян.

Итак, шесть членов Крестьянского Союза вошли в ««Общественный Комитет». Нужно было, чтоб они, на этом опасном для революционного дела крестьян посту, не пошатнулись и не подпали под влияние враждебных революционным целям крестьянства идей. Нужна была быть особая настойчивость, чтобы члены Крест. Союза, очутившись в учреждении, которое без того или другого указания из центра или приезжих оттуда его агентов-эсдеков и кадетов — ни шагу вперед не ступает, остались непоколебимыми в своих убеждениях и тех задачах, которые выдвинули перед трудящимися их активность в развертывающейся революции, определившейся в то время лишь только с политической стороны. Однако, с

каждым месяцем развития, она принимала в действиях трудящихся новый характер и могла высвободиться из начальных своих политических рамок.

На этом явлении, — по докладам группы Анархо-Коммунистов, — Крестьянский Союз серьезно остановился. И поэтому, когда посылал своих шесть членов в Общественный Комитет, то так формулировал им свой наказ: «Гуляй-Польский Крестьянский Союз, уполномачивая шесть своих членов — Н. Махно, Ф. Крата, Андрея Семенюту, П. Коростелева, Г. Середу и М. Шрамко — быть постоянными участниками в заседаниях и контролерами политики Общественного Комитета, считает важным, чтобы члены Союза овладели в Общественном Комитете функциями Земельной Секции». (Из протоколов Крестьянского Союза за апрель м. 1917 г.).

Этот вопрос перед трудовым крестьянством стоял очень остро, потому что Земельные Секции при «Общественном Комитете» по указаниям центра, особо настаивали перед крестьянами, чтобы последние до будущего решения Учредительного Собрания вопроса о земельной собственности, платили арендную плату за землю помещикам, по уговору с последними. Крестьяне же, наоборот, считали, что с началом революции, в которой они наполовину освободились политически, кончилось рабство и эксплоатация их труда, затрачиваемого ими на бездельников-помещиков.

Вот почему крестьяне, будучи еще плохо организованы и мало подготовлены к всестороннему пониманию сущности отнятия всех земель от помещиков, монастырей и государства, и провозглашению их общественным достоянием, настаивали перед членами Союза на овладении функциями земельной секции. Здесь крестьяне упорно настаивали, чтобы дела земельной секции были переданы членам Группы Анархистов-Коммунистов. Но мы, члены группы, упросили их таких желаний пока не формулировать, во избежание преждевременной вооруженной борьбы с властями из г. Александровска (наш уезд). В группе же постановили вести упорную агитацию в Гуляй-Поле и по Району, чтобы крестьяне настаивали перед «Общественным Комитетом» на упразднении Земельной Секции и на том, чтобы не мешали крестьянам организовывать самостоятельные Земельные Комитеты.

Проповедь этой идеи принята была крестьянством с энтузиазмом. Однако, из центра пришел приказ в «Общественный Комитет», гласящий, что Земельные секции есть часть Общественных Комитетов, и упразднять их строго воспрещается, но нужно переименовать их в Земельные отделы*)...

Действуя в «Общественном Комитете» по наказу Крестьянского Союза, мы добились от «Общественного Комитета» сперва взятия Земельного Отдела под непосредственное мое руководство. Это был момент, когда при помощи крестьян из Союза и самого «Общественного Комитета», а также и с согласия Группы Анархистов-Коммунистов, я стал на время фактически идейным руководителем всего «Общественного Комитета».

Наша группа стала на этот опасный путь исключительно под моим влиянием. Меня же на это толкнуло то, что я за два месяца Революции следил за нашими анархическими журналами и газетами и не видел в них и тени стремления анархистов создать мощную организацию, чтобы, овладев психологией трудовых масс, выявить свои организаторские способности в развитии и защите начинающейся революции. Я видел свое дорогое родное движение за эти месяцы по старому раздробленным на разного рода группировки и задался целью дать ему толчек к об'единению в деле революции, по почину группы крестьян-анархистов из подневольной деревни. Тем более, что в это время я уже серьезно подмечал у наших пропагандистов из городов пренебрежение к деревне.

ГЛАВА VII
ПЕРВОЕ МАЯ. ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН К ЗЕМЕЛЬНОМУ ВОПРОСУ

1-го мая 1917 г. Ровно 10 лет, как я в последний раз участвовал в этом рабочем празднике, поэтому я с осо-

*) Далее, мы увидим, что земельные отделы после были самим Правительством переименованы в Земельные Комитеты.

бым напряжением вел агитацию среди рабочих, солдат пулеметной команды и крестьян для организации его.

Я собрал все документы о том, что делалось за последние числа апреля месяца рабочими по городам, и представил их в группу, чтобы члены подготовили свои комментарии, чтобы поинформировать крестьян, рабочих и солдат.

Командир 8-го Сербского полка прислал к нам делегацию, чтобы выяснить наше отношение к желанию полка Сербского Государства участвовать вместе с трудящимися Гуляй-Поля в празднике рабочих. Конечно, мы этому желанию Сербского полка не противились. Не противились даже тому, что он выйдет при полном боевом вооружении. Мы надеялись на свои силы, способные разоружить этот полк.

Манифестация началась по улицам Гуляй-Поля с 9-ти часов утра. Сборный пункт всех манифестантов — на Ярмарочной Площади, ныне площади Жертв Революции.

В скором времени, анархисты своим выступлением и информацией о выступлении петроградского пролетариата 18-22 апреля с требованием к правительству удалить 10 министров - капиталистов и передать всю власть Советам Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов, — о выступлении, которое силою оружия было подавлено, — превратило манифестацию в демонстрацию против Временного Правительства и всех социалистов, участвовавших в нем.

Командир 8-го Сербского полка в спешном порядке увел полк по местам жительства. Часть пулеметной команды заявила себя солидарной с анархистами и влилась в ряды демонстрантов.

Демонстранты были настолько многочисленны, что их шествию не видно было конца. После того, когда вынесли резолюцию: «Долой Правительство и все партии, стремящиеся нам навязать этот позор...» и двинулись по улицам с песней **марша анархистов,** они проходили несколько часов беспрерывными рядами в 5-8 человек.

Настроение было настолько приподнято и направлено против правительства и его агентов, что политика-

ны из «Общественного Комитета», офицеры из пулеметной команды, за исключением двух любимцев солдатской массы — анархиствующего Шевченка и артиста Богдановича, все попрятались в штабе Сербского полка, а милиция, которая за все время своего существования никого еще не арестовывала, разбежалась из Гуляй-Поля.

Анархисты сделали доклад массе демонстрантов о **чикагских мучениках-анархистах.** Демонстранты почтили их память коленопреклонением и попросили анархистов вести их сейчас же в бой против Правительства, всех его агентов и буржуазии.

Однако, день прошел без эксцессов.

То было время , когда власти из гг. Александровска и Екатеринослава обратили уже свое внимание на Гуляй-Поле и не прочь были вызвать его преждевременно к бою.

Весь май месяц прошел в напряженной работе на с'ездах крестьян в Гуляй-Поле и г. Александровске.

На Александровском с'езде я сделал доклад о том, что трудовое крестьянство Гуляй-Польской волости не доверяет дела Революции «Общественным Комитетам» и взяло Комитет под свой контроль. Поясним в каком порядке.

Делегаты от крестьян на этом с'езде, приветствуя Гуляй-Польских крестьян, обещали у себя на местах проделать то же самое. Присутствовавшие на с'езде эс-эры были довольны, но эс-деки и кадеты подчеркнули с'езду, что акт крестьян Гуляй-Поля по отношению к «Общественным Комитетам» идет в разрез с **политикой** общего в стране нового правительства, что это, дескать, пагубно для дела революции, так как такой контроль над установленными территориальными единицами — общественными комитетами — Крестьянской Организации обезличивает физиономию правительственной власти на местах.

Кто-то из крестьян выкрикнул: «Совершенно верно! Мы поэтому то будем стараться у себя на местах обезличивать общественные комитеты в области их правительственных замашек до тех пор, пока не преобразу-

ем их в нашем духе и понимании нашего права на свободу и независимость в деле отобрания у помещиков земли».

Этого заявления из рядов крестьянских делегатов достаточно было, чтобы эс-деки и кадеты умиротворились. В противном случае делегаты от крестьян покинули бы зал заседания. А им оставаться в пустом зале было стыдно. Они в этот период революции еще надеялись преодолеть революционное настроение трудящихся.

Этот с'езд в Александровске кончился тем, что вынес резолюцию о переходе земли в пользование трудового общества без выкупа и избрал уездный комитет. Эс-эры радовались, эс-деки и кадеты злились, а делегаты от крестьян, раз'езжаясь по своим местам, советовались, чтобы организоваться на местах самим без помощи этих политических «гавкунов», чтобы об'единиться село с селом и повести вооруженный поход против помещиков. Иначе — говорили они между собой — революция погибнет, и мы останемся опять без земли..

А когда я и М. Шрамко возвратились из уездного Александровского с'езда и доложили Крестьянскому Союзу Гуляйпольского Района о его результатах, то крестьяне очень сожалели, что послали нас на этот с'езд, говоря: «лучше было бы нам не участвовать на этом с'езде, а созвать свой с'езд у себя в Гуляй-Поле от волостей Александровского уезда. Мы уверены, что здесь подвинули бы вопрос о земле и захвате ее в общественное пользование скорее к цели. Однако, делать нечего, надеемся, что наш Гуляй Польский Комитет Крестьянского Союза ознакомит всех крестьян, не только Александровского уезда, но и прилегающих к нему Павлоградского, Мариупольского, Бердянского и Мелитопольского — с нашей позицией в этом вопросе, чтобы, таким образом, в Александровске знали, что резолюции мы не очень долюбливаем.

— Нам нужно живое дело, — говорили крестьяне.

Это заявление крестьян родило Декларацию Гуляй польского Крестьянского Союза, гласившую, что «трудовое крестьянство Гуляйпольского района, считает

своим неот'емлемым правом провозгласить помещичьи, монастырские и государственные земли общественным достоянием» и провести это провозглашение в недалеком будущем в жизнь. В заключение призывалось (особой листовкой) все трудовое крестьянство подготовляться к этому акту справедливости и проводить его в жизнь.

Этот голос Гуляйполских крестьян был услышан далеко за пределами Екатеринославской губернии. После этого начали стекаться в ГуляйПоле делегации от крестьянских деревень, не принадлежавших Екатеринославской губернии, на совещание. Тяга растянулась на целые недели. Мне лично, как руководителю Крестьянским Союзом, делегации не давали никакого отдыха.

Отрывались от своего дела товарищи из других организаций, которые во многих групповых и союзных делах заменяли меня, а я вел беседы с приезжавшими делегациями, давая одним советы, а другим прямо инструкции, как нужно действовать, чтобы об'единить крестьян в союз, подготовлять их к действию по захвату помещичьих и монастырских земель, а где есть и государственные, то и последние, в общественное достояние. И по желанию тружеников села организовывать в помещичьих имениях сельско-хозяйственные коммуны, или разделять среди нуждающихся и обрабатывать земли. Почти от всех этих делегаций я слышал, что **«хорошо было бы если бы из Гуляй-Поля начали это действие первые».**

На вопрос, почему? — ответ был один и тот же: «У нас нет организаторов. Мы редко что читаем. К нам мало что доходит. Ораторов еще не видели... Даже прокламации вашего союза и Группы Анархистов-Коммунистов мы не читали бы, если бы наши сыновья не прислали нам их из юзовских шахт».

Слыша этот голос подневольной деревни, я болел и злился, браня товарищей, засевших по городам, забывших подневольную деревню, от которой в России и на Украине так во многом зависит торжество революции, которую Временное Правительство уже начало тормозить, прибирая ее к своим рукам, подменивая ее творче-

ское развитие в рядах осознавших себя и свои права тружеников бессодержательными для действительной жизни страны писанными своими программами.

И чем сильнее эта боль меня тревожила, тем с большим рвением я шел, вместе с товарищами по группе, вперед, забираясь в самые захолустные уголки деревень, бросая всякую ответственную работу в Гуляй Поле на это время, шел и говорил крестьянам слово правды об их положении, положении революции, которой, если они не вольют в нее свежих своих трудовых и активных сил, грозит смерть.

В этой работе я проводил по несколько дней, не возвращаясь в Гуляй-Поле. Временами водушевлялся мыслью, что вот-вот П. А. Кропоткин появится в России, обратит внимание всех товарищей на подневольную деревню, там смотри, возвратится наш практик Дядя Ваня (Рогдаев), который в старое царское время ссобо был активен у нас на Украине, появится Рощин и ряд менее видных по старому памятному времени, но очень активных товарищей, и наша деятельность разовьется. Трудящиеся массы получат исчерпывающие ответы на терзающие их вопросы. Анархический голос сильно разнесется над подневольною деревнею. Она сбежится и сгруппируется под его знаменем борьбы против власти помещиков и фабрикантов за новый мир свободы, равенства и солидарности среди людей.

Да, в это я верил до фанатизма и во имя этого все глубже и глубже погружался в текущую жизнь крестьян и рабочих и решительно звал к этому всю Гуляй-Польскую Группу Анархистов-Коммунистов.

ГЛАВА VIII.

РАБОЧАЯ ЗАБАСТОВКА

В первых числах июня месяца анархисты из города Александровска пригласили меня на конференцию по об'единению всех александровских анархистов в федерацию. В тот же день я выехал в Александровск помочь товарищам сговориться. Александровские анархисты все были рабочими физического и умственного труда. По названию они делились на анархо-коммунистов и анархо-индивидуалистов, но в действительности все они были революционные анархо - коммунисты. Всех я их любил, как своих близких, родных, дорогих и, как мог, старался им помочь организоваться в федерацию. Они организовались, начали организовывать рабочих, и одно время имели на них большое идейное влияние.

Когда я возвратился из Александровска, рабочие Гуляй-Польского Союза Металлистов и деревообделочников пригласили меня помочь им поставить союз на ноги и записаться самому в него. А когда я сделал это, они попросили меня руководить предстоящей забастовкой.

Теперь я был совершенно поглощен, с одной стороны, делами Крестьянского Союза, с другой — рабочими. Однако, среди рабочих были товарищи, которые в деле производства лучше меня понимали, и это меня радовало. Я взялся руководить забастовкой, надеясь перетянуть этих славных товарищей за это время к нам в группу. Один из этих товарищей — В. Антонов — был эс-эр по убеждениям. Другие — беспартийные. Из этих беспартийных особо энергичными были Серегин и Миронов.

Прежде чем начать забастовку, рабочие обоих чугунно - литейных заводов, всех мельниц, всех кустарных, слесарных, кузнечных и столярных мастерских устроили совещание. Оно закончилось тем, что мне предложили взять на себя выработку их требований и пред'явить их через совет профсоюза хозяевам предприятий. Во время этого совещания рабочих и выработки их требований, я выяснил, что товарищи: В. Антонов, Серегин и Миронов давно — анархисты, работают в заводских комитетах. Первый, т. е. Антонов сейчас избран в Совет Рабочих Депутатов председателем. Но они не вошли в группу только потому, что завалены работой на заводах. Конечно, я был против этого. Я с первых же дней приезда с каторги в Гуляй Поле, настаивал перед группой своих товарищей, чтобы группа всегда была в кур-

се дела работы своих членов среди крестьян, и я настоятельно просил этих товарищей сейчас же войти в группу и в дальнейшем согласовывать свою работу в заводских комитетах, и вообще среди рабочих. Товарищи вошли в группу и мне вместе с ними пришлось созывать хозяев всех предприятий и пред'являть им требования рабочих в двух пунктах: набавить плату в 180 и 100 %.

Такое требование рабочих вызвало целую бурю среди хозяев и категорический отказ набавлять плату в таких процентах. Мы им дали один день на размышление. В это время рабочие продолжали свою работу у станков. Через день хозяева пришли к нам в Совет Профсоюза со своими контр - предложениями в 35-40 % надбавки. Мы, уполномоченные рабочих, приняли это за наглое оскорбление и, в результате данных споров и, по праву гражданства, взаимной ругани предложили им подумать еще один день. Хозяева и некоторые из их уполномоченных, знавшие статуты профсоюзов на зубок, да к тому еще социалисты по убеждениям, имевшие за спинами власть из центра, разошлись, уверив нас в том, что с большими, чем намеченные ими проценты, они и завтра не придут к нам. Мы вызвали членов заводских комитетов и представителей от рабочих кустарных мастерских и обсуждали вопрос о подготовлении рабочих к одновременному прекращению работы, как раз в тот час, когда хозяева завтра придут к нам в Совет Профсоюза и, не принеся новых предложений, уйдут от нас. Совет Профсоюза должен был посадить своего человека на телефонную станцию для немедленной внеочередной связи всех телефонов предприятий с моим телефоном для предупреждения рабочих, чтобы хозяева, не подписав нашего требования, возвратясь из Совета Профсоюза, были встречены демонстрациями прекративших работу рабочих.

Я тут же предложил членам Совета Профсоюза и заводских комитетов план экспроприации всех денежных касс, имеющихся в предприятиях и в Гуляйпольском Банке. Я был убежден, что предприятий мы в своих руках не удержим, даже располагая денежной сум-

мой на первое время. К нам сейчас же уездный и губернский общественные комитеты и правительственные комиссары пошлют войска, которые, для того, чтобы их не послали на внешний фронт против Германии, пожелают выслужиться перед властями внутри страны и расстреляют лучшие кадры тружеников, и меня первого из них. Но я считал важным дать идее экспроприации общественных предприятий у капиталистов практический толчок вперед теперь же, когда Временное Правительство еще не успело совсем обуздать массу трудящихся и направить ее по контр - революционному пути.

Однако, большинство членов Профсоюза и заводских Комитетов убедительно просили меня воздержаться от предложения рабочей массе этого проекта, так как мы, дескать, к этому сами еще не подготовлены, как следует. Мы только оскверним этот справедливый акт трудящихся и тем самым лишим рабочих возможности провести его в жизнь, когда мы их и себя основательно к этому подготовим

В результате откровенных бесед, групповики тоже пришли к тому, что проведя мои предложения в жизнь сейчас, когда крестьянство практически не может поддержать рабочих с своей стороны экспроприацией земель у помещиков до сбора хлеба, мы сделаем непоправимый шаг в этой области.

Эти доводы поколебали меня, и я не стал настаивать на своем предложении экспроприировать сейчас же заводы и мастерские, но я упорно настаивал на том, чтобы это мое предложение было взято за основу работы заводских комитетов по подготовке рабочих и проведении экспроприации в жизнь в недалеком будущем. Уверяя товарищей рабочих, что крестьяне над этим вопросом тоже думают, мы должны отдать все свои силы, чтобы их думы согласовать с думами рабочих и сочетать их в жизненной практике.

Предложение мое было принято. И с того времени меня все рабочие избрали председателем Профессионального Союза и больничной кассы, специально подобрав мне в помощники товарища В. Антонова, который

мог, в виду перегрузки меня работой в других организациях, заменять меня.

Также и крестьяне подобрали мне товарища, который бы заменял меня. Но всегд те и другие просили, чтобы инициативно-руководящие нити во всех этих организациях находились в моих руках.

Пришли к нам опять в Совет Профессионального Союза хозяева заводов, мельниц и кустарных мастерских. Пришли со вчерашними мнениями и желаниями. В результате двухчасовой обоюдной беседы, они расщедрились и из'явили свое согласие набавить рабочим плату в 45-60 %. На этом я, как председатель совещания, заявил им, что переговоры между нами кончены. «Совет Профессионального Союза уполномочил меня взять под свое руководство все управляемые вами, граждане, но по праву не принадлежащие вам общественые предприятия и иметь с вами дело на улице, на месте каждого предприятия. Собрание закрываю!»

Я собрал все свои протоколы и направился к телефону. В это время хозяин самого большого завода в Гуляй Поле, Михаил Борисович Кернер схватывается с места и кричит: «Нестор Иванович, вы поспешили закрыть наше собрание. Я считаю, что требование рабочих вполне правильно. Они имеют право на то, чтобы мы его удовлетворили и я подпишу свое согласие на это»...

Другие хозяева, в особенности их уполномоченные возмущенно крикнули: «Что вы, Борис Михайлович, делаете?!»

«Нет, нет, господа, вы, как хотите, я обязуюсь удовлетворить требование моих рабочих», ответил им Б. Кернер.

Я попросил их всех успокоиться, призвал к порядку и спросил: — Граждане, вы придерживаетсь порядка и законпости, а будет ли законным возобновить наше заседание опять по тому же вопросу, из-за которого оно закрыто?

— Конечно, конечно! — раздались голоса хозяев и их уполномоченных.

— Тогда я считаю заседание открытым и предлагаю вам всем подписать текст условий о надбавке платы рабочим в 100 и 80 %, говоря им о подготовленных текстах условий, и подавая тексты, чувствую, что терлю от усталости и нервности равновесие. Опасаясь, что не устою на ногах, поручаю товарищу Миронову занять мое место и выхожу в другой зал передохнуть.

Через полчаса я возвратился в залу заседаний. Хозяева начали подписывать предложенные мною тексты условий. А когда подписали и вышли из залы Совета Профсоюза, я сел у телефона и передал по всем предприятиям товарищам - рабочим об успехе наших переговоров с хозяевами, о принятии наших требований и советовал до вечера оставаться у станков. А вечером члены Совета Профсоюза придут и сделают подробные доклады об нашем общем успехе...

С этого же времени, рабочие в Гуляй Поле и в районе подготовились и взяли все предприятия, в которых работали, под свой строго организованный контроль, изучая хозяйственно - административную сторону дела, начали подготовляться к взятию этих общественных предприятий в свое непосредственное ведение.

И с этого же времени на Гуляй Поле обратили свое особое внимание Екатеринославский Общественный Комитет, шовинистическая «Селяньска Спилка» и Совет Р. К. и С. Депутатов, а также Промышленный Областной Комитет, не говоря уже об александровских организациях, в которых агенты Коалиционного Правительства господствовали. Участилось из этих мест появление в Гуляй Поле инструкторов, организаторов и пропагандистов.

Но уезжали они из Гуляй Поля всегда без резолюций и побежденные действием крестьян и рабочих анархистов.

ГЛАВА IX.
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Перейдем к «Общественному Комитету» и разберемся в том, что мы, делегаты от Крестьянского Союза,

пользуясь его авторитетностью в данном районе, слелали.

Первое — это то, что, овладев функциями земельного отдела, мы постарались, чтобы продовольственный отдел тоже представил из себя отдельную единицу. А далее, когда одно время я фактически овладел всем «Общественным Комитетом», я и ряд других товарищей из «Общественного Комитета» настояли, чтоб милиция была упразднена и, когда по случаю нажима из центра, нам это не удалось, то провели лишение прав милиции самостоятельных арестов и обысков и этим свели ее роль на разносчиков пакетов от «Общественного Комитета» по району. Далее, я созвал всех помещиков и кулаков и отобрал от них все бумажные сделки о приобретении ими земли в собственность. По этим документам Земельный Отдел произвел точный учет всему земельному богатству, каким располагали помещики и кулаки в своей праздной жизни.

Организовали при Совете Рабочих и Крестьянских Депутатов Комитет Батраков и создали батрацкое движение против помещиков и кулаков, живущих их трудом.

Установили фактический контроль батраков над помещичьими и кулацкими имениями и хуторами, подготовляя батраков к присоединению к крестьянам и совместному действию в деле экспроприации всего богатства одиночек и провозглашению его общим достоянием трудящихся.

После всего этого, я лично уже не интересовался «Общественным Комитетом», как единицей, через которую, в рамках существующего порядка, можно было еще что-нибудь легально сделать полезного для поддержания роста революции среди тружеников подневольной деревни.

Я, посоветовавшись с рядом отдельных товарищей, предложил всей группе установить принцип обязанности для всех своих членов - пропагандировать среди крестьян и рабочих, чтобы эти последние стремились не останавливаясь ни перед чем, изменять свои Общественные Комитеты, которые стремились быть менее зависимыми от воли и права крестьян и рабочих, чем от какого-либо распоряжния правительственного комиссара; ибо «общественные комитеты,» как территориальные правительством руководимые единицы, не могут быть революционными единицами, вокругъ которыхъ должны группироваться живые силы революции. С развитием революции они должны сойти со сцены. Трудовые массы их распустят. К этому нас зовет социальная революция.

Обращая свой взор к социальной революции, мы должны теперь же работать во имя ее идей. Мы должны помочь крестьянам и рабочим теперь же заняться этим делом. «Общественные комитеты» не могут и не должны распоряжаться волею избравших их. Все их постановления (постановления и распоряжения правительства) должны быть представлены на общие сходы — собрания всех граждан — для заслушивания, утверждения или недопущения их в жизнь.

— В настоящее время, — говорил я тогда группе, — конец июня. Это треть года революции и тому, как мы, крестьяне и рабочие анархисты, легально работаем среди угнетенных тружеников. Кажется, что мы кое-что сделали за это время. Теперь нужно из всего этого сделать должный вывод. Затем приступить к новому действию, которе отражало бы собой прямую цель нашего движения. Это наше действие должно выражаться вне стен общественного комитета. Теперь мы имеем уже связь с целым рядом районов и идейное влияние на них. И среди них Камышеватский район, в котором инициативную роль во всем играют наши товарищи. Этот район отозвался уже на наше предложение поддерживать нас в борьбе против власти Александровского «Общественного Комитета». Представитель от этого района, тов. Дудник, в третий раз приезжает к нам, с целью согласовать действия трудящихся Камышеватского района с действиями тружеников Гуляй Поля. С каждым днем трудящиеся других районов все пристальней и серьезней прислушиваются к голосу Гуляй Поля и, беря с него пример, организовываются на началах, исходящих из Гуляй Поля, вопреки всем отговариваниям их со

стороны эс-эров, эс-деков и кадетов (большевиков в селах в то время совсем не существовало)

За то, что пора проводить свою деятельность в определенных формах и выражениях и прямо ставить ее в противовес деятельности политиканов, справа уже стоящих у власти, а слева только стремящихся к ней, говорит наше четырехмесячное серезнейшее наблюдение за революцией, которую, как известно, правые социалисты вместе с буржуазией успели прибрать к своим рукам и загнать в тупик. Для нас, работающих в подневольной деревне, было видно с первых дней революции, что украинская подневольная деревня не успела еще во весь рост выпрямиться под гнетом рабства, полностью раскрыть своих глаз на сущность революции, а только почувствовала облегчение вследствие наполовину низвергнутого тяжелого, векового, политического гнета. Она уже ищет путей к разрешению вопросов подлинного освобождения себя от экономического и политического рабства. Этим самым подневольная деревня зовет к себе на помощь анархизм. Не замечать этого в подневольной деревне и не спешить ей на помощь нам очень легко. Стоит только подумать о ней так, как о ней думает большинство из наших товарищей по городам, и мы будем повторять вслед за ними ложную мысль о деревне, назовем, как и они, ее сторонницей возврата к буржуазно-капиталистическому строю и пр. Но я верю, что мы до этого не дойдем. Мы познали нашу деревню на опыте и, основываясь на нем, утверждаем, что в рядах подневольной деревни были и есть силы революции. Им необходимо только помочь высвободиться из петли государственности, в которую их обманным образом втолкнули политиканы. Надлежащую помощь им в этом деле могут оказать революционные анархисты

Правда, наше движение по городам, на которое по недомыслию многих наших старых передовых товарищей в свое время так много возлагалось излишних надежд, слишком слабо для такой великой по масштабу и ответственности, по своим организационным последствиям, задачи. Я не говорю, чтоб у нас не нашлось людей способных взять на себя ответственность за последствия

этих дел. Но ответственные люди считаны в наших рядах. На этот столь важный вопрос нам надлежит обратить особое внимание в нашей теперешней работе. От ответственной работы, требующей от нас упорных усилий в наших анархических рядах многие товарищи бежали раньше, бегут и теперь. Благодаря этому явлению, мы богаты случайным элементом. Это способствовало и способствует росту и развитию дезорганизованности. О, как велика и опасна эта дезорганизованность для здоровой жизни нашего движения! Когда наблюдаешь за ней, то не находишь ей сравнения. Ведь благодаря дезорганизованности нашего движения в целом, наши лучшие силы расточаются, даже теперь в дни революции не плодотворно и во многих случаях не на пользу движению. Это явление мешало нам, анархистам, всегда, и теперь в особенности дает себя чувствовать. Оно мешает нам создать мощную организацию, которая бы привела наше движение к своим позициям в данной революции. Ибо эта организация, только и может во время прислушиваться к стону Революции. А теперешний зов подневольной деревни именно и есть стон революции. Будь у нас организация, анархисты услыхали бы этот зов и отозвались бы на него во время организованно со своей помощью.

Тяжело и больно говорить об этом, но говорить крайне необходимо. Каждый из нас, товарищи, кто дорожит настоящим и будущим нашего движения, кто не подменивает его глубокой сущности пустою безответственною болтовнею, а кто идет с открытым лицом и искренно ищет насущно необходимых средств для углубления социального переворота, чтобы, поскольку можно сейчас в данной революции, возвысить свой идеал в жизни трудящихся, — тот говорить об этом зле будет, ибо он его замечает и сознает, какую оно пропасть готовит для движения. А, говоря, он, несомненно, сознает, что за словами следует работа. Я говорю: нужно работать, и работать, не покладая рук, не заглушая в себе возвышенного революционного духа и в особенности не мешая ему возвышаться и развиваться в других. С помощью его, наша анархическая мысль оплодотворит себя

свежими силами и найдет путь к созданию организации, через которую и выведет наше движение в целом на должный путь.

ГЛАВА X.

БОРЬБА ПРОТИВ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ

Июнь месяц. Крестьяне Гуляйпольского района отказались платить вторую часть арендной платы помещикам и кулакам за землю, надеясь (после сбора хлебов) отобрать ее у них совсем без всяких разговоров с ними и властью, охраняющей их, и распределить землю между собой и желающими обрабатывать ее рабочими с заводов и фабрик. За Гуляй Полем последовал ряд других волостей и районов. В г. Александровске тревога среди властей и их агентов социалистических и конституционно - демократических партий — эс-эров, эс-деков и кадетов.

При техническом и материальном содействии уездных общественных комитетов и правительственного комиссара, революционные волости и районы заполняются партийными агитаторами - пропагандистами, призывавшими крестьян не подрывать авторитета Временного «Революционного» Правительства, которое заботится, дескать, самым искренним образом о судьбе крестьянства и намеревается в самом ближайшем будущем созвать Учредительное Собрание. А до созыва этого «правомочного» Учреждения и до того, когда оно выскажет свое мнение о земельной реформе, никто не имеет права посягать на право земельной собственности помещика и других хозяев - землевладельцев. И спешно по волостям Земельные Отделы — по распоряжению свыше — переименовываются в Земельные Комитеты и выделяются из «Общественных Комитетов» в самостоятельные единицы. Они наделяются правом получения с крестьян арендной платы за арендуемую ими у помещиков и кулаков землю. Эту плату местные волостные Земельные Комитеты должны направлять в уездные Земкомитеты, а последние уже вручать ее землевладельцам.

Агитаторы - пропагандисты упомянутых партий настолько обнаглели в своей проповеди среди трудового крестьянства, что уверяли крестьян, что за помещиками и кулаками еще числятся большие налоги: с них, «бедных», наше революционное правительство эту плату требует. Им негде ее взять, кроме как у вас, за арендуемую вами у них землю.

Борьба между Гуляйпольской Группой Анархистов-Коммунистов и Крестьянским Союзом — с одной стороны, и этими агентами, а также поддерживавшим их правительственным чиновничеством и хорошо организовавшейся под его крылышком земельной: промышленной и коммерческой буржуазией — с другой — приняла ожесточеный характер. Крестьяне на своих сходах-собраниях, созываемых по распоряжению правительственных комиссаров, стягивают с трибун представителей этих группировок, руководимых Временным «Революционным» Правительством и избивают их за их гнусные речи, лицемерно окрашенные революционными фразами, для отвлечения крестьян от прямой цели: завладеть по праву своим историческим наследием — землею.

Местами крестьянство, сбитое с толку своей правильной мысли в справедливых стремлениях, собирает последние гроши на уплату грабителям собственникам-землевладельцам, поддерживаемым церковью, государством и его наемным слугою — правительством.

Но даже, эти введенные в заблуждение, крестьяне не теряют надежды на победу над своими врагами. Они с большим вниманием прислушиваются к зову Крестьянской Группы Анархо-Коммунистов и своего Союза: не теряться и мужественно подготовляться к последней схватке с врагом.

Вот, что я говорил в эти дни на многотысячном сходе-собрании крестьян и рабочих ГуляйПоля, руководствуясь основной мыслью призыва Группы Анархо-Коммунистов и Крестьянского Союза, говоря от имени обоих организаций:

«Трудящиеся — крестьяне рабочие и стоящая в стороне от нас интеллигенция! Все ли мы видим то, как организовалась в процессе четырехмесячного развития

Революции буржуазия, как умело она втянула в свои ряды социалистов и как прилежно они ей служат? Если то, как убаюкивают крестьян убеждением платить даже в дни революции арендную плату собственникам - землевладельцам, как мы это видим теперь, не может быть достаточным доказательством сказанного о буржуазии и о ее прислужниках-социалистах, то, вот, товарищи другое, что с большей отчетливостью подтверждает неоспоримые факты:

«Третьего июля петроградский пролетариат восстал против Временнаго Правительства, которое во имя прав буржуазии стремится задавить революцию. С этой целью правительство разгромило ряд земельных комитетов на Урале, действовавших революционно против буржуазии. Члены их попали в тюрьму. С этой целью у нас на наших глазах, агенты правительства — социалисты убеждают крестьян платить помещикам за аренду земли. От третьего и по пятое июля на улицах Петрограда льется кровь наших братьев-рабочих. Социалисты непосредственно участвуют в пролитии этой крови. Военный министр, социалист Керенский вызвал для подавления восстания рабочих несколько десятков тысяч казаков, — этих исторических палачей свободной жизни трудящихся. Социалисты, участвующие в правительстве, обезумели на службе у буржуазии и вместе с казаками убивают лучших борцов из нашей трудовой семьи. Этим они зовут трудящихся на такие же акты по отношению к ним и к воспитавшей их на это гнусное, ничем не оправдываемое преступление буржуазии. К чему ведет это преступление врагов нашего освобождения и счастливой мирной, благополучно развивающейся жизни, к которой мы стремимся?

Ко взаимному истреблению! Но не только к нему! От этого, товарищи, нам всем не поздоровится. В первую очередь пострадает так долго жданная и наконец наступившая революция, которая, хотя и наступила, но творчески еще не развертывается. Трудовые массы еще не очнулись от угнетавшего их веками психического рабства. Они все еще ощупью подходят к самой революции и с особой осторожностью пред'являют новым палачам свои требования свободы и свои права на независимую жизнь. Но эти права, товарищи, оказываются в пушках и пулеметах сильного....

Будем же, братья трудящиеся, сильными, и такими сильными, чтобы враги нашего подлинного освобождения от всего злого и ненавистного для нашей свободной жизни почувствовали за нами эту силу.

Вперед, верными шагами к самоорганизации и революционной самодеятельности на этом пути! Будущее, даже недалекое будущее за нами. К нему все мы должны быть готовы...»

После меня выступил украинский социалист-революционер, и призывал тружеников Гуляй-Поля вспомнить о том, что в противовес «подлому Временному Правительству в Петрограде, в Киеве организовали «наше» украинское правительство в лице Центральной Рады. Оно — истинно революционно, единственно способно и правомочно на украинской земле восстановить свободу и счастливую жизнь для украинского народа». В заключение он воскликнул:

— Геть, кацапів з нашоі землі! — Смерть цім гнобителям нашоі рідноі мови!

— На рідній землі хай живе «наша» влада — Центральна Рада — та іі Секретаріят!..

Но труженики Гуляй-Поля были глухи к призыву украинского «социал-революционера». Они, мало того, что закричали ему единогласно: — Долой с трибуны! Не нужно нам и твоего правительства! — Они еще и вынесли такую резолюцию:

«Преклоняемся перед храбростью павших в борьбе с Временным Правительством 3-5 июля рабочих борцов. Мы, крестьяне и рабочие Гуляй-Поля, этого правительственного злодеяния не забудем... Пока же шлем ему, а за одно и Киевскому Правительству — в лице Центральной Рады и ее Секретариата — смерть и проклятие, как злейшим врагам нашей свободы».

Долгое время после этого выступления и этой резолюции крестьян и рабочих, русские и украинские шовинисты, социалисты - государственники проклинали меня и Группу Анархистов-Коммунистов, ибо им уже

нельзя было воспевать перед гуляй-польскими крестьянами и рабочими разные правительства и их роль в жизни тружеников. Последние на них смотрели, как на наемных агентов и всегда обрывали их, когда они в своих выступлениях касались правительственной власти и воспевали ее.

Так шли дни за днями и превращались незаметно в недели и месяцы для меня и товарищей, всюду раз'езжавших по деревням, пропагандируя идеи анархизма.

Приближался второй с'езд Крестьянского Союза, которого мы тоже не пропустили: послали меня и тов. Крата на с'езд.

С'езд был скучен. Все говорили о том, что уже трижды говорилось. Российские и украинские социалисты-революционеры, первые в лице С. С. Попова, вторые — учителя Радомского, продемонстрировали перед крестьянскими делегатами с'езда заключение между собой союза в борьбе за землю и волю для крестьян, тем, что, высказав каждый свою программу, стали перед столом президиума и пожали друг другу руки.

Крестьянские делегаты от Гуляй-Польской, Камышеванской, Рождественской и Конно-Раздорской волости заявили им: «Все это хорошо, что вы собираетесь совместно бороться за землю и волю, но где и с кем вы собираетесь бороться?.

— Всюду и с теми, кто не хочет отдать крестьянам землю без выкупа, — последовал ответ делегатов эсэров. — Но окончательно завершим мы свою борьбу в Учредительном Собрании, — сказал с.-р. С. С. Попов.

— Во Всеукраинском Сейме! — добавил учитель Радомский.

И вот между союзниками эсэрами — маленькое несогласие. Они вполголоса обмениваются мнениями, а на скамьях крестьянских делегатов — на одних смех, на других — возмущение.

В заключение с'езд избрал от уезда представителей на губернский с'езд Крестьянского Союза и Совета Раб., К. и С. Депутатов.

В выборах делегатов от уездного с'езда на губернский, мы, гуляйпольцы, воздержались, заявив свой протест против того, что губернский с'езд не созывает непосредственно с мест крестьянских и рабочих делегатов, за что и были признаны нарушителями закона и порядка выборов и, как таковых нас вожди с'езда — эсэры, эсдеки и кадеты жестоко раскритиковали, говоря по нашему адресу, что мы — единственные здесь делегаты, которые не хотят того, что крестьянство хочет. Это вызвало смех на скамьях крестьянских делегатов, превратившийся в скором времени в свист по адресу вождей С'езда.

Мы, делегаты Гуляйпольского Крестьянского Союза, еще раз опротестовали методы подбора состава губернского с'езда, настаивая на том, чтобы губернский с'езд был представлен делегатами непосредственно с мест. Это нам покажет истинную физиономию и силу революционного крестьянства по всей губернии, говорили мы. Но мы и на сей раз оказались неправильно понимавшими задачи крестьянства. «Вожди» с'езда предложили нам высказать свои соображения губернскому с'езду крестьян и рабочих. А так как мы отказались участвовать в выборах на губернский с'езд из состава уездного с'езда, то наша кандидатура и не выставлялась. Таким образом, мы оказались изолированными от участия в губернском с'езде. Хотя было много оснований думать, что бюро по созыву с'езда непосредственно пригласит на с'езд делегатов от Гуляй-Поля, так как об этом между Гуляйпольским Крестьянским Союзом и губернскими Комитетами Крестьянского Союза был обмен мнений. Но инициатива этого обмена исходила не от Гуляй Поля, а от Екатеринослава и при том не прямо, а косвенно. Вследствие этого мы не были уверены в приглашении и возвращались с уездного с'езда в Гуляй-Поле под тяжелым впечатлением своего на этот раз поражения.

Однако, наша линия поведения на с'езде была правильной, с нашей точки зрения, и мы были спокойны за революционное будущее нашего Крестьянского Союза. По приезде на место мы делали доклад Комитету Крестьянского Союза, Союза рабочих металлистов и деревообделочников, который всегда интересовался крестьянскими с'ездами и просил информировать его. А затем

доклад всеобщему сходу-собранию крестьян и рабочих в Гуляй-Поле и в районах. В то же время мы подготовляли крестьян и рабочих к тому, чтобы послать своих представителей на Губернский С'езд от нашего района, с целью демонстрации перед вождями закончившегося уездного крестьянского с'езда, а также, чтобы информировать крестьянских делегатов на губернском с'езде о том, как социалисты-революционеры (правые), эсдеки и кадеты стремятся убить революционную инициативу и самодеятельность крестьянства, как их агитаторы-пропагандисты при содействии правительственнных комиссаров раз'езжают по городам и селам и, устраивают митинги, дурачат крестьян и выматывают у них в пользу помещиков деньги за арендуемую крестьянами землю, ставя этим самым в затруднительное положение обнищавшее от военной разрухи трудовое крестьянство, которое не занималось грабежом и разбоем, по примеру помещиков и кулаков, и не нажило денег, чтобы платить за свою землю присвоившим ее грабителям.

Но в то время, как мы подготовлялись к губернскому с'езду, помогая своими советами связанным с нами другим волостям и уездам, принадлежавшим к другим губерниям, на имя Гуляй-Польского Комитета Крестьянского Союза пришло из Губернского Совета Раб. Солд. и Казачьих Депутатов приглашение — делегировать на 5-ое августа двух представителей на Губернский С'езд Советов и Союзов крестьян, рабочих, солдат и казачьих депутатов.

Начались с'езды Гуляйпольского Районного Крестьянского Союза.

К этому времени Комитет Союза подготовил доклад соответственно повестке Губернского С'езда.

ГЛАВА XI.

ПРИЕЗД В РОССИЮ П. А. КРОПОТКИНА. — ВСТРЕЧА С ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИМИ АНАРХИСТАМИ

В это же время мы получили сведения о том, что П. А. Кропоткин уже в Петрограде. До сих пор в газетах писали об этом, но мы, крестьяне - анархисты, не

слыша его мощного призыва к анархистам и конкретных указаний, руководствуясь которыми, анархисты начали бы группироваться и, приводя в порядок разрозненные силы своего движения, занимать организованно свои революционно-боевые позиции в революции, мы не доверяли газетам. Теперь же мы получили газеты и письма из Петрограда, указывающие, что П. А. Кропоткин перенес в пути из Лондона в Россию болезнь, но доехал благополучно до самого сердца революции — Петрограда. Нам сообщали, как его встретили социалисты, стоявшие у власти, во главе с А. Керенским.

Радость в рядах нашей группы — неописуемая. Собрали общее заседание группы, которое посвятили исключительно разбору предположений, ч т о с к а ж е т н а м с т а р и к П е т р А л е к с е е в и ч.

И все пришли к одному выводу: П. А. укажет конкретные пути для организации нашего движения в деревне. Он слишком чуток, от него не ускользнет теперешняя насущная потребность в наших силах для революционной деревни. Как истинный вождь анархизма, он не пропустит этого редкого в истории России случая, воспользуется своим идейным влиянием на анархистов и их группы, и поспешит конкретно формулировать те положения революционного анархизма, которыми анархисты должны заняться в нашей революции.

Я составил письмо-приветствие от имени Гуляйпольской Крестьянской Группы Анархо-Коммунистов и, не помню точно, но, кажется, отослал его Петру Алексеевичу через редакцию газеты «Буревестник».

В этом письме - приветствии наша группа приветствовала Петра Алексеевича и поздравляла его с благополучным возвращением на родину, выражая уверенность, что родина в лице лучших своих людей ждала его, как неутомимого борца за идеи высшей справедливости, которые не могли не оказать своего влияния на подготовку и совершение Русской Революции...»

Подпись была: Группа Украинских Анархистов-Коммунистов в с. Гуляй-Поле Екатеринославской Губ.

На наше скромное письмо-приветствие мы ответа не ждали. Но ответа на вопросы момента мы ждали с

каким-то особым напряжением, с чувством сознания, что без него мы потратим много сил и может оказаться, что напрасно, может оказаться, что то, чего мы ищем, не ищется другими группами или ищется, но в совершенно другом направлении. А подневольная деревня — казалось нам — ставит прямо вопрос: где тот путь и средства, чтобы завладеть землею и, без власти над собой, заняться выживанием из своего тела паразитов, ничего не производящих, живущих в довольстве и роскоши.

Ответ на этот вопрос П. А. дал в своем труде «Хлеб и Воля». Но массы этого труда его раньше не читали. Его читали одиночки из масс. Теперь такой труд массе читать некогда. Теперь ей нужно услыхать на простом, живом и сильном языке самое конкретное из «Хлеб и Воля», чтобы она не погружалась в косное раздумье, а поняла бы сразу и получила руководящую нить для своих действий. Но кто скажет все это ей, простым, живым и сильным языком?

Анархист-пропагандист и организатор и только он! Но положа руку на сердце, говорил я: были ли когда вообще у него в России и на Украине анархистские пропагандистские школы? Я такого случая не знаю. Но если они и были, то спрашивается, где же вышедшие из них передовые наши борцы? Я второй раз об'езжаю несколько районов в нескольких уездах, административно принадлежащих к одной губернии, и не встречаю ни одного случая, где бы крестьяне на мои вопросы: «Были-ли у вас ораторы из анархистов?» — ответили бы: «Были». Везде отвечали: «Никогда не были. Очень рады и благодарим, что вы нас не забываете».

Где же силы нашего движения вообще? Они, по моему, еле-еле дышат по городам, и не все — за своим делом.

Приезд П. А. и его живое участие в революции (если старческие лета позволят ему взяться за дело), если не дадут нового, более сильного толчка нашим товарищам по городам, то подневольная деревня будет порабощена политическими партиями, а — через них — и властью Временного Правительства, и этим дальнейшему развитию Революции будет положен конец.

В этом меня поддерживали те товарищи, которые сами, работая на заводах, не раз'езжали по районам и не знали подлинного настроения подневольной деревни непосредственно. Те же, кто знал деревню, резко критиковал мою мысль, усматривая в ней колебание и сомнение в революционном настроении деревни, указывая на то, что деревня настолько правильно поняла посещавших ее агентов социалистических партий и буржуазии, работавших в союзе с Временным Правительством, что допустить обмануть себя никогда и ни за что не позволит.

Признаки такого настроения в деревне, действительно, были, но на мой взгляд они были слабы. Напряженный момент революции требовал для них здоровой и постоянной революционной поддержки, чтобы деревня в своей массе прочнее почувствовала под собою почву революци и сильнее ощутила в себе массовый порыв к завоеванию прямых и прочных позиций в ней: это было нужно для того, чтобы ликвидировать существующие привиллегированные классы и не допустить возвышения на их место новых.

Проходит около двух недель. Из Петрограда — никаких вестей. Ничего не известно о том, как П. А. смотрит на положение, занимаемое нашим движением в революции: здорово ли оно? Правильно ли оно избрало себе методы группирования своих сил по городам, мало обращая или почти что не обращая внимания на подневольную деревню?

В период этих ожиданий подошло время губернского С'езда Советов Раб. Крестьян., Солд. и Казачьих Депутатов и Крестьянского Союза.

Был созван с'езд Крестьянского Союза в Гуляй-Поле. Обсудили повестку дня Губернского С'езда. Над вопросом о реорганизации Крестьянских Союзов в Крестьянские Советы долго думали и в конце концов решили послать от себя делегата на губернский С'езд. От крестьян уполномочили делегатами меня, от рабочих — то-

варища Серегина. С особой радостью ехал я в Екатеринослав, надеясь побывать в федерации анархистов, лично поговорить обо всем, что нашу группу в целом интересует (а интересовало ее больше всего вот что: почему из города нет анархистских агитаторов по деревням?).

Умышленно я выехал на с'езд днем раньше. С вокзала еду прямо в киоск федерации. Застаю в нем секретаря — тов. Молчанского. Одессит, старый товарищ. Знаем друг друга еще с каторги. Радость, обнимаемся, целуемся.

Я тотчас же обрушился на него: что они делают по городам? Почему не раз'езжают с целью организации по всей губернии?

Товарищ Молчанский, с свойственной ему манерой, волнуется, разводит руками, говорит: «Брат, сил нет. Мы слабы. Мы только, только сгруппировались здесь и еле обслуживаем рабочих на здешних заводах и солдат по казармам. Мы надеемся, что со временем наши силы разовьются, и тогда мы теснее свяжемся с вами в деревне и начнем работу более энергичную по деревням»...

Долго мы после этого сидели молча и глядели друг на друга, погрузившись каждый в себя и в будущее нашего движения в революции... А затем тов. Молчанский начал успокаивать меня, уверяя, что в недалеком будущем в Екатеринослав приедут Рогдаев, Рощин, Аршинов и ряд других товарищей, нам неизвестных. Наша работа будет переброшена в деревню. Затем он повел меня в клуб федерации, который раньше назывался «Английским Клубом».

Там я застал много товарищей. Одни спорили о революции, другие читали, третьи ели. Словом, застал «анархическое» общество, которое по традиции не признавало никакой власти и порядка в своем общественном помещении, не учитывало никаких моментов для революционной пропаганды среди широких трудовых масс, так остро в этой пропаганде нуждавшихся.

Тогда я спросил себя: для чего они отняли у буржуазии такое роскошное по обстановке и большое здание? Для чего оно им, когда здесь, среди этой кричащей толпы, нет никакого порядка даже в криках, которыми они

разрешают ряд важнейших проблем революции, когда зал не подметен, во многих местах стулья опрокинуты, на большом столе, покрытом роскошным бархатом, валяются куски хлеба, головки селедок, обглоданные кости?

Я смотрел на все это и болел душой. В это время в залу вошел тов. Ив. Тарасюк (он же Кабась), заместитель секретаря тов. Молчанского. Он с болью и возмущением сперва тихо, а затем чуть не во весь голос закричал: «Кто ел на столе, уберите!»... Сам начал подымать опрокинутые стулья...

Быстро все со стола было убрано и взялись подметать залу.

Из клуба я возвратился опять в Киоск федерации, подобрал ряд брошюр себе для Гуляй Поля и хотел было уходить в бюро по созыву с'езда для получения бесплатного номера на время работ С'езда, как в киоск зашла молодая барышня, оказавшаяся товарищем. Она просила товарищей пойти с нею в зимний городской театр и поддержать ее в выступлении перед рабочей аудиторией против увлекающего рабочих социал-демократа «Нила». Но присутствующие товарищи ей сказали, что они заняты. Она ни слова больше никому не сказала, повернулась и ушла.

Товарищ Молчанский спросил меня: «Ты съ ней знаком? Это — славный и энергичный товарищ». Я в ту же минуту бросил киоск и нагнал ее. Предложил ей итти вместе на митинг, но она мне ответила: «Если не будете выступать, то вы мне не нужны там». Я обещал ей, что выступлю.

Тогда она взяла меня за руку и мы ускорили шаги по дороге в Зимний театр. Этот юный и милейший товарищ рассказал мне по дороге, что она всего три года, как сделалась анархисткой. Это ей трудно далось. Она около двух лет читала Кропоткина и Бакунина. Теперь почувствовала, что прочитанные ею труды помогли сложится ее убеждениям. Она их полюбила и во имя их работает. До июля она выступала перед рабочими, но боялась выступить против врагов анархизма — социал демократов. В июле на одном из митингов в сквере она

выступала против с.-д. «Нила». Он ее хорошо отстегал. «Теперь я, — говорила она, — собралась с силами попробовать вторично выступить против этого «Нила». Это — агитаторская звезда в центре социал - демократов».

Этим разговор наш кончился.

На митинге я выступил против знаменитого «Нила» под псевдонимом «Скромный» (мой псевдоним с каторги). Говорил скверно, хотя по уверению товарища «это было очень удачно, только что волновался».

Мой же товарищ, юный и энергичный завоевал весь зал своим нежным, но сильным ораторским голосом: аудитория была восхищена этим голосом, и мертвая тишина, когда слушали то, что она говорила, сменялась бурными рукоплесканиями и громовыми криками: «Правильно, правильно, товарищ!»

Товарищ говорила не долго, 43 минуты, но настолько возбудила массу слушателей против положений, высказанных «Нилом», что, когда последний вышел оппонировать всем против него выступавшим, зал закричал: «Не верно! Не забивайте нам головы неправдой. Правильно говорили нам анархисты. Вы говорите неправду»...

Когда мы возвращались с митинга, нас собралось уже несколько товарищей вместе. Наш юный товарищ говорил мне: «Вы, знаете, тов. Скромный, что этот «Нил» своим влиянием на рабочих до сих пор меня с ума сводил и я задалась целью во что бы то ни стало убить его влияние на рабочих. Меня стесняло на этом пути лишь одно: я слишком молода. Рабочие относятся к старым товарищам более доверчиво. Боюсь, что это мне помешает выполнить свой долг перед рабочими»...

Кроме здоровья и лучших успехов ей в деле революционного анархизма, я ничего больше пожелать не мог. Мы распрощались и разошлись, обещая на другой день встретиться и поговорить о Гуляй Поле, о котором она слыхала много хорошего.

Из за митинга я опоздал в бюро по созыву с'езда и не достал бумажки на номер в отеле. Ночевал я в номере тов. Серегина.

На другой день я с утра и до поздней ночи был на заседании с'езда. Поэтому не нашел времени для встречи с молодым товарищем, как уговорился. На второй день с'езда я попал в Земельную Комиссию и весь день был занят в ней. Здесь я встретился с левым соц.-революционером Шнейдером, приехавшим на губернский С'езд из ВЦИК Советов Р. К. С. и Каз. Депутатов и избраным тоже в Земельную Комиссию С'езда. Совместно и дружно комиссия вынесла резолюцию о социализации земли и передала ее в президиум с'езда. После этого комиссия просила тов. Шнейдера сделать доклад о том, что делается в Петрограде.

Он нам изложил свой обзор вкратце, отговариваясь, что времени нет, и советовал поддерживать на с'езде резолюцию о реорганизации Крестьянских Союзов в Советы.

Губернский с'езд постановил реорганизовать все Крестьянские Союзы в Советы на местах. Это было единственно новым для Гуляй-Польского района вопросом из всех вопросов повестки губернского с'езда 5-7 августа 1917 г.

По возвращении нашем со с'езда и после ряда докладов о нем, Гуляй-Польский Крестьянский Союз был реорганизован в Крестьянский Совет. Он не изменил ни своей декларации, ни методов борьбы, к которой усиленно подготовлял крестьян. Его призыв к рабочим изгнать хозяев фабрик и заводов и ликвидировать их права собственности на общественные предприятия усилился.

За это время, пока мы были заняты формальным переименованием Союза в Совет, в Москве 14 августа открылось Всероссийское Демократическое Совещание и на его трибуне показался уважаемый, дорогой наш старик — Петр Алексеевич Кропоткин.

Гуляй - Польская Группа Анархистов - Коммунистов, остолбенела, несмотря на то, что глубоко сознавала, что нашему старику так много работавшему в жизни, постоянно гонимому на чужбине и теперь возвратившемуся на родину, и занятому в старческие годы исключительно гуманными идеями жизни и борьбы человече-

ства — неудобно было отказаться от участия в этом Демократическом Совещании. Но эти соображения отходили на задний план перед тем трагическим моментом революции, который понемногу должен был наступить после Совещания. Мы в душе осудили своего старика за его участие в этом Совещании, думая, что он из бывшего учителя революционной анархии превращается в сентиментального старца, ищущего спокойствия и сил для последнего применения своих знаний в жизни. Но этот суд над Петром Алексеевичем был внутри самой группы, в ее душе, замкнутой для врагов. Происходило это потому, что глубоко, в самых тайниках души группы, Петр Алексеевич оставался великим и сильным теоретиком анархизма. Это подсказало нам, что не сломи его физически время, он стал бы перед Русской Революцией практическим вождем анархизма. Правы ли мы в этом или нет, но на тему его участия во Всероссийском Демократическом Совещании в Москве, мы никогда не вступали в спор со своими политическими врагами...

Итак, мы с замиранием души прислушивались к тому, что скажет П. А. Мы не теряем веры, что П. А. останется навсегда близким, дорогим нашим стариком, но момент революции зовет нас в свою сторону. В силу ряда причин, чисто искусственного характера, в революции замечается застой. На нее надевается петля всеми политическими партиями, участвующими во Временном Правительстве. А ведь они, все эти партии, шаг за шагом все прочнее и решительнее приходят в себя и становятся грозной силой контр-революции.

ГЛАВА XII

КОРНИЛОВСКИЙ ПОХОД НА ПЕТРОГРАД И МЕРЫ ПРОТИВ НЕГО

В 20-х числах августа 1917 года, наша группа проверяла наличность своих сил, выясняла, где и чем они заняты. Собрание было самое серьезное из всех, какие она когда либо устраивала. Я уже отмечал, что наша группа не имела в своих рядах ни одного теоретически

образованного анархиста. Мы все были крестьяне и рабочие. Из школ вышли недоучками. Анархических школ не существовало. Багаж нашего знания революционного анархизма, вынесен из многолетнего чтения анархической литературы и обмена мнениями между собой, с крестьянами, с которыми делились всем прочитанным и понятым в трудах Кропоткина, Бакунина. Всем этим мы обязаны тов. Владимиру Антони (он же Заратустра).

На этом же своем, чрезвычайно важном собрании мы обсудили ряд вопросов текущего момента и пришли к выводу, что революция попала в петлю государственности и, задыхаясь в ней, бледнеет, меркнет и принимает вид мертвеца. Но она еще не совсем умерла. У нее есть еще живые нервы. Они поддерживают ее в ее борьбе со смертью. И максимум поддержки она получит со стороны революционных трудовых масс деревни, которые помогут ей вырваться из этой петли и уничтожить на своем теле антиреволюционную язву — в лице Временного Правительства и всех окружающих его партий. Делая из этого выводы для руководства в практической деятельности в революции, мы формулировали ряд положений, а именно:

Русская революция с первых же дней своего развития поставила перед анархическими группами в России и на Украине первой важности два вопроса. И теперь она их ставит перед ними особо повелительно: идите в массы и растворяйтесь среди них, создавая из них революционные кадры, и творите революцию или же выбросьте из своей программы лозунг о необходимости социального переворота — для довершения борьбы труда с властью капитала и государства. — Оставаться же по прежнему замкнутыми в своей обособленной групповой деятельности, ограничиваясь выпуском внеочередных брошюр, журналов и газет, да митингами — нельзя. Это грозит анархистам, в ходе массовых революционных событий, опасностью если не совсем оторваться от этих событий, то тянуться в хвосте их.

Анархизм по своей природе не приемлет такого блуждания в событиях. На такой путь его можно по-

ставить только недомыслием и слабостью революционного пафоса у его носителей — анархических групп и федераций.

Каждое движение, и революционно - анархическое — в особенности, — должно стремиться в моменты восстаний или революции — увлечь за собой трудовые массы. В то же время, когда массы начинают проявлять к нему доверие, оно не должно увлекаться этим доверием и не должно отрываться от различных изгибов первоначально развивавшихся событий, хотя бы и не анархических, но революционных, в которых масса развивала свой начальный порыв. Но надо и не пропустить момента, когда с этими изгибами приходится самим разойтись и отвести от них трудовые массы.

Метод старый, но практически он нашим движением не испытан и не будет испытан до тех пор, пока наше движение не усвоит тех или иных организационных начал, или не создаст своей организации, ибо серьезное движение требует определенного идейного стратегического руководительства. Движение же без определенной организации сил — отдельными разрозненными группами, зачастую не знающими друг друга и идущими в разрез в своих действиях по отношению к своим политическим врагам, хотя и может быть создано в момент революции, но окрылить его новыми силами на продолжительную жизнь, которая бы дала символ веры, ведущий человеческие массы к подлинному освобождению от поработившего их экономического, политического и духовного зла, невозможно. Это будет лишняя расстрата человеческих жизней, погибающих в решительной, необходимой, и чистой по своим заданиям, но неравной борьбе.

Может ли наша группа теперь, после 7-ми месячного наблюдения за нашим движением по городам, сомневаться в том, что многочисленные деятели его не знают своей роли и этим угнетают движение, не дают ему высвободиться из традиционных форм дезорганизованности и превратиться из группового в массовое движение? Конечно, нет! Поэтому группа взялась с еще большей энергией за точное определение неразрешенных на-

шим анархическим движением вопросов, как например: вопрос о согласовании деятельности групп между собой в развертывающихся событиях. Он смело и полностью не был формулирован ни одной федерацией анархистов в русской Февральской Революции, хотя каждая федерация и выпускала свои декларации и намечала новые положения для своей деятельности.

Так, мечась в своем стремлении отыскать то большое, что она могла найти в трудах по анархизму Бакунина, Кропоткина и Малатесты, группа пришла к тому, что мы, Крестьянская Группа Анархистов - Коммунистов в Гуляй-Поле, не можем ни подражать нашему движению в городах, ни прислушиваться к его голосу. Мы сами самостоятельно должны разобраться в этом тревожном моменте революции и самостоятельно помочь подневольной деревне правильно ориентироваться в ней, чтобы политические партии не пошатнули в ней веры, что именно она, а не партии со своим правительством, — явятся прямым творцом революции в деревне и что от нее самой зависит видоизменить характер и темп течения этой революции. И группа растворилась среди тружеников подневольной деревни, оставив лишь инициативное и посредническое бюро; и словом, и делом она помогала трудящейся массе разобраться в моменте и придать своей борьбе большую решительность.

В самом непродолжительном времени после принятия этого решения, когда мы начинали уже замечать плоды нашей организованной деятельности в районе, мы убедились, что мы правы в своем толковании застоя революции и тревожного момента, угрожающего ей смертью. Революция находилась определеннейшим образом в петле у государственников, которую оставалось только затянуть, чтобы задушить ее. Введение смертной казни на фронте прямо говорило за то, что революционные солдаты должны умереть на внешнем фронте, а контр - революционеры в самом сердце революции должны сделать свое дело. Во имя этого революционные военные части, которые сроднились с рабочими по городам и с крестьянами по деревням, которые начинали со-

знавать себя, как рабов милитаризма, и старались, пока вооружены его средствами — пушками и пулеметами, — использовать их против своих врагов, — эти революционно настроенные боевые части изгонялись с тыла, как опасные для нароставшей силы контр-революции.

Видя все это и сознавая, какой подготовляется путь для усиления мощи буржуазии, уже опомнившейся от своего первоначального разгрома революцией и теперь готовой посчитаться с ней, мы еще с большей силой убедились, что наш метод помощи трудящимся правильно ориентироваться в момент революции — верный метод. Его необходимо пополнить новыми положениями и прямым, определенно идейным руководством.

Чего мы, действуя в этом направлении, достигли?

Мы достигли за август месяц того, что крестьянство поняло нас всецело, не допустило в своих рядах распыления на разного рода политические группировки и этим спасло свою цельную трудовую мощь от разрыва на кучки политических группок, бессильных совершить и закрепить что-либо реальное в революции.

Чем яснее крестьянство понимало нас, тем глубже оно верило в себя и в прямое свое дело в революции: непосредственным путем упразднить частную собственность на землю и провозгласить ее общественным достоянием с одной стороны, и, призвав пролетариев города, об'единиться, упразднить совместно с ними всякую возможность привилегий и власти одних над другими — с другой.

Так мы подошли к дням, когда наша тоска и боль о тревожном моменте революции оправдались целиком. Пришли вести от самого Временного Правительства и от Совета Рабочих, Крестьянских, Солдатских и Казачьих Депутатов из Петрограда, что главнокомандующий внешним фронтом генерал Корнилов снял верные ему дивизии войск с фронта и движется на Петроград с целью ликвидации революции и ее завоеваний.

То было 29 августа 1917 года. К нам в Гуляй-Поле приехала анархистка из Александровска — М. Никифорова и проводила крестьянский митинг под моим председательством. Рассыльный телеграмм подал мне пакетик, в котором я прочел эту весть о движении ген. Корнилова. Я остановил оратора и произнес коротенькую речь о совершающейся казни над революцией, а затем прочел две телеграммы Правительства и Всероссийского Исполнительного Комитета Совета Р. Кр. С. и К. Депутатов.

Весть эта произвела тяжелое впечатление на присутствующих на митинге крестьян и рабочих. Волнение, видно было, и крестьяне и рабочие подавляли в себе, но кто-то крикнул из толпы: «Там льется уже кровь наших братьев, а здесь контр-революционеры свободно расхаживают среди нас и смеются!» — и указано было на стоявшего среди крестьян и рабочих бывшего Гуляй-Польского полицейского пристава гр. Иванова. Тов. анархистка Никифорова соскочила с трибуны и арестовала его. В толпе шум и ругательство по его адресу.

Но я подскочил к Никифоровой и к Иванову, окруженным уже рядом товарищей из группы и Крестьянского Совета, и настоял, чтобы сейчас же пристава отпустили ,попросил его не волноваться, так как его никто не тронет, и тут же взобрался снова на трибуну и сказал крестьянам и рабочим, что наша борьба по защите революции должна начаться не с убийства бывших приставов, которые, как, например, Иванов, сдались без сопротивления в первые дни революции и не скрываются. За ними — самое большое — мы можем только наблюдать. Наша борьба должна выразиться в более серьезном: в чем именно — я воздержусь сейчас говорить, так как спешу на заседание Крестьянского Совета вместе с рабочими и Группой Анархо-Коммунистов; но после него обещаю сейчас же притти сюда в сад и об'яснить свою мысль...

Когда я пришел в Совет, все были в сборе. Мы открыли заседание, в котором прочли телеграммы и заслушали мой доклад о том, за что нам нужно прежде всего взяться сейчас, и через какую именно организацию. Последний вопрос был вызван тем, что в телеграмме ВЦИК-а Советов Р. К. С. и К. Депутатов предлагалось организовать на местах «Комитеты Спасения Революции».

Собрание выделило из своего состава этот Комитет, выразив желание, чтобы он назывался Комитетом Защиты Революции и поручило мне руководить его работой.

Мы, члены этой, наспех сколоченной организации, собрались тут же и постановили взяться за разоружение всей буржуазии в районе и ликвидации ее прав на богатства народа: на землю, фабрики, заводы, типографии, помещения театров, колизеев, кинематографов и других видов общественных предприятий.

Мы считали, что это — единственный и верный путь и для ликвидации движения ген. Корнилова. и для ликвидации прав буржуазии на господство и привилегии над трудовыми массами.

В то время, как мы устраивали об'единенное заседание, а затем заседание выделившегося из него Комитета Спасения Революции (что заняло около пяти часов), массы трудящихся ждали, когда я освобожусь и возвращусь к ним заканчивать свою речь о защите революции.

Когда я, наконец, пришел, все члены Совета Группы Анархо-Коммунистов, кое-кто из рабочего проф. Союза —прогуливались по улицам с винтовками и простыми ружьями дробовиками за плечами. Гуляй-Поле превращалось в военно-революционный лагерь.

Я вошел в ворота сада и проходной аллеей подошел к площадке, где была трибуна. Крестьяне и рабочие группами разошлись по саду и оживленно обменивались между собою мнениями о встревожившей их вести. Теперь они быстро сходились ко мне с возгласами: «Ну, что, вы свободны уже? Можете закончить то, о чем начали говорить, — та оті недобрі телеграммы поміцали!»

Я поднялся на трибуну беспомощный, сил не было: устал, потому что все дни ездил по району. Думал в воскресенье ограничусь одним митингом в Гуляй-Поле, а потом отдохну. Но тревожные телеграммы (крестьяне их называли «недобрыми») дали работу новую.

Заканчивая свою мысль о защите революции, — я пояснил, что никто, кроме них самих, не защитит и не разовьет ее. Революция — их прямое дело, и они долж-

ны быть ее смелыми носителями и истинными революционными защитниками. Сказал также к какому решению мы пришли на заседании, что выделили «Комитет Защиты Революции» и не только от движения ген. Корнилова, но и от Временного Правительства и от всех, его идеям следующих, социалистических партий; но что таким этот Комитет станет только тогда, когда мы все от мала до велика скажем, что это — наше детище. Когда мы все вокруг него об'единимся и, поскольку он скажется подлинно революционным инициатором в нашем общем деле, будем поддерживать его не на словах, а на деле, — революция завершит свое шествие.

Я изложил многочисленному собранию в сокращенной форме программу действия этого Комитета.

Из толпы раздались крики: «Да здравствует револю-ция!» И крики не застрельщиков, которыми в подобные моменты политиканы пользуются обыкновенно, — крики, истинно народные, идущие из самых глубин народной души.

Что ж, товарищ Нестор, — раздались голоса, — готовиться в поход на соединение с городскими тружениками, что ли?

Но я осветил им пункт из программы действий Комитета, в котором говорилось, что крестьяне по сотням, а рабочие по заводам и мастерским должны обсудить наше постановление и завтра (30-го августа) прислать через уполномоченных свое окончательное решение о нем.

Этим закончился день 29-го августа. Тяжелый день по своим известиям о движении ген. Корнилова. Но зато он толкнул массы к инициативе и революционной самодеятельности. И там, где среди тружеников были революционеры, которые знали, какая перед ними должна стоять задача в такие моменты, — там предпосылки к назревавшим событиям были во время формулированы и трудовые массы их использовали в своей прямой борьбе.

На другой день рано утром я шел по Соборной площади Гуляй-Поля. Группы рабочих из заводов и крестьян из сотен под черными и красными знаменами, с пес-

нями подходили к улице, ведущей к зданию Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов, в котором поместился «Комитет Защиты Революции». Я перебежал через двор училища и еще другой двор и вбежал во двор Совета, чтобы встретить манифестантов. Когда я показался перед манифестантами, — раздался громовой крик: «Да здравствует революция! Да здравствует неизменный ее сын, а наш друг, тов. Махно!»

Эти крики были для меня лестными, но я чувствовал, что не заслужил их от тружеников. Я остановил восторженные, награждающие меня столь дорогими и сильными эпитетами, крики, и попросил выслушать меня. Но меня подхватили на руки и продолжали кричать: «Да здравствует революция! Да здравствует тов. Махно!»

Наконец, я упросил манифестантов выслушать меня и когда воцарилась тишина, я спросил их, в честь чего они бросили работу и пришли к Комитету Защиты Революции?

—Мы пришли в распоряжение Комитета, — последовал ответ, — и мы не последние.

— Значит, есть еще порох в пороховницах?!

— Есть, есть и достаточно есть! — кричали манифестанты в ответ мне.

Я начал было терять равновесие, чуть чуть было не прослезился от радости за широкий размах украинской рабочей и крестьянской души. Передо мной предстала крестьянская воля к свободе и независимости, которую только ширь и глубина украинской души может так быстро и сильно выявлять.

Первыми моими словами к манифестантам было: «Так слушайте же, товарищи, если вы пришли в распоряжение Комитета Защиты Революции, то предлагаю вам разбиться на группы в десять-пятнадцать человек, с расчетом по пять человек на подводу и не медлить ни одного часа: — облететь весь Гуляйпольский Район помещичьих имений, кулацких хуторов и немецких богатых колоний и отобрать у этой буржуазии все огнестрельное оружие, как-то: винтовки, центральки, дробовые простые ружья, да из холодного — шашки. Ни пальцем, ни словом не оскорблять самой буржуазии.... С революционной отвагой и честью мы должны это сделать в интересах революции, против которой вожди буржуазии, пользуясь попустительством революционеров, сорганизовали под крылышком Временного Правительства свои силы и уже начали действовать оружием.

«Как уполномоченный Советом Крестьянских и рабочих Депутатов Района, Группой А.-К. Советом Проф. Союза принять временное идейное руководство организацией нашего революционного движения, оставаясь в то же время главным Комиссаром Комитета Спасения Революции, я считаю не лишним сказать всем товарищам, уезжающим по делу разоружения буржуазии, чтоб они не увлеклись и не бросились в грабеж. Это — дело не революционное, и за него каждый из нас, пока я буду стоять во главе организации нашего общего дела, попадет на суд всеобщего революционного схода-собрания крестьян и рабочих Гуляй-Поля.

«Мы должны в течение двух, максимум — трех дней, обезоружить буржуазию и все оружие сдать в Комитет Спасения Революции, для распределения его среди истинных защитников революции. А поэтому не теряйте времени, разбивайтесь на группы, берите удостоверение в Комитете Защиты Революции на предмет официального отобрания нам нужного от буржуазии оружия и уезжайте, собирайте его»..

У крестьян, когда они сознают, что это нужно, быстро все делается. В то время, как я говорил манифестантам, что нужно разбиваться на группы, с расчетом по пять человек на подводу, они разослали своих людей по домам, и около 30-40 подвод уже с'ехались и выстроились на Соборной площади в ожидании посадки людей на них.

А удостоверения в Комитете Защиты Революции были заготовлены после вчерашнего решения о том, **за что прежде всего Комитет должен взяться в интересах революции.** На них оставалось только вписать фамилию пред'явителя и поставить подпись Главного руководителя. А последний всегда и посреди улицы под таким удостоверением подпишется. Так, фактически и было: я

подписал эти удостоверения крестьян и рабочих, уезжавших на район, чтобы разоружить буржуазию.

И когда все было готово, и все сели на подводы, я сказал еще несколько слов уезжающим о настоящем тяжелом моменте для революции, о важности своевременного и решительного действия трудящихся на местах в пользу роста и развития ее. И вот, крестьяне и рабочие — эти застрельщики революции в Гуляйпольском районе, идейно охватывавшем несколько волостей других уездов своей организацией активного вооруженного действия против буржуазии, — выехали на район.

Часть же крестьян и рабочих занялась в самом Гуляй Поле отобранием оружия у буржуазии и у наехавших сюда офицеров с фронта.

Комитет Защиты Революции вместе с Советом Крестьянских и Рабочих Депутатов устроил экстренное заседание, на котором постановил созвать в спешном порядке внеочередной районный с'езд Советов, с участием в нем Группы А. К. и Совета проф. Союза рабочих металлистов и деревообделочников Гуляй Поля.

На общем заседании Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов с Комитетом Защиты Революции было постановлено войти в более тесный союз с группой анархистов-коммунистов и совместными силами, сейчас же до созываемого с'езда Советов, повести организационную работу с целью лишить «Общественные Комитеты» в районе права решать на своих собраниях какие бы то ни было вопросы общественного характера в окончательной форме.

Эта совместная работа трех революционных единиц помогла нашей группе еще больше развить свою деятельность среди тружеников подневольной деревни и сроднить их с мыслью о свободном бесвластном обществе. Трудящиеся Гуляйпольского района, не задумываясь над тем, что на них могут обрушиться репрессии со стороны власти из центра, урезали все «Общественные Комитеты» — периода Коалиционного Правительства социалистов и буржуазии. Комитеты, сущность которых заключалась в приказах и указах, как народ должен себя вести, что делать и чего не делать без правительства, о

чем думать без предварительного разрешения будущего Учредительного Собрания, были урезаны в своих правах настолько, что превратились из решающих единиц законодательного типа в единицы совещательного характера. Они были лишены права решать какой бы то ни было общественный вопрос в окончательной форме, не вынеся его для пересмотра и утверждения на общественные сходы-собрания.

Такое отношение трудящихся к «правам» и к власти своих угнетателей и врагов революции, врагов всего здорового и творческого в ней, вызвало страшный переполох в рядах носителей власти. Ревностные сторонники идеи коалиции с буржуазией против революции забили тревогу. Однако, как они ни злились,, заседая в Общественных Комитетах и на местах, какие средства они ни пускали в ход, при помощи центров, чтобы пошатнуть и выбить таким образом трудящихся Гуляйпольского района из занимаемой ими позиции по отношению к ним и власти их правительства, какую гнусность, наконец, эти глашатаи власти ни разносили всюду, устно и печатно о самих трудящихся района и в особенности о действовавшей в нем Группе Анархо-Коммунистов, — они не уехали на этом далеко.

Живые факты о действии власти вообще и власти, назвавшей себя революционной, расходились с требованиями революции. Они породили застой в революции и вызвали к жизни контр-революцию, отвратительная физиономия которой, в лице движения ген. Корнилова ярко и выпукло стояла перед трудящимися массами вообще.

Трудящиеся Гуляйпольского района, наблюдая за этим долгие месяцы, теперь становились на путь анархического понимания сущности революции, сознавая, что это единственно верный путь к ее спасению и полному ее завершению. Поэтому на все требования уездного Общественного Комитета и уездного правительственного комиссара — присылать им из Гуляй Поля еженедельные сведения о развитии в районе революционно-общественной жизни, а также причитаемое с него денежное обложение, которое налагалось на деревню в

пользу фонда проповеди идей Временного Правительства, — отвечали тем, что через Комитет Защиты Революции обезоруживали в районе весь буржуазный элемент и провозглашали частную собственность на земли, фабрики и заводы и другие виды и формы общественных предприятий в районе не действительной и не имеющей ниакаких прав на существование. «Все это должно принадлежать всем, а не кучке бездельников-тунеядцев»... (Из протокола № 3, книга вторая Комитета Защиты Революции в Гуляй-Поле, 1917 г.).

ГЛАВА XIII.

БОРЬБА С КОНТР-РЕВОЛЮЦИЕЙ, ИДУЩЕЙ НА ДЕРЕВНЮ

Итак, оружие у буржуазии отобрано и роздано по рукам революционных крестьян. Отобрание произведено спокойно, без жертв.

Открылся С'езд Советов, который созывался, чтоб разобрать причины, породившие движение ген. Корнилова и уяснить его цель.

Избрание Гуляйпольским Советом и другими организациями «Комитета Защиты Роволюции», как и все действия их до этого с'езда, с'езд приветствовал, выражая свое убеждение, что настал час действовать.

Разбирая вопрос Корниловского похода на Петроград, который был уже отбит, с'езд еще раз подчеркнул, что считает преступлением разрушение внешнего фронта и призывал всех трудящихся в корне убить корниловщину на местах. Он решил вместе с тем поддерживать внешний фронт, как необходимый для защиты революции от внешнего врага. Коснулся и других вопросов, а именно: в первую очередь одобрил провозглашение отмены частной собственности в районе и коснулся земельного вопроса. Группа Анархистов - Коммунистов предложила с'езду свой доклад по этому вопросу. С'езд его заслушал из уст тов. Крата и Андрея Семенюты. Доклад этот в своих основных чертах заключался в мерах практической ликвидации помещичьего и кулацкого

права собственности на землю и на те роскошные большие усадьбы, которых они своим трудом не могут обслужить. Группа предлагала немедленно отобрать земли и организовать по усадьбам свободные сельско - хозяйственные коммуны, по возможности с участием в этих коммунах и самих помещиков и кулаков. А если последние откажутся стать членами семьи свободных тружеников и пожелают сами индивидуально трудиться на себя, тогда определить им по трудовой норме из находящегося в их распоряжении народного богатства и дать им возможность жить за счет своего труда, обособленно от свободных сельско - хозяйственных коммун остальных тружеников.

С'езд вызвал к себе представителей Гуляйпольского Земельного Комитета и просил их сделать ему доклад, что предпринято в области земельного вопроса в этом Комитете. Тов. Ф. Крат был членом Земельного Комитета. С согласия остальных членов он доложил с'езду, что предпринято Комитетом в этой области, подчеркнув, что Комитет не расходится с только что изложенным докладом Группы Анархо - Коммунистом, и что это положение представителями Гуляй Поля было поставлено на повестку перед районным с'ездом земельных комитетов, и с'езд принял его за основу для разработки решения земельного вопроса.

С'езд Советов с полным участием (как я уже отмечал) Совета профсоюза рабочих, Земельного Комитета и Группы А.-К., обсудили эти два доклада анархистов-крестьян, с полным и отчетливым сознанием революционного долга по отношению к угнетеннному труду, который только теперь решено революционным путем избавить от этого позора. Резолюция с'езда по этому вопросу гласит:

«Гуляйпольский Районный С'езд трудящихся решительно осуждает претензии Правительств — Временного Правительства в Петрограде и Украинской Центральной Рады в Киеве — на управление жизнью трудящихся и призывает советы на местах, все трудовое население, вокруг них организовавшееся, игнорировать всякие распоряжения этих правительств. Народ — правитель для

себя, в своей среде. Это — его исконная мечта, и настал час осуществления ее в жизни. Отныне вся земля, фабрики и заводы должны принадлежать трудящимся.

Трудовое крестьянство — хозяин земли, рабочие — хозяева фабрик и заводов.

Перед крестьянами стоит задача — изгнать всех помещиков и кулаков, не пожелающих заняться собственным трудом, из их усадьб и организовать в усадьбах сельско - хозяйственные коммуны из добровольцев, крестьян и рабочих. Инициатором этого дела с'езд считает Группу А.-К. и поручает ей руководство организациею его.

Все нужные технические средства, какие имеются в распоряжении Советов и Земельных Комитетов на местах, С'езд надеется, что эти организации всегда представят в помощь группе для общей организации общего дела».

Далее С'езд выразил свою уверенность в том, что удачное закрепление трудящимися достигнутых завоеваний революции, которую враги трудящихся со всех сторон душат, приведет не один только наш район, а всю Украину и Россию к повсеместной и полной экспроприации в общее пользование трудового народа всех коллективных предприятий, которыми сейчас пользуется буржуазия и государство.

В то время, когда С'езд заканчивал свои работы, Комитет Защиты Революции получил от целого ряда новых волостей, до сих пор державших сторону власти Александровска, ряд телефонограмм, гласивших, что по селам и деревням раз'езжают агенты Александровского уездного Общественного Комитета, Совета Р.К.С. и К. Депутатов и правительственного комиссара, устраивают митинги и призывают крестьян бойкотировать с'езд советов в Гуляй Поле, так как на нем разрешают вопросы, которых до Учредительного Собрания никто не имеет права разрешать... Заявляют, что, хотя С'езд в Гуляй Поле и представляет собой крестьянский С'езд, но он решает вопросы во вред крестьянам... А руководители С'езда прямые враги ваши. Они не понимают законов революции и поэтому отвергают Временное «Революционное» Правительство, во главе с Керенским, и Верховного Революционного Судью — Учредительное Собрание...

К этим телеграммам я приложил предписание на имя Гуляйпольского Общественного Комитета от Правительственного Уездного Комиссара, который требовал от Гуляйпольского Общественного Комитета удаления Н. Махно от всякой общественной деятельности в Гуляй Поле: он, дескать, за разоружение помещиков и кулаков предается правительственному суду.

Когда С'езд заслушал телеграммы и послание правительственного комиссара, он сейчас же вызвал президиум Гуляйпольского Общественного Комитета и попросил его участвовать в разборе телефонограмм и, в особенности, требования комиссара удалить меня от всякой общественной деятельности.

После бури негодования по адресу раз'езжавших по деревням агентов правительства и по адресу правительственного комиссара, с'езд вынес следующую резолюцию:

«Гуляйпольский С'езд Советов, как и Гуляйпольский Совет, не признают над собой и над уполномочившими их на революционную работу трудящимися — никаких санкций, ни Правительственного Комиссара, ни Общественного Комитета из Александровска, и анархиста Махно по прежнему считают своим другом и руководителем в революционно - общественных делах.

«Бывший Гуляйпольский Крестьянский Союз послал анархиста Н. Махно, в числе шести своих членов, в Гуляйпольский Общественный Комитет для постоянного контроля над его работой.

«Крестьянский Совет после реорганизации Союза, этих шесть своих членов утвердил. С'езд это поддержал и протестует против наглого вмешательства Уездного Общественного Комитета и Правительственного Комиссара в дела трудящихся на местах».

Резолюцию эту (Из протоколов с'езда, Книга № 2 1917) я отослал правительственному комиссару гр. Б. К. Михно. Однако на этом дело не закончилось. Группа Анархистов - Коммунистов просила с'езд сделать пере-

рыв в последнем заседании на два часа, после чего она намеревается сделать весьма важный доклад о настоящем моменте. С'езд сделал перерыв на три часа, использовав их на делегатские интимные между собой беседы. Во время перерыва члены нашей группы устроили заседание, на котором поручили мне и товарищу Антонову сделать доклад с'езду о «конт-революции в г. Александровске и его уезде». Заседание возобновилось. Доклад был сделан.

Я считаю неуместным здесь приводить заключавшиеся в нем мысли, но от всей души желал бы, чтобы на таких докладах, если они повторятся где-либо от наших действующих рабоче-крестьянских анархических групп, присутствовали наши товарищи, которые много мнят о себе, когда подходят к крестьянам, совершенно не зная их. Из таких докладов они почерпнут многое, а из откликов на них крестьянской массы поймут психологию крестьян и раз навсегда запомнят, что революционная крестьянская масса не придет к ним никогда за санкцией и даже за советом по делам своей самостоятельной, плодотворной деятельности в революции. К ней надо итти и с особым чувством революционера и понимать ее.

Заслушав доклад нашей группы, с'езд вынес по нем следующую резолюцию: «С'езд трудящихся Гуляйпольского района поручает Гуляйпольскому Совету Кр. и Раб. Деп-ов снабдить докладчиков от крестьянской Группы Анархистов - Коммунистов — т. т. Н. Махно и В. Антонова надлежащими официальными удостоверениями и делегировать их от имени Совета и С'езда трудящихся в г. Александровск к Фабрично-заводским и портовым рабочим, с целью добиться от последних их истинного взгляда на избранный ими в г. Александровске Совет Рабочих Депутатов, чтобы уяснить нам, крестьянам безошибочно позицию городских рабочих по отношению к своему Исполнительному Комитету Совета, который насаждает через своих агентов контр - революцию по деревням уезда. Только таким путем, — говорил с'езд далее в резолюции, — мы, революционные крестьяне, сможем правильно учесть соотношение своих революционных сил и сил наших врагов». (Из протокола

с'езда трудящихся в Гуляй Поле, сентября месяца 1917 г.).

С'езд, обсудив затем еще ряд вопросов по текущему моменту, поручил Гуляйпольскому Совету напечатать все его резолюции и разослать по всем Советам на местах. На этом закончились его работы.

Такое отношение революционных крестьян к непрошенным земным владыкам, которое нами, анархистами-крестьянами, наблюдалось на протяжении шести месяцев революции и на сентябрьском С'езде подтвердилось с особой отчетливостью, еще более закрепило прочность революционного положения нашей группы в районе.

Для всех Советов и даже Общественных комитетов, Группа Анархистов - Коммунистов стала центром особого внимания. Но досталось ей это не легко. Много трудов потратила она на то, чтобы преодолеть сопротивление принципам определенной организации, и лишь тогда завоевала себе положение в рядах подневольной деревни, когда ввела внутри себя организованность, в силу которой каждый шаг ее действующих членов (В. Антонова, Сокруты и Калиниченко — в Совете Раб. Д-тов, Петровского, Серегина, Миронова, Г. Шаровского, Л. Шнейдера — в заводских комитетах, Н. Махно, Серегина, Антонова — в Совете профсоюза металлистов и их больничной кассе, А. Марченко, А. Семенюты, Прокофия Шаровского, Ф. Крата, Исидора Лютого, Павла Коростелева, братьев Махно, Степана Шепеля, Григ. Середы — в Совете крестьян и Земельном Комитете) — делался с ведома группы в целом ее составе.

Это об'единило группу вокруг дела проведения в жизнь нашей идеи. Каждый это понимал, и сознательно нес ответственность за свою работу.

Это же сроднило нашу группу с массой трудящихся и помогло ей ознакомить трудящихся с идеей анархизма в широком общественном смысле, идеей, которая призывала их к бдительности за действиями Временного Правительства и Украинской Центральной Рады с ее Секретариатом, как раз в тот момент, когда они были наи-

более вредными для практических целей революции. Трудящиеся района смело и во всеуслышание об'явили через свои с'езды, что они бдительно следят за своими палачами и готовятся взять в руки оружие против них.

С конца августа 1917 года, по району все общественные комитеты начали протестовать против тех или других, присылаемых им, приказов из центров. Протесты предварительно обсуждались на местах. Затем делегаты приезжали в Гуляй Поле советоваться с группой, а после этого выносились окончательные решения.

Однако, несмотря на это очевидное самосознание тружеников, самосознание, открывавшее им путь к полной духовной и материальной свободе и независимости от власти — к свободе, которую трудящиеся стремились обрести за какую угодно цену, своей кровью, почувствовать ее в себе, под собой и вокруг себя, что бы выявить свои социальные силы на пути к безвластному обществу, — я говорю, несмотря на весь этот могучий, сильно проявляющийся трудящимися — принцип уничтожения частной собственности на землю, фабрики и заводы, провозглашенный Гуляй Польским Комитетом Защиты Революции и подтвержденный районным С'ездом трудящихся, — провести практически и полностью в жизнь не удалось.

Временое Правительство, имея у себя за спиной «керенщину» (правую эсеровщину и меньшевизм), а через нее и государственный аппарат на местах, войска, стоявшие в стороне от дел трудящихся Гуляй-Польского района и не знавшие их революционных целей, — повлияло на район и осадило порыв трудящихся, опередивших программы этих партий своими требованиями свободы для жизни и плодотворного творчества, и не допустило воплотиться в жизнь здоровому начинанию. И права буржуазии позорно восторжествовали (правда, временно) над революционными массами труда. Этому ревностно содействовали люди, шедшие под флагом социализма, люди, игравшие в социализм.

Трудящиеся Гуляйпольского района, в своем дерзании стать полными хозяевами свободы и счастья в жизни, на сей раз ограничились лишь тем, что за аренду помещикам не платили денег, взяли землю и ведение земельных комитетов, а над живым и мертвым инвентарем до весны поставили своих сторожей, в лице заведующих, чтобы помещики не распродали его. Да удержали за собой контроль над производством.

Тяжело было смотреть, как все труженики по району метались в своем физическом бессилии по сравнению с силой врагов. Бессилие было весьма очевидным, поэтому возник вопрос: где нужно искать силу? Трудящиеся пришли к тому, что найти ее можно и должно только в своих рядах. И они занялись снова пополнением и сплочением своих рядов, ибо только из них могут родиться грозные силы, при помощи которых труженики освободятся от насевшего на них и изнуряющего их зла — государственности.

ГЛАВА XIV

ПОЕЗДКА К ФАБРИЧНО - ЗАВОДСКИМ РАБОЧИМ Г. АЛЕКСАНДРОВСКА

Несмотря на господствующую реакцию во всех правительственных учреждениях и рабочем Совете г. Александровска по отношению к трудящимся Гуляйполского района, делегаты от Гуляйпольского Совета и С'езда — я и тов. В. Антонов, — выехали в Александровск к фабрично - заводским рабочим с докладом о «контр - революции в г. Александровске и его уезде», веря, что революционное Гуляй - Поле имеет свое значение в Александровске. Власти его встретили нас со злобой, но не осмелились помешать нам пройти оффициально по всем фабрикам, заводам и мастерским и поделиться с рабочими тем, что думают крестьяне, какие они намечают шаги в своем революционном деле, и узнать от рабочих, что думают они, какие планы на будущее имеется у них, окруженных со всех сторон контр - революцией, которая от их имени перекинула свою работу в деревни. Гуляйпольский Совет и Профсоюз обещали нашей группе, в случае если власти вздумают арестовать нас, — организовать поход деревни на г. Александровск. Мы ехали спокойно.

В Александровске мы зашли в Совет и просили президиум об'яснить нам, с какой стороны города удобнее начать обход фабрик и заводов, чтобы не пропустить чего либо и лишних дней здесь не засиживаться.

На вопрос членов президиума Совета, для чего это нам, мы показали свои мандаты, и они, немного подумав, об'яснили нам и поставили на наших мандатах отметку пред'явления. Но выйдя из Совета, мы не пошли по пути, указанному нам в Совете, а отправились в федерацию анархистов, взяли с собой проводником и помощником в нашей миссии анархистку Никифорову и пошли втроем по фабрикам, заводам и мастерским.

В фабричных и заводских комитетах мы пред'являли наши мандаты, и нам тотчас же собирали всех рабочих для заслушивания нашего от крестьян доклада.

Несколько дней мы ходили по заводам, фабрикам и мастерским, делая доклады рабочим о действиях от их имени контр-революции по деревням и противодействии ей крестьянами. С особым вниманием рабочие выслушивали нас, и вынося свои резолюции протеста против действий своего Совета, благодарили нас, а через нас весь Гуляйпольский трудовой район за революционное посещение их и раскрытие перед ними того гнусного дела, которое от имени их совета совместно с правительственными организациями производится по уезду.

На многих наших докладах появлялись члены Александровскаго Совета Раб. и Кр. Депутатов и Общественного Комитета, а также агенты от Правительственного Комиссара и сам военный комиссар, с.-р. С. Попов. Все они выступали против наших докладов с особым ожесточением, свойственным только зазнавшимся господам положения. Однако, успеха не имели. Рабочие заявили им; «мы больше вам не верим, ибо, идя на поводу у буржуазии, вы многое полезное в революции затушевали перед нами. Вы хотите, чтобы мы были сторонниками революции, но без всяких прав на развитие, углубление и расширение ее».

На третий день, к вечеру, нам оставалось сделать еще один доклад в тыловых солдатских мастерских, бывшего завода Бадовского. Подошли к воротам этих мастерских. На нашу просьбу к часовому — пропустить нас в Комитет Солдатских мастерских, — часовой молча закрыл перед нами ворота. Мы сквозь ворота кричали ему, что мы от крестьян к рабочим - солдатам с докладом. Он вызвал члена солдатского комитета, который и заявил нам, через ворота, что Комитет об этом знает, но впустить нас к солдатам не может, так как последовало распоряжение военного комиссара с.-р. Попова, ни в коем случае нас не допускать к ним. В это время у ворот со двора мастерских начали собираться группы солдат, к которым я обратился непосредственно: «Товарищи солдаты, кто из вас кому служит? Вы — комиссару, которого сами избрали в Общественный Комитет, а он получил оттуда портфель комиссара над вами, или комиссар служит вам? Стыдитесь, товарищи, своего позора, поставившего вас в такое положение, что к вам не допускают представителей от крестьян — ваших отцов и матерей, братьев и сестер!»

Среди солдат раздались крики: «Где Комитет? Давай сюда комитет! Комитет должен раскрыть ворота и впустить к нам представителей от крестьян!.. Иначе мы сами их впустим»...

Выскочило человек пять солдат без фуражек и раскрыли нам ворота.

Солдаты привели в свою столовую, забрасывая нас разными деловыми вопросами о Гуляй Поле и его деятельности. Человек десять окружили меня и говорят мне: «Мы все левые с.-р. и большевики, есть среди нас и анархисты, но мы беспомощны здесь. Малейший революционный шаг — и нас сразу же военный комиссар отправляет на фронт против немцев, а сюда набирает других. Помогите нам чем можете, товарищ Махно. Мы задались целью отозвать всех солдатских представителей из Совета и Общественного Комитета и послать туда других, близких нашим идеям», — говорили мне окружавшие меня.

Я сказал им, что у нас определенная миссия от крестьян. Насколько она совпадает с вашей революционной идеей, вы ее успехам должны радоваться и с нею сочетать вашу работу,

Начался наш доклад. Солдаты тыловых мастерских с жадностью ловили каждое слово, стараясь правильно понять, задавали вопросы и радовались.

Когда мы призывали солдат - рабочих войти в организационную связь с крестьянами уезда через Гуляйпольский район и создать единый революционный фронт против контр-революции, — в это время из солдатской массы раздался крик: «Против какой контр-революции? Вся власть в руках революционеров. Откуда же может взяться контр - революция?!» То кричал военный комиссар с.-р. Попов, окруженный своими сотоварищами. Когда тов. Антонов ему ответил, что эта же власть «революционеров» и создает контр - революцию, комиссар Попов, с.-р. Мартынов и другие социалисты вступили в диспут. Из диспута выяснилось, что тыловые мастерские находятся под влиянием эсэров и эсдэков. Но это влияние не идейное, а государственно - властническое. Солдатская масса делится на разные политические группировки, и большинство из них не правые эсеры и не меньшевики - эсдеки. Но в силу того (солдаты нам во всеуслышание сказали опять), что за каждое активное революционное убеждение солдат рискует при первом же своем выступлении быть отосланным на внешний фронт, он сдерживается и молчаливо, до поры до времени, мирится с государственно - властническим засилием правых эсеров и меньшевиков эсдэков здесь. Это засилие эсэров и эсдэков меня настолько взволновало, что я тут же выступил с призывом к солдатам отозвать этих социалистов из всех учреждений и выбросить их даже из мастерских. Я обещал солдатам содействовать им, чтобы их право на это ничем не было нарушено, перед губернским военным комиссариатом, во главе которого стоял в это время анархо - синдикалист тов. Гринбаум, человек с сильной революционной волей и порядочный военный администратор в губернии. В крайнем случае они должны отстоять свое право, выйдя из мастерских вооруженными на улицу, а Гуляй Поле всегда их поддержит.

Этот мой призыв солдат воодушевил. Они хотели сейчас же вынести эсэров и эсдэков из мастерских. И если бы не наше революционное сознание своей ответственности за жизнь этих людей, они были бы разорваны в куски. С трудом нам удалось удержать солдат от этого недостойного революционеров акта по отношению к революционерам же (хотя агенты правительства и этих «революционеров» убили тов. Асина в Петрограде на даче Дурново и много других революционеров и анархистов 3 и 5-го июля).

Солдаты - рабочие тыловых мастерских вынесли по нашему докладу резолюцию об отозвании из Совета и Об'единенного Комитета г. Александровска своих представителей совсем, если эти организации со всеми рабочими не будут реорганизованы, а также другую резолюцию о поддержании Гуляйпольского трудового революционного района...

А когда мы уходили из мастерских, солдаты нас просили передать крестьянам подневольной деревни, что они всегда поддержат их в борьбе за свободу и просили почаще с такими докладами от крестьян приезжать к ним. Было уже поздно. Уставшие, мы поужинали у одного из товарищей рабочих и разбрелись по квартирам.

В эту ночь правительственный и военный комиссар — помещик Б. К. Михно и с.-р. Попов собрались с силами, подбодрили себя и распорядились потихоньку схватить анархистку Никифорову за то, что она выступала с нами перед рабочими, не имея на то полномочий от крестьян, и тихо посадили в тюрьму. Их агенты быстро отыскали квартиру анархистки и, схватив ее, усадили на авто и отправили в тюрьму. Но к несчастью комиссаров, рабочие всех заводов и мастерских Александровска узнали об аресте анархистки М. Никифоровой с самого утра, когда шли на работу, и тут же избрали делегации и послали их к комиссарам, уполномочив их требовать немедленного освобождения Никифоровой. Комиссары укрылись от рабочих делегаций. Рабочие их не нашли.

Тогда рабочие фабрик, заводов и мастерских бросили свои станки и под сильные тревожные фабрично - заводские гудки вышли на улицы города и стройными организованными рядами под знаменами и с революцион-

ными песнями пошли к Совету Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Во время этого революционно солидарного шествия рабочие поймали председателя Совета Р. и Кр. Д. социал-демократа Мочалого и назначили тут же свою комиссию, которая усадила председателя совета на извозчика, вместе с ним поехала в тюрьму и освободила анархистку М. Никифорову. Когда рабочая делегация, председатель Совета и анархистка Никифорова под'езжали из тюрьмы к тянувшейся по Соборной улице рабочей демонстрации, рабочие схватили анархистку на руки и, передавая ее из рук одной группы на руки другой, так несли ее до Совета, поздравляя ее со свободой и посылая проклятия Временному Правительству и его агентам — александровским комиссарам и правительственным организациям.

Ни один из комиссаров не показался на трибуне Совета перед рабочими. На ней стояла анархистка и своим сильным голосом звала рабочих к борьбе с властью государства за революцию, за всеобщее бесвластное общество.

Наши доклады закончились призывом, обращенным к рабочим против зарвавшегося на своем антиреволюционном пути Александровского Совета. Своими докладами мы предрешили его участь в том составе и с той политической физиономией, которую мы знали по его агентам в деревнях и на с'ездах. Дерзкая выходка комиссаров по отношению к анархистке, — выходка ни с политической, ни, особенно, с тактической стороны, для серьезных политических деятелей ничем не оправдываемая, только ускорила падение право - эсеровского, эсдеко-меньшевистского и кадетского по убеждениям городского Света.

Фабрично - заводские рабочие тут же поставили перед собою задачу как можно скорее переизбрать Совет. В течение нескольких дней были назначены перевыборы. Рабочие отозвали всех своих старых представителей и избрали, в большинстве случаев, других.

Таким образом был сконструирован новый исполнительный Комитет Совета Р. и Кр. Депутатов в Александровском уезде.

В этот новый Исполком вошли люди, опять таки, — не рабочие, кровно заинтересованные прямым делом своего класса: — это были, хотя и рабочие по своему положению, но партийные духовно и организационно близкие левым соц.-революционерам, большевикам и отчасти анархистам. Они разбились на фракции и, с первых же дней своего вступления на порог исполкома уродовали и, пожалуй, если бы не анархисты, то совсем изуродовали бы у широких рабочих масс понятие о сущности революции.

Однако, этот вновь образовавшийся Александровский Совет Р. и Кр. Депутатов уже не поддерживал явно контр - революционного Александровского уездного «Общественного Комитета» и Правительственного Комиссара в их требовании от Гуляйпольского Общественного Комитета устранить меня от общественной деятельности за разоружение буржуазии. Также не настаивал новый Совет и на возвращении буржуазии отобранного нами оружия. Новый Александровский Совет, по примеру государственнических политических единиц, почувствовал важную потребность: чтобы члены его имели новые портфели под мышками, как вершители судеб революции. И они день за днем заседали, разрабатывали положение для своей деятельности. Время для такой работы было благоприятное. То был период, когда большевики и левые социал.-революционеры во многом сходились и выдвинули вопрос о блокировании. В центрах той и другой партии он оффициально еще не был поставлен, но фактически близился к удовлетворительному решению именно в этом направлении.

Мы, я и тов. Антонов, покинули г. Александровск неохотно. Нам обоим хотелось поработать вместе с городскими рабочими Александровска, среди которых оказалось много славных и беззаветно искренних рабочих борцов. Они были заметны в массе, но не принадлежали ни к одной политической партии. Сочувствовали анархистам. Хотелось с ними остаться среди рабочих, но мы не имели на это права. Мы начали организационную ра-

боту среди крестьян и видели ее живой. Нужно было возвращаться к ней. Мы возвратились в Гуляй Поле.

По возвращении в Гуляй Поле, мы созвали все гуляйпольские революционные, профессиональные и общественные организации и сделали подробный доклад о наших успехах в г. Александровске. Затем был созван всеобщий сход - собрание всего трудового населения Гуляй Поля и ему тоже мы сделали подробный доклад о том, как нас городские рабочие приняли, с каким вниманием отнеслись к нашему от имени крестьян, сделанному им докладу о контр - революции в г. Александровске и его уезде, и о том, что передали рабочие и солдаты тыловых мастерских трудовому крестьянству и рабочим нашего Гуляйпольского революционного района. Наши успехи среди рабочих г. Александровска вызвали радость во всем трудовом населении.

Революционные труженики жаждали действия. Я предложил крестьянам выделить из себя дельных людей в помощь Земельному Комитету и поспешил разделить церковные, помещичьи и государственные земли, которые необходимо засевать на зиму и вспахивать, подготовляя к весне.

Крестьяне решительно взялись за это дело, но, когда они выехали в поле и приступили к разделу ее практически, то выяснилось, что необходимо оставить за каждым крестьянином на этот год ту землю, которую он уже вспахал и засеял озимым, с вычетом из него известной суммы в пользу общества, чтобы, таким образом, уравнять общественный фонд, расходуемый на общественные нужды, в который не взявшие и не вспахавшие себе земли, не будут вносить этот год своей доли. В общем же крестьяне забрали землю, которую нужно было вспахать на зиму, и разделили ее, не обращая никакого внимания на угрозы правительственных агентов. Этому примеру крестьян Гуляйпольцев последовал целый ряд волостей, районов и уездов.

Наша Группа Анархо - Коммунистов и члены Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов разослали всюду своих людей и листовки - призывы, в которых призывали народ действовать в этом направлении, как можно ре-

шительнее. Мы полагали, что успехи прямого революционного действия тружеников на местах решат земельный вопрос в окончательной и справедливой форме до Учредительного Собрания, и этим предрешат судьбу частной собственности и на фабрики, заводы и другие виды предприятий, так как рабочие, имея пример крестьян, не останутся рабами хозяев этих общественных предприятий: они провозгласят их общественным достоянием и возьмут их под непосредственное руководство своих заводских комитетов и союзов. А отсюда начнется аттака против государственной политической власти (если наши анархические группы по городам находятся на своих местах) и смерть принципу самой государственности станет свершившимся фактом в жизни трудящихся. Останется лишь одно дело: похоронить их решительно так, чтобы они не находили себе места в жизни и не воскресали...

В Гуляй - Поле и вокруг него общественная жизнь приняла здоровый характер. Это вызвало радость у революционеров анархистов, крестьян и рабочих.

ГЛАВА XV.

ЗАИГРЫВАНИЕ ГУБЕРНСКОГО СОВЕТА С ГУЛЯЙ - ПОЛЕМ

В то время, как мы, я и тов. Антонов, были в г. Александровске и выступали по фабрикам и заводам от имени Крестьянского С'езда и Гуляйпольского Совета перед рабочими с докладом о контр-революции в г. Александровске и его уезде, на нас обратил серьезное внимание Екатеринославский Губернский Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Он, как более выдержанный политик не прибег к репрессиям, к каким обыкновенно прибегают несмотрительные, глупые революционные и контр - революционные политики. Он прибег к «политической мудрости»: обойдя уездную инстанцию, прислал Гуляйпольскому Совету предложение делегировать своего постоянного представителя в Губернский Исполнительный Комитет Советов.

При обсуждении этого предложения, Гуляйпольский Совет был удивлен тем обстоятельством, что из Гуляй Поля уже прошел один человек на выборах губернского с'езда в его Исполнительный Комитет, и он — там. Однако, Губернский Исполнительный Комитет Советов Р., К. и С. Депутатов предлагает послать человека непосредственно от гуляйпольского Совета.

Это предложение заставило наш Совет Раб. и Кр. Депутатов вернуться к прошлым своим взглядам, руководствуясь которыми, он с первых же дней определенно формулировал свою задачу в деле революции, отвергнув руководство над собой высшей инстанции, как идейно расходящейся с его пониманием сущности революции. Поэтому и казалось, что принципиально у нас этот вопрос давно разрешен по отношению к Губернскому Исполнительному Комитету Советов. Оставалось только предложение его провести через формальное заседание и запротоколировать.

Однако, мы, крестьяне, коснувшись разбора своих основных революционных взглядов, наткнулись на вытекающие из них задачи на пути практических завоеваний революции. Они вели нас к полному революционному слиянию с рабочими, чтобы провозгласить сообща свое право на историческое наследие: земли, фабрики и заводы и пр., сообща выразить его практически в жизни.

Руководствуясь этой мыслью, мы нашли весьма нужным обсудить предложение Губернского Исполнительного Комитета Советов всесторонне, придав ему как с положительной, так и с отрицательной стороны, более или менее определенное значение с революционно - общественной точки зрения для Гуляйпольского района. Вопрос этот был подвергнут серьезному обсуждению. Последнее потребовало точного выяснения во первых вопроса: о связях вообще Гуляйпольского райна трудящихся с другими районами на пути расширения и углубления процесса революции, и во вторых, вопроса о том: не приведет ли наше непосредственное представительство в Губернском Исполкоме Советов к идейным конфликтам в наших рядах?

В результате выяснилось, что связи Гуляйпольского

района обширны, что Камышеватский район энергично действует вместе с Гуляй - Полем. Многие районы из Бердянского, Мариупольского, Павлоградского и Бахмутского уездов присылают к нам своих делегатов, чтобы уяснить революционную позицию Гуляй Поля по отношению к врагам революции: «Временному Правительству и Украинской Центральной Раде, а также изучить, наши пути борьбы за переход всех земель, фабрик и заводов в непосредственное распоряжение трудовых организаций крестьян и рабочих. При этом многие районы упомянутых уездов уже выразили у себя на местах в ряде действий солидарность с нами, разделяли нашу точку зрения на земельный вопрос и на вопрос о недопущении «Общественных Комитетов» к управлению. Стояли за саморазрешение общественных дел широкими мерами и требовали от общества проводить их указания в жизнь.

Гуляйпольский Совет Кр. и Раб. Депутатов и Группа Анархо - Коммунистов во всем этом видели плоды своих совместных усилий. Под влиянием идеи единения Совет решил вопрос о посылке своего представителя в Губисполком Советов в положительном смысле: послать хорошего, способного товарища из Группы Анархистов - Коммунистов.

Мотивы к этой положительной резолюии были предоставлены членами Гуляйпольского Совета — крестьянами и рабочими, не членами группы. Они себя считали революционерами, сочувствовали анархистам, но оставались в гуще рабочей и крестьянской массы, как труженики и хорошие защитники прав труда. Резолюция сводилась к следующему: Трудящиеся Гуляйпольского района являются одними из наиболее идейно выраженных застрельщиков на пути экспроприации частной собственности на орудия производства и средства потребления в пользу своего трудового люда. Но они не увлекаются на этом пути. Они сознают, что этот чрезвычайно важный вопрос может быть успешно разрешен лишь в том случае, если идея экспроприации будет выражена в нескольких районах сразу или, по крайней мере, не через длительный промежуток времени в одном после

другого. Поэтому важно и должно, чтобы Совет, Группа Анархистов, Совет рабочего профсоюза, который имеет силы, родственные нашей идее, как можно шире и глубже внедрили это в понятие масс, близких Гуляй Полю районов, так как поддержка Гуляй Поля со стороны прилегающих к нему районов в нужный момент окажется настолько важной, что от нее будет зависеть успех практического осуществления этой идеи во всех местностях, находящихся дальше от Гуляй Поля. На долю Гуляй Поля, как инициатора в этом великом деле, выпадет роль руководителя, а эту роль Гуляй Поле может выполнить лишь тогда, когда прочно закрепит в жизни у себя, в своем районе, идею экспроприации частной собственности. С этой стороны весьма важно для Гуляйпольского Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов иметь непосредственно от себя дельного товарища при Губернском Исполнительном Комитете Советов. Группа Анархистов - Коммунистов и Совет Профсоюза металлистов и деревообделочников не должны против этого выступать, а, наоборот, поддержать это.

По этой мотивировке и Группа Анархистов - Коммунистов и Совет Профсоюза высказались на заседании Совета Крестьян и Рабочих Депутатов в пользу решения послать своего представителя в Губисполком Советов.

Так как Совет настаивал, чтобы послать этого представителя от имени Совета из числа членов нашей группы, то группа назначила товарища Льва Шнейдера, довольно опытного рабочего организатора.

Время было особенно тревожное. Керенский грозил реакцией против левых. Революционерам анархистам нужно было быть готовыми или к открытой революционной вооруженной борьбе против Временного Правительства, или к уходу в подполье.

Я отлично знал, что наше анархическое движение, за отсутствием прочной организации по городам, слабо, а по деревням и совсем почти не существует. Следовательно, нашей группе нужно совершенно самостоятельно ориентироваться в этих вопросах, как раньше было решено, и быть готовой ко всему.

Тов. Л. Шнейдера Совет снабдил рядом документов от себя, что он, его член, уполномачивается быть представителем от него при губернском Исполнительном Комитете Совета Р. К. и С. Депутатов. Группа А.-К. дала ему свой наказ о поведении и о работе вместе с Екатеринославской федерацией анархистов. Совет Профессионального Союза металлистов и деревообделочников дал от себя ему полномочия, чтобы он постарался войти в связь с Областным Промышленным Комитетом, который находился в Екатеринославе, чтобы во время и полностью Гуляйпольские Чугунно-литейные заводы получали сырые материалы, дабы таким образом работы на заводах не сокращались, или, если и сокращались бы, то только в тех отраслях, которые сейчас не нужны населению Гуляйпольского района.

В Губернском Исполнительном Комитете Советов, представителя от Гуляй Поля встретили и приняли с распростертыми об'ятиями. Но... одно-два заседания Губернского Исполнительного Комитета, одно-два выступления на них представителя от Гуляй Поля — сразу изменили отношения руководителей Исполкома к нему. Его положение становится тяжелым. Некоторые члены губисполкома ставят на обсуждение вопрос об отобрании от представителя Гуляй Поля права решающего голоса, с оставлением ему только права совещательного. Представитель от Гуляй Поля — Лев Шнейдер ответил на это, что он никогда никакого решающего голоса не имел и не имеет в Губисполкоме Советов. Он на это Гуляйпольским Советом не уполномочен. Он делегирован в губисполком для того лишь, чтобы быть в курсе всех предпринимаемых губисполкомом шагов в области разработки новых революционных положений на пути завоевания революции, чтобы осведомлять губернский Исполком, или точнее, представителей труда всей губернии, с'езжающихся сюда на с'езды, что предпринимается в этой области трудящимися Гуляйпольского района, чтобы, таким образом, совместно и во время, заполнять все те пробелы, которые могут оказаться в революцион-

ной самодеятельности трудящихся масс на местах, того или другого уезда или района.

После такого откровенного выяснения Шнейдером мотивов, приведших его из Гуляй Поля в Екатеринослав, в губ. Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, многие члены губ. Исполкома поставили на повестку дня вопрос о совершенном упразднении мандата представительства Гуляй Поля.

Однако, время было такое, что упразднить представительство от Гуляй Поля в Губисполкоме — значило вызвать бойкот со стороны Гуляй Поля и ряда прилегающих к нему революционно-трудовых районов против Губисполкома. Это значило показать трудовым массам всей губернии, и далеко за пределами ее, что Екатеринославский Губернский Исполнительный Комитет отстал в деле революции от революционной трудовой массы на местах. Труженики таких революционных и, с этой стороны, известных на громадном пространстве Украины районов, как Гуляйпольский, об'явили бы ему бойкот. Такой акт не лестен в напряженные моменты революции ни для кого, а для политиканов в особенности.

Губернский Исполнительный Комитет Советов это верно учитывал и, скрепя свое властью отравленное сердце, оставил представителя из Гуляй Поля в своих рядах, подбирая ему место в какой-нибудь секции. И, конечно, подобрал. Представитель Гуляйпольского Совета попал в одну из деловых секций Исполкома — если не ошибаюсь, кажется, в промышленную (?)

Наш представитель ездит еженедельно в Гуляй Поле, делает доклады Совету Кр. и Раб. Депутатов, профессиональному Союзу рабочих, своей группе А.-К. Здесь доклады его обсуждаются. Он набирается новых сил и на целую неделю снова уезжает в Екатеринослав.

При его посредничестве Совет профсоюзов сговорился с областным Промышленным Комитетом и во время начал получать для заводов нужные сырые материалы.

Районный С'езд земельных комитетов выделили ряд

помещичьих имений для организации в них из добровольцев ряда сельско-хозяйственных коммун.

Трудовое крестьянство и рабочие, — кто индивидуально — своей семьей или сообща с соседями, по характеру подходящими, организовавшись в небольшие — в «50-200 человек — свободные сельско-хозяйственные коммуны, — с радостью на лицах, свободно обсуждают между собой, как они ожидают весны, чего и поскольку будут засевать из весенних яровых хлебов, какие из них дадут надлежащий урожай и, следовательно, помощь революции, если погода будет хорошая, не сухая, а с дождями, которые нашему чернозему нужны в определенное время весны и первого и второго месяца лета.

Только полный засев земли хорошим зерном яровых хлебов и хороший их урожай поможет нам оправиться от военной разрухи и поддержат силы революции в ее лучших для нас, тружеников, делах — говорили в это время крестьяне.

А когда анархисты поставили им вопрос: «А Временное Правителчьство в Петрограде, а Центральная Рада и ее Секретариат в Киеве? Они ведь прямые враги этого великого дела революции, которое вы стремитесь поддержать?» Ответ всегда был один, и с одинаковым революционным пафосом: — «Да мы же организовываемся для того, чтобы Временное Правительство разогнать, а Центральную Раду с ее Секретариатом не допустить восторжествовать. Мы думаем, что до весны мы покончим няньчиться с правительствами». «Кто это вы?» — бывало задаешь вопрос.

— Мы, крестьяне и рабочие. Вы ведь сами ездили к рабочим г. Александровска. Они тоже, как и мы, хотят жить свободно и независимо от черт батька знает где взявшихся на нашу голову властей, правительства и прочей заразы»...

***

В дни нашей сеньтябрской организационной работы среди крестьян и рабочих, к нам в Гуляй Поле Правительственный Комиссар, помещик — Михно прислал чи-

новника особых поручений составить протоколы на меня и на всех крестьян и рабочих, обезоруживавших в районе буржуазию. Чиновник особых поручений поселился в милицейской канцелярии и хотел, чтоб к нему милиция созвала всех крестьян и рабочих, со мною вместе, и по очереди пропускала нас к нему на допрос. Но, к несчастью комиссара и его агента, милиция в Гуляй Поле исполняла роль рассыльных, а не полицейских. Из милиции об этом сообщили мне в Комитет Защиты Революции. Я сам отправился к этому чиновнику и велел ему сейчас же собрать все свои бумаги в портфель и следовать за мною в Комитет Защиты Революции.

В Комитете я его усадил на стул и попросил об'яснить цель своего приезда, без волнения, а просто, как чиновник особых поручений от власти. Он старался об'яснить мне цель своего приезда так, как я его просил, но оно у него не выходило: губы у него дрожали, зубы стучали и сам он то краснел, то бледнел, смотря в пол.

Я его упросил записать без волнения то, что я скажу. И когда он, с трудом удерживая свою руку на листе бумаги, записал то, что я ему продиктовал, я попросил его в 20 минут покинуть Гуляй Поле и в два часа — пределы его революционной территории.

И чиновник особых поручений от Правительственного Комиссара Александровского уезда быстро, быстрее, чем я и Комитет Защиты Революции ожидали этого, выехал к своему владыке в г. Александровск.

После этого к нам в Гуляй Поле больше не поступало никаких приказаний и не посылалось чиновников из уезда.

Сентябрь месяц подходил к концу.

Надвигался Великий Октябрь, именем которого определилась Вторая Великая Русская Революция.

ЧАСТЬ II.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В РОССИИ

ГЛАВА I.

Отзвуки октябрьского переворота в Петрограде и Москве, а затем и во всей России — к нам на Украину дошли лишь в конце ноября и начале декабря месяца 1917 года.

До декабря 1917 года украинские труженики села и города знали об Октябрьском перевороте по воззваниям Всероссийского Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских, Солдатских и Казачьих Депутатов, Совета Народных Комиссаров, революционных партий и групп, из них, в особенности, двух партий: партии большевиков и партии левых социалистов - революционеров. Ибо они, эти две партии, наиболее удачно извлекали для своих целей пользу из русской революции этого периода. Почву для этого грандиозного революционного выступления рабочих и солдат — по городам, а крестьян по деревням против Временного Правительства, против его бездарных политических изгибов и влияний, позорных, но бессильных атак на революцию, подготовляли все революционные групировки, какие только русская революция могла вмещать в своем широком по заданиям русле. Но эти две партии — первая, хорошо организованная, а вторая, покорно шедшая на поводу у мудрого Ленина, — подошли во время и умело к трудовым массам и, ложно увлекая их лозунгами: «вся власть Советам Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов на местах», щедро приветствуя тут же массу за ея лозунг «Земля — крестьянам, фабрики и заводы — рабочим» — оседлали революцию и, имея в избытке в сво-

ем распоряжении бумаги и печатные машины, засыпали города и деревни своими воззваниями, декларациями и программами.

Анархисты играли в этом перевороте в Петрограде, Москве и ряде других промышленных городов особо выдающуюся роль в авангарде матросов, солдат - армейцев и рабочих. Но будучи дезорганизованы в своей политической целости, они не могли сравниться по своему революционному влиянию на всю страну, с этими двумя политическими партиями, под руководством того же мудрого Ленина составившими политический блок и определенно знавшими, за что им надлежало прежде всего в эти дни и месяцы взяться, и с какими силами и энергией. Их голос мощно и во время раздавался по всей стране, с определенными и четкими выявлениями перед трудовыми массами их вековых чаяний — завоевания земли, хлеба и воли. Анархисты же, будучи разобщены организационно, не успели даже показать массам всю неискренность и ложь этих двух революционных политических партий, строющих свое господство над революцией, пользуясь лозунгами, по своей антигосударственной сущности, чуждыми их государственным идеям.

Трудовые массы, за период контр-революционных деяний Временного Правительства и его прямых агентов — правых социалистических партий и кадетов, видели в лице большевиков и левых соц.- революционеров борцов за цели труда. Того, что они полны политического лукавства, массы сами не замечали. Толкнуть их на то, чтобы они серьезнее к этим партиям присмотрелись, могли только революционные анархисты: анархо-коммунисты и анархо-синдикалисты. Но анархисты, по старой традиции, до революции не заботились о создании каждой групировкой своей мощной организации. А в дни революции необходимая работа — одних среди рабочих, других — за пером и газетой, — не позволила им серьезно подумать о своей расхлябанности и положить ей конец созданием такой организации, с помощью которой можно было бы влиять на ход революционных событий в стране.

Правда, некоторое время спустя, анархистские федерации и конфедерации — родились. Но октябрьские события показали, что они не справились со своим делом. Казалось, что чуткие анархисты- коммунисты и синдикалисты должны были быстро взяться за переоценку форм своей организации, сделав их более устойчивыми и соответствующими социальному размаху революции.

Увы! этого не случилось! И из-за этого и из-за ряда других не менее важных причин анархическое движение столь живучее и полное революционного пафоса, очутилось в хвосте событий и временами чуть не отрывалось даже совсем от них, будучи бессильным пойти самостоятельным путем, оплодотворяя революцию своей идеей и своею практической, политической тактикой.

Итак, октябрьские революционные события, события проложившие путь к началу Второй Великой, Русской революции, реально начали выявлять себя на Украине лишь в декабре месяце 1917 года.

За время от октября до декабря, на Украине по селам и городам произошла реорганизация Общественных Комитетов (этих территориальных единиц) в Земские Управы. Правда, участие трудящихся в этой реорганизации было очень слабо и носило характер формальности. Во многих районах крестьянские представители в Общественных Комитетах в Земские Управы не пошли. Во многих местах просто переименовывали Общественный Комитет в Земскую Управу, не внося никаких изменений в его структуру. Но формально по всей стране территориальной единицей считалась Земская Управа.

Часть рабочих по городам мало-по-малу вступила на выжидательный путь.

Крестьяне находили момент самым удобным, чтобы ниспровергнуть власть и взять всю общественную судьбу в свои руки. С этой стороны крестьяне на Запорожьи и Приазовьи рассматривали октябрьский переворот в Петрограде и Москве, распространявшийся по всей центральной России в форме вооруженных аттак против сторонников Керенщины, как начало того, что сами они проводили у себя на местах еще в августе и сентябре 1917 года. И поэтому приветствовали его, стараясь расширить для него пути у себя на местах. Других моти-

вов, которые бы роднили крестьян и ту часть рабочих, которая осуждала всякое выжидание и действовала с Великим Октябрем, не было. Только с этой стороны октябрьский переворот в его воззваниях и газетах был встречен радостно украинскими революциоными тружениками подневольной деревни и порабощенного города. То обстоятельство, что этот революционный переворот привел к власти партию большевиков и левых социалистов - революционеров, не обольщало украинских революционных тружеников. Сознательные крестьяне и рабочие видели в этом новый этап вмешательства власти в революционное творчество тружеников на местах и, следовательно, — новую войну власти с народом. В массе же своей, украинские труженики, подневольной деревни в особенности, смотрели на эту новую революционно - социалистическую власть, как на власть вообще, которую они тогда только замечают, когда она их грабит разными налогами да набирает рекрутов в солдаты, или при других каких-либо насильнических ее действиях, которые встряхивают их тяжелую трудовую жизнь. Очень часто можно было услышать среди крестьян их настоящее мнение о дореволюционных и революционных властях. Они говорили, как будто шутя, но в действительности самым серьезнейшим образом и всегда с особой болью и ненавистью, что дурака Николку Романова от власти прогнали, второго дурака начал было разыгрывать из себя Керенский; теперь и этого прогнали. Кто же после него начнет разыгрывать в наш век, за наш счет этого дурака?

— Володька Ленин! — говорили одни.

Другие говорили: без «дурака» не обойтись. (Причем под словом «дурак» они разумели всегда только власть). Город для этого только и существует: его идея и система — дурная: город вызывает к жизни этого «дурака», говорили крестьяне.

В действительности, мудрый Ленин, правильно понимал город. Поставил на пост этого «дурачка» под флагом диктатуры пролетариата — группу лиц, возомнивших о себе, как о знающих эту роль, лиц, способных на что хотите, лишь бы быть на посту властелина и навязывать свою подчас дурную волю другому человеку и целому роду человеческому. Мудрый Ленин сумел вознести роль «дурака» на необыкновенную высоту, и этим соблазнить не только учеников симпатичнейшей по своей исторической революционно-боевой деятельности политической партии — левых социалистов - революционеров, превратя их в своих недоучек, но и некоторых анархистов. Правда, дети старой партии социалистов - революционеров — левые социалисты революцинеры через 7-8 месяцев своего лакейства перед мудростью Ленина опомнились и стали в оппозицию этой мудрости вплоть до вооруженного выступления против нее: но это не изменяет нами отмеченной истины о них.

ГЛАВА II.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К БОРЮЩИМСЯ ПАРТИЯМ

Как к самой идее Учредительного Собрания, так и к выборам его делегатов наша группа относилась отрицательно. Под влиянием агитации группы, трудовое население района в большинстве своем тоже отрицало самую идею Учредительного Собрания, однако, не все это большинство трудового населения бойкотировало выборы. Это об'ясняется тем, что социалистические партии— левые и правые эс-эры, социал-демократы-большевики, меньшевики и сильная партия кадетов — повели бешенную агитацию по всей стране за списки своих кандидатов. Под влиянием этой их агитации трудовое население страны разбилось на ряд группировок, совершенно разорвав свое единство, даже в вопросе о социализации земли. Кадетам и меньшевикам эсдекам, которые в то время стояли за передачу земли за деньги, это было на руку. — Наша Группа, следя за всеми действиями упомянутых партий, действиями, разрушавшими единство тружеников всей страны, предпочла кадетам и эсдекам, эсэров и большевиков, и в пользу этих последних воздержалась в это время от активной борьбы за бойкот выборов, предоставив своим членам, выступавшим на митингах и собраниях, устраиваемых этими пар-

тиями, раз'яснять трудящимся, что если кто-либо из них верит в идею Учредительного Собрания и желает участвовать в выборах делегатов в него, то тогда нужно голосовать за социалистов - революционеров (левые и правые эсэры выставляли один список № 3) или за большевиков № 9. И хотя выборы происходили на Украине с многочисленными списками кандидатов, но привлекали трудящихся три из них: № 3 — социалистов - революционеров, № 5 «украинский», т. е. сброд социалистической, шовинистической и национальной мешанины, и № 9 — большевистский. Списки эсэров и большевиков (№ 3 и № 9) имели колоссальный успех там, где трудовое население участвовало полностью в выборной кампании. № 5, «украинский» список — имел меньше успеха на левобережной Украине, чем любой из двух предыдущих (№ 3 и № 9) списков.

Правда, успех левых социалистических партий в выборной кампании об'ясняется, с одной стороны, тем, что украинский трудовой народ, не изуродованный политикой шовинистов, сохранил в себе свои природные своеобразные революционные черты и голосовал за революционные партии. С другой стороны, об'ясняется это еще и тем, что идея украинского осовободительного дела не строилась на трудовом и социальном самоопределении Украины, а на буржуазно - национальном, при чем и эта неприемлемая для двадцатого века идея буржуазии проводилась в жизнь ненормально и безответственными людьми, даже когда они натягивали на себя социалистические ярлыки и стремились говорить по социалистически. От этого суть дела не менялась; вопрос «украинского освободительного дела» оставался замкнутым в крайне шовинистические рамки. Сами главари его, за исключением двух-трех человек, в конце концов тоже продавшихся немецкому юнкерству в совместном походе против революции, представляли собой крайне разношерстный элемент, и это привело в ряды «украинского освободительного дела», даже на руководящие его посты, людей, которые могли говорить по-украински, но которым не место было в рядах украинского освободительного движения.

Ничто другое, как эта буржуазность и эта форменная шовинистическая политическая преступность вождей украинского освободительного дела, — преступность по отношению к трудящимся, к их великим завоеваниям прямым революционным путем свободы и права на самоопределение и новое свободное социально - общественное строительство, вызвали у трудящихся ненависть к самой идее «украинского освободительного дела». Украинские революционные труженики заметили все это сами во время и массы пошли против него, не щадя ничего с ним соприкасавшегося. Через два-три месяца после своего активного выступления против украинского шовинистического движения, уродовавшего великие начинания Русской Революции на Украине, они убедились, что были правы, выступая сразу и решительно против него.

Правда, в нашу задачу не входит в этих очерках разбирать физиономию украинского шовинистического движения, столь много причинившего вреда делу революции. В нашу зазадчу, в данном случае, входит правильное освещение того, какое влияние оказал Октябрьский Переворот сразу на второй день после торжества в Петрограде и Москве — на украинских революционных тружеников Запорожья и Приазовья, в особенности, на ряд районов: Александровского, Мелитопольского, Бердянского, Мариупольского, Бахмутского и Павлоградского уездов — районов, которые идейно были связаны с гуляйпольским Советом Крестьянских и Рабочих Депутатов и считали его инициатором в борьбе против правительства за право расширения и углубления антигосударственнического революционного процесса.

Я утверждаю из жизненного опыта районов, за которыми я серьезно следил, что в первые два месяца — именно ноябрь и декабрь — торжество Октябрьского Переворота в России украинскими тружениками на местах было только приветствуемо. Хотя они и не брали из его положений для своих действий ничего, но считали, что в основе Октябрьского Переворота лежат идеи подлинной революции, исходящее из глубоких недр проснув-

шихся подневольной деревни и порабощенного города.

Гуляйпольский район находился все время до октября на пути к тому, чтобы придать определенный и глубокий характер революции, характер совершенно независимый от каких бы то ни было государственных идей, даже тогда, когда в г. Екатеринославе в конце ноября 1917 года, сорганизовалось четыре оффициальных власти, из которых каждая в отдельности претендовала на руководительство революционными массами всей губернии и которые из-за этого злобствовали друг на друга и дрались между собой, втягивая в свою драку тружеников. Гуляйпольский район оставался совершенно независимым от той или другой из этих сторон, которые, случалось, временно торжествовали одна над другой.

К первым числам декабря в Екатеринославе фактически торжествовал уже блок большевиков и левых социалистов-революционеров. Гуляйпольский район, признавая эти партии за революционые, тут же безошибочно определил степень их революционности.

Трудящиеся говорили: Мы считаем большевиков и левых социалистов-революционеров — революционерами за их активную деятельность в революции. Мы приветствуем их, как стойких борцов. Но мы опасаемся их, как властников, ибо они, восторжествовав за счет наших сил над буржуазией и поддерживавшими ее в ее стремлениях разбить революцию правыми социалистическими группировками, сразу выдвинули свою власть, от которой попахивает властью вообще, которая веками нас душит, властью, которая что-то мало видно, чтобы стремилась использовать свое торжество для водворения в жизни идеи трудящихся самоуправляться у себя на местах, без приказа и указа начальников. Везде учреждаются комиссариаты. И комиссариаты эти больше с полицейским лицом, чем с лицом равного брата, стремящегося нам об'яснить, как лучше было бы устраиваться нам самим самостоятельно, без окриков начальников, которые жили на нашей шее до сих пор и не принесли нам ничего, кроме вреда. А раз этого стремления со стороны революционной власти не видно сейчас, раз вместо него, учреждаются полицейские институты, из которых, вместо совета, сыпятся окрики начальства, то в будущем его совсем не увидишь. В будущем этот приказ для каждого инакомыслящего и не в такт приказу ступающего по освобожденной земле, — явится смертью и разрушением его свободы и независимой жизни, к которой мы стремимся.

Труженики отдавали себе отчет, хотя и в туманных выражениях, но верно, что за счет их крови и жизни совершаются события, в которых одно зло ниспровергается, а другое навязывается им под всевозможными предлогами.

То, что трудовые массы имели представление о стремлении политических партий вооружало их на Украине против правого крыла социалистического движения и соединяло с теми, кого они видели на этом пути в своих рядах. На этом пути в своем авангарде они видели большевиков, левых эсэров, анархистов. Но первые две социалистические группировки знали, что им нужно было в этот момент делать и, помимо того, что заключили союз, они, каждая в своих рамках представляли определенное единство в действиях. Это выдвинуло их более выпукло в глазах трудящихся и определило их под одним названием «большевики», названием, в котором сливались все революционеры.

Это законченное революционное целое трудовые массы видели в своем авангарде и говорили: «Мы этих революционеров от души приветствуем; но у нас нет никаких данных на то, что они не передерутся между собой из-за стремления быть первыми среди нас, во всем подчинить нас себе. Это стремление у них есть и этим они создают новую войну, ставя нас, тружеников, наше право на революционную самодеятельность на пути творческого завершения революции на колени в угол перед своими эгоистическими и преступными партийными интересами». И это заставляло революционных тружеников гуляйпольского района быть в это время бдительными более, чем когда-либо.

ГЛАВА III.
ГУБЕРНСКИЙ С'ЕЗД

Перед декабрьским губернским с'ездом Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов состоялся с'езд Гуляйпольского районного Совета. На нем все делегаты настаивали на том, что наши представители, которые поедут на губернский с'езд, должны подготовиться, чтобы не подпасть там под влияние политических дельцов, чтобы они без всяких колебаний заявили губернскому с'езду, что они прибыли на с'езд не для того, чтобы заслушивать доклады правительственных агентов и слепо им повиноваться, а для того, чтобы самим сделать доклад о том, что трудящиеся делают на местах и почему они так делают, и почему не будут делать потом всего того, что будет им навязано. Наши представители, которых мы изберем на губернский с'езд, говорили в своих речах делегаты, должны выявить определенно на нем нашу идею, из которой мы исходим, а именно — что в этот момент революции для всех тружеников первой задачей должно явиться наше движение вперед к полному освобождению трудящихся от власти хозяина — частного капитала, так же, как и хозяина — государства. Государство, как власть, как организация общества, не могущего жить без насилия, разбоя и убийств, — должно умереть под совместными, дружными и сильными ударами революцинных трудящихся, которые идут вперед к своему свободному обществу.

Повестка губернского с'езда нам известна. Для нашего района в ней нет ничего нового, ибо то, о чем она говорит, мы давно провели в жизнь. Об этом наши делегаты на губернском с'езде также должны заявить пред представителями с мест крестьян и рабочих. Это основное положение вытекает из нашей идеи. Мы должны его всюду выявить, чтобы нас поняли трудящиеся всей страны.

Лишь после этого пожелания заседание назначило кандидатов и избрало их в лице Н. Махно и Миронова.

Затем оно выразило избранным свою благодарность

за то, что они приняли его полномочия, говоря: «Мы с'ехавшиеся на с'езд, избрали вас, товарищи, с полного согласия тех, кто нас сюда прислал. В лице вас, товарищи, мы посылаем на губернский с'езд первых среди равных революционных тружеников Гуляйпольского района. У всех нас нет никакого сомнения, что вы выполните с достоинством наше поручение на губернском с'езде. И, если мы даем вам наш наказ, то только потому, что мы, крестьяне, привыкли все то, лучшее, что есть в наших обычаях, соблюдать. Это нас прочнее об'единяет на пути наших общих революционных достижений»...

С такими наказами и напутственными словами обыкновенно избирались делегаты на уездные и губернские с'езды от Гуляй Поля.

Но я остановился на этом последнем, в 1917 году, избрании Гуляйпольским районом своих делегатов на губ. с'езд Советов потому, что оно относится к периоду, когда большевистско - лево - эсэровский блок фактически уже владел и повелевал жителями г. Екатеринослава и окрестностей, шаг за шагом прибирая к своим властническим рукам все народные завоевания в революции, стремясь попутно искажать и самую революцию.

Труженики Гуляйпольского района определенно знали, что на декабрьском губернском с'езде главную роль будут играть уже агенты исключительно большевистско - лево - эсэровского блока, стремления которого нет-нет да и вскрывают его государственническо-властническую сущность. Поэтому крестьяне и рабочие Гуляй Поля не раз говорили на своих собраниях о том, что нужно быть осторожными и не полагаться на блок революционных партий. От них попахивает чем-то специфическим, обращающим на себя особое внимание.

В Екатеринослав, вследствие крушения нашего поезда, мы приехали на день позже, чем нужно было. Однако, на открытие с'езда не опоздали. Делегаты были все в сборе, но с'езд еще не открывался. В рядах руководителей созыва этого с'езда чувствовалась какая-то тревога, суета. Выше я уже упоминал, что в это время в Екатеринославе существовали 4-5 самостоятельных го-

родских властей. — Здесь была власть, еще крепко хватавшаяся за Керенского, власть украинцев, хватавшаяся за Центральную Раду с ее уже официально существовавшим Секретариатом (Правительством). Здесь была и власть каких-то нейтральных граждан, а также своеобразная власть матросов, прибывших несколькими эшелонами из Кронштадта; матросов, которые держали направление против г-ла Каледина, но по пути свернули в Екатеринослав на отдых. Наконец, власть Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, во главе которого в это время стоял анархо-синдикалист тов. Гринбаум, человек в высшей степени деликатный и с железной революционной волей. Жаль только, что в этот период его использовывала большевистско-лево-эсэровская власть. Его авторитет был настолько силен, по крайней мере, в его переговорах с командирами украинизированных частей, из бывших Преображенского, Павловского и Семеновского полков (которые в это время прибыли из Петрограда и были расположены в Екатеринославе), что не ведись эти переговоры с ними под непосредственным руководством Гринбаума, большевики — Квиринг, С. Гопнер и Эпштейн, а также левые с-ры—Попов и др., ничего не сделали бы и были бы выгнаны из Екатеринослава. Момент был такой, что все зависело от силы оружия. Эта сила была за украинизированными воинскими частями и части рабочих и обывателей города. Тов. Гринбаум убедил Высшее Командование этих воинских частей стать на сторону Совета, и благодаря этому, Совет окреп и созвал Губернский С'езд.

Характерно, что большевики и левые эс-эры в самую грозную минуту отходили назад, выдвигая тов. Гринбаума, а когда гроза сравнительно улеглась, вышли вперед сами и стали руководить губернским С'ездом.

Итак, С'езд открылся после обеденной поры. На другой день я выступил с докладом от Гуляй Поля, в котором попутно задел украинских шовинистов за их безпочвенное выступление от имени губернской «Селянской спилки», указав с'езду ряд районов, где крестьяне не признают политики этой «спилки».

Это мое выступление обозлило шовинистов. Они в

числе 7 человек запротестовали перед С'ездом, говоря, что С'езд созван на незаконных основаниях: от районов и волостей представителей крестьян и рабочих не должно быть. Из представителей действительными должны считаться только те, кто прошел на уездных с'ездах в делегаты на губернский с'езд. Они требовали, чтобы делегаты от Гуляй Поля не выступали на с'езде, а присутствовали на нем только, как гости.

Крестьянские делегаты, а также «вожди» большевиков, Квиринг и Эпштейн, запротестовали против такого требования украинских шовинистов. С'езд его отверг.

Тогда шовинисты демонстративно поднялись и покинули зал заседания. За ними поднялись их сторонники, делегаты от солдат, и ушли с ними.

С'езд приостановил на 3-4 часа свои занятия. Выяснилось,что «Украïньска Губерніяльна Революційна Рада» устроила экстренное заседание по вопросу: — распустить с'езд и дать бой Совету, заседание, на котором председатель «Рев. Рады» доктор Фельдман, высказал мысль, что ими еще не учтены соотношения сил, что их выступление может быть опять разбито.

С'езд встревожился тем, что каждую минуту на улицах Екатеринослава могла пролиться кровь, и разослал своих людей по полкам в казармы — выяснить их отношение к с'езду. Тов Гринбаум, а также Екатеринославская Федерация Анархистов опять сыграли свою роль против шовинистов. Анархисты - матросы Кронштадта поддержали делегатов с'езда в этот день своими выступлениями перед полками, а также на фабриках и заводах перед рабочими.

В это время в Екатеринославе стоял один полк Георгиевских кавалеров. Полк этот всех приходивших к нему ораторов от большевиков освистывал. От имени с'езда, мне и тов. Л. Азерскому, пришлось пойти в казармы этого полка, выступить перед ними и добиться от него резолюции по отношению к украинским шовинистам, пытающимся сорвать с'езд, не дать ему состояться и наметить ряд существенных вопросов для совместной деятельности на местах.

Мне не хотелось быть освистанным. Я за девять ме-

сяцев революции много раз выступал и ни разу не был освистан. Теперь же большевики внушили мне, что я буду освистан. В мою душу закралось опасение, но отказаться от дела с'езда я считал неудобным. Пошли. Сели на извозчика. Приехали в полк, зашли в полковой комитет. Узнали, кто председатель, пред'явили ему мандат от с'езда.

Председатель полка Георгиевских кавалеров прочел мандат и, любезно предложив нам стулья, сам ушел собирать солдат на митинг.

Через минут 15-20 он вернулся и сообщил нам, что все люди в сборе.

По выходе из комитета нас встретили два товарища анархиста —матросы из Кронштадта, и мы вчетвером пошли к собравшимся солдатам.

На митинге Георгиевских кавалеров мы основательно поспорили с офицерами, заставив одного из них заплакать и сорвать погоны, и мы добились того, что полк вынес свою резолюцию, в которой заявил: «со всякими покушениями на права губернского с'езда крестьян и рабочих, который открыл свои занятия 2 декабря с. г. (был 1917) полк Георгиевских кавалеров будет бороться силой оружия».

Аналогичные этой резолюции были вынесены резолюции и другими полками и командами.

Это было неожиданностью не столько для с'езда, сколько для большевиков. Все делегаты с'езда были рады, что воинские части на их стороне.

С'езд в 'зобновил свои занятия и закончил их в три дня.

Характерно в этом с'езде то, что все, что он постановил в своих резолюциях, у нас в Гуляйпольском районе за 3-4 месяца до того было проведено в жизнь. И лишь одно нововведение было, которое у нас менее всего принималось в расчет: это — то, что советы на местах должны были получать средства от государства. (Должен отметить, что большевики и левые эсэры на это многих брали). Для Гуляйпольского района это нововведение было неприемлемо с той стороны, что он обосновал свою

работу на антигосударственнических идеях и старался быть независимым от всяких центров, стягивающих все на путь государственности.

Глава IV.

КОНТР - РЕВОЛЮЦИЯ УКРАИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ

По окончанию с'езда, делегаты его раз'езжались по местам. Мы, я и т. Миронов, зашли в федерацию анархистов, с целью вытянуть из ее рядов несколько дельных пропагандистов и затянуть их из города в деревню. Но федерация, хотя и оправилась по сравнению с августом месяцем, когда я, будучи на губс'езде крестьян и рабочих, заходил в ее организации — клуб и др. — все же у у нее сил было мало. Она еле-еле обслуживала город и прилегающие к нему поселки, Амур, Нижне-Днепровск и Кайдаки. Зато федерация была богата оружием: карабинами, винтовками и патронами. Екатеринославской федерации анархистов, ввиду особого положения города, левая большевистско-левоэсеровская власть выдала беспрепятственно без всякого контроля это оружие.

Большевики и левые эсеры видели в лице федерации анархистов — верного сына революции, который не пойдет в лагерь украинских шовинистов, ведших за своей спиной буржуазию против революции, и вообще в лагерь контр-революции. И великий энтузиазм, веру и преданность делу революции екатеринославских анархистов использовывали в каждом серьезно-революционном деле.

Имея в своем распоряжении это оружие, федерация анархистов отпустила несколько ящиков винтовок нам в Гуляйпольскую Группу Анархо-Коммунистов. Погрузив это оружие в поезд, мы с ним приехали в Гуляй Поле.

В Гуляй Поле мы сделали ряд докладов о с'езде и всех препятствий, какие ставились на его пути. Последовательно, мы сделали такие же доклады и в других деревнях и селах.

С этих пор Гуляйпольский район начал определен-

но вооружаться и быть настороже по отношению к новым революционным владыкам. Предположение, что новые владыки - большевики и левые эсэры — будут тоже мешать творческому развитию свободной мысли и действиям тружеников подневольной деревни, мало по малу начало подтверждаться в мыслях даже тех тружеников, которые хотели верить большевикам и левым эсэрам.

Крестьяне и рабочие узнали от своих делегатов, что большевик Эпштейн заявил на с'езде: «Городской пролетариат пришел к власти и нужно надеяться, что он создаст себе свое «пролетарское» государство. Мы, большевики, все силы отдадим ему на помощь созданию этого государства, так как только через него пролетариат достигнет максимума своего счастья»...

Трудящиеся Гуляйпольского района усмотрели в этих словах большевика, что партия большевиков обнаглеет и будет строить за счет крестьянства свое большевистское «пролетарское» государство и напряженно следили за ходом событий в городах.

Крестьяне по селам снова взялись обучать друг друга, как нужно держать в руках винтовку и стрелять из нее.

«Враг наш — власть вооружена, — говорили они, — и она, если вздумает лишить нас прав на самостоятельную жизнь и новое социалистическое строительство, — вооруженно обрушиться на нас. Мы должны поэтому знать, как держать в руках оружие, чтобы ответить ей тем же».

И крестьяне готовились. В самом Гуляй-Поле нашлись люди из бедных крестьян, имеющие за собой серьезную военную подготовку. С ними выходила вооруженная молодежь из села в поле и обучалась стрельбе, маневрам и т. д. Среди знавших свое дело и делившихся своими знаниями со всеми, кто желал, чтобы к нему пришли на помощь своими раз'яснениями, особо заметным был Яков Домашенко. Он был душой молодежи и стариков в этом деле. И он оставался от начала и до конца с ними. А когда настало время вооруженной борьбы,

он пошел в бой, неоднократно был ранен на посту борьбы за Хлеб и Волю.

События не заставили себя долго ждать.

День за днем в наш район доходили слухи, что Украинская Центральная Рада не помирилась (из-за власти) с большевистско-левоэсеровским блоком и, втянув в свой партийный спор трудовые массы, затеяла на сцене революционных действий кровавую бойню. В Гуляй Поле и в районе все чаще и чаще стали появляться десятками агенты Украинской Центральной Рады, которые проповедывали «вiчну борьбу с кацапами».

Население района еще больше насторожилось. Со всех сел и деревушек района представители от крестьян ежедневно появлялись в Гуляй Поле в бюро анархо-коммунистов — в Совет Раб. и Крест. Депутатов и, кровно заинтересованные судьбами революции, советовались с анархистами и Советом о том, что придется предпринять в недалеком будущем, чтобы удержать свое право на землю, на хлеб и волю в жизни, не урезанным программами того или другого правительства.

Гуляйпольская Крестьянская Группа Анархо - Коммунистов снарядила двух своих членов — Н. Махно и Антонова, для того, чтобы они об'ехали весь район и поделились с населением мнением группы о том, что его тревожит.

Одновременно группа сделала нажим (через своих членов Н. Махно, Сокруту, Калиниченко, Антонова, Серегина и Крата) на Совет, чтобы члены последнего в свою очередь раз'ехались по своим местам представительства, для выяснения, что слышно по району и осведомления его с тем, что происходит в Совете и что придется району предпринять в случае, если все сведения, говорящие о контр - революции, подтвердятся.

Взаимность и доверие между анархистами - коммунистами и трудовым населением района крепли и ширились.

Будучи председателем Гуляйпольского районного Совета и имея от последнего полномочия действовать в области точного выяснения создавшегося тяжелого положения для революции, я послал двух членов в Одессу

и Киев (область борьбы отрядов Украинской Центральной Рады с отрядами большевистско-лево-эсэровского блока). Когда ходоки возвратились и об'яснили, что творится в этой области, был сразу же созван с'езд Советов.

На этом с'езде Советов района были разобраны все данные о действиях и Центральной Рады и большевистско-левоэсеровского блока, из которых ясно было, что Украинская Центральная Рада, хотя и возглавлялась социал - революционерами и эсдеками, целью ее борьбы с большевистско - лево - эсэровским блоком было не только изгнание «кацапов» из рідной земли неньки Украины», но и подавление даже признаков социальной революции вообще.

С'езд вынес свою резолюцию: смерть Центральной Раде.

(Эту резолюцию с'езда крестьяне и рабочие гуляйпольского района неуклонно проводили в жизнь).

Через несколько дней после того, как делегаты с'езда раз'ехались по местам, Совет получил телеграмму из г. Александровска, гласившую, что частями Украинской Центральной Рады занят город Александровск, с целью пропустить через Кичкаский мост казачьи эшелоны, двигавшиеся с внешнего фронта на Дон к генералу Каледину.

Сообщение этой телеграммы и раз'яснение ее населению района подняло всех, старых и малых, на ноги. Изо всех деревень Гуляйпольского района последовали одна за другой на мое имя телефонограммы и письма-запросы. Большинство этих запросов были кратки, но положительно революционны. Они выражали готовность населения передать все руководство назревшим боевым фронтом в мои руки, веря, что Группа Анархо-Коммунистов всю свою работу по организации крестьян проводит под моим инициативным руководством и что она выделит из своего состава лучших организаторов и товарищей мне на помощь.

Такое чистое и искреннее доверие ко мне крестьян (я говорю — крестьян, не упоминая о рабочих, потому, что в нашем гуляйпольском районе главную роль в революции играли крестьяне, рабочие же в своей массе в этот момент почти все время занимали выжидательную позицию в деле революции...) меня беспокоило, несмотря на то, что я горел в работе и, не имея отдыха, не чувствовал усталости. Но это доверие крестьян меня все-таки беспокоило. Я боялся взяться за дело, которое связано с войною.

И лишь ясное сознание, что дело революции чуждо всякой сентиметальности, которой заражены были все мои товарищи, поддержало меня, и я выкинул из своих мыслей беспокойство.

Я определенно поставил перед собой и перед своими товарищами по Группе Анархистов - Коммунистов вопрос таким образом: если я сторонник революционного анархизма, то будет великим преступлением ограничиться в дни крупных народных событий второстепенной ролью, ведущей обыкновенно таких деятелей на буксире у других, зачастую даже враждебных, групп и партий. Анархист революционер, в революции в особенности, должен стать в авангарде борющихся масс и увлечь их за собой на путь подлинной борьбы труда с капиталом, в первую очередь, не щадя себя на этом пути.

Помню тогда я говорил на заседании группы:

«Пора положить конец митингованиям. Время требует действия. Это замечание к нашей группе, товарищи, не применимо, но не лишнее иметь в виду это и нам. 60 - 70 % товарищей, называющих себя анархистами, увлеклись по городам захватом барских особняков и ничего неделанием среди крестьянства. Их путь — ложный путь. Они не могут из особняков влиять на ход развивающихся событий.. Это — печально, но это так!... Необходимо нашей группе налечь еще сильнее на деятельность среди крестьян. Не сегодня - завтра, в наш район вступят гайдамаки Украинской Центральной Рады. Это дубье несет на своих штыках смерть революции и жизнь врагам ее.

Наша группа должа стать авангардом борьбы с этими наймитами контр-революции и повести против них все трудовое население района....

Итак, все товарищи, приготовьтесь, кто на район,

кто к с'езду, который нашим Советом в экстренном порядке созывается после завтра.

Мы должны оправдать доверие к нам трудящихся района. А оправдать мы сможем его только преданностью им в борьбе за право на свободу и на независимость»...

Группа знала сама, что ей нужно было в такие моменты делать. Она неустанно на протяжении нескольких месяцев революции двигалась и двигала крестьян в этом направлении. И я никогда не осмелился бы ей об этом говорить, если бы она не пожелала выслушать мое мнение по этому вопросу...

Мы приготовились. Через день с'ехались делегаты от крестьян на с'езд.

На с'езде я отказался от председательствования и выступил с докладом от имени Гуляйпольского Совета и Крестьянской Группы Анархо - Коммунистов.

С'езд обсудил доклад по всем пунктам и постановил: привести в порядок маленькие свои силы, где они уже были организованы, а где их еще не было, то организовать, и по первому зову Гуляйпольского Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов прибыть в Гуляй Поле, или другое сборное место, указанное из Гуляй Поля.

Это было в конце декабря 1917 года.

ГЛАВА V

С ЛЕВЫМ БЛОКОМ ПРОТИВ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ

31 декабря 1917 г. я был по организационным делам в селе Пологи и получил из Александровска точные сведения о том, что между отрядами красногвардейцев группы Богданова и гайдамацкими частями Центральной Рады идет бой в самом Александровске.

Момент был такой, что оставаться в стороне и только смотреть или слушать, что делается — нельзя было. Оставаться нейтральным и к тем и другим тем более было невозможно, потому что население района было определенно враждебно настроено против политики Украинской Центральной Рады, агенты которой раз'езжая по

району, травили всякого и каждого революционера, называя его «предателем неньки Украины» и защитником «кацапів», которых по «идее» Центральной Украинской Рады (по выражению ее агентов), конечно, нужно было убивать «як гобытилів мови».

Такая идея оскорбляла крестьян. Они стягивали с трибуны проповедников и били, как врагов братского единения украинского народа с русским.

Вот эта-то злопамятная проповедь шовинистов - украинцев толкнула трудовое население Гуляйпольского района на путь вооруженной борьбы со всякой формой обособленного украинства, ибо население видело в этом шовинизме, который фактически являлся руководящей идеей украинства, — смерть для революции.

Как раз в это время, когда в Александровске был бой красногвардейцев с гайдамаками, по линии Александровск-Апостолово-Кривой Рог, сгруппировалось несколько воинских казачьих эшелонов, которые снялись с внешнего фронта и направлялись на Дон к ген. Каледину. (Движение Каледина было по существу подлинным возвратом к старому монархическому строю. Оно шло под флагом независимости Дона, но вокруг него и в самом его сердце группировались черные силы руской реакции, ставившей своей целью руками казачества казнить революцию и восстановить дом Романовых....).

Со 2-го января 1918 года заседание Гуляйпольского Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов с участием Профессионального Союза металлистов и деревообделочников и Группы Анархо-Коммунистов тянулось круглые сутки. Горячо дебатировался вопрос о том, как быть, что предпринять немедленно, сейчас же, чтобы не пропустить казаков вооруженными на Дон к Каледину, ибо, соединившись с Калединым, они образуют фронт еще шире и серьезнее против революции, против всех ее прямых завоеваний, чего мы, крестьяне, допустить ни в коем случае не должны — говорили все собравшиеся.

Это длительное и утомительное заседание Совета привело всех на нем присутствовавших к одной мысли: мы должны, не взирая ни на какие противоречия, вытекающие из того, что нам придется образовать единый

фронт с государственниками, вооружаться и итти на помощь красногвардейским отрядам большевистско - лево - эсеровского блока. Преданность бесвластническим идеям нам поможет изжить все противоречия, и мы, разгбив черные силы врагов революции, раздвинем ее берега шире и углубим ее на пользу всего угнетенного человечества. Я говорил тогда:

«Необходимо каждому, здесь присутствующему, остаться верным поставленой задаче и сочетать свою работу с теми положениями нашей идеи, которые не допускают господства одного человека над другим, которые раскрывают нам путь к миру, свободе, равенству и солидарности в человеческой семье. На каждом шагу мы должны думать об этом, и это поможет нам быть верными до конца всему, что мы здесь обсудили и приняли».

Этим положением были разрешены все вопросы, касавшиеся завтрашнего дня.

ГЛАВА УI.

ВООРУЖЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ЕДУТ НА ПОМОЩЬ ГОРОДСКИМ РАБОЧИМ. — АЛЕКСАНДРОВСКИЙ РЕВКОМ И СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ

3-го января 1918 года Командующий красногвардейскими отрядами Богданов обратился к крестьянам и рабочим с воззвание помочь красногвардейцам. В ночь на 4-ое января наша группа выпустила воззвание к крестьянам и рабочим, приглашая их взяться за оружие. В ту же ночь я передал свое председательствование в Совете товарищу, а сам стал во главе анархического отряда, об'единившего вокруг себя несколько сот крестьян и мы отправились в Александровск при полном вооружении. Помню, при нашем выезде из Гуляй-Поля отряд избрал, по моей инициативе, себе командира. Я отказался быть командиром, имея в виду, что мне придется в Александровске отрываться от отряда по вопросам организационной связи города с селом. Поэтому отряд из-

брал себе командиром моего брата, Савву Махно. Масса народу собралась возле отряда.

Выезжая из Гуляй Поля, старики отцы, говорили детям, составившим боевые отряды: «Вы едете умирать. И мы готовимся. У нас хватит сил подхватить ваше оружие и отстоять ваши идеи, о которых мы раньше ничего не знали, а сейчас в них верим и за них, если нужно будет, умрем... Имейте это в виду, дорогие дети!...

И юные дети отвечали: «Спасибо вам, что вы нас вскормили. Теперь мы — взрослые и способны утверждать в жизни идеи свободы, равенства и солидарности. Мы будем счастливы видеть своих отцов в борбе за эти великие идеалы. Но пока оставайтесь дома и следите за нашими действиями, чтобы, если мы там не победим врагов революции, вы победили их здесь и победили навсегда»...

Трогательно было наше прощание. Но каждый знал, куда едет и зачем. Каждый как только сел на подводу, запел боевой революционный марш, и потянулись наши подводы на вокзал, и сияли лица каждого юного революционера счастливой улыбкой, говорящей, что они, крестьяне, на которых всякий профан из школы Маркса смотрел, как на быдло, которым нужно повелевать. Они, осознав себя и почувствовав свой долг перед революцией, теперь едут на помощь рабочим города, которых десятки лет социалисты всех толков считали своими кадрами, через которые они придут ко власти, и научат властвовать над другими.

Да, сознание это было ясное и чистое. Тем не менее крестьяне ехали в город. Они были революционеры, не патентованные, которые исповедуют революционные идеи лишь по имени. О, Нет! Они были работники - революционеры, сочувствующие анархизму, которые могли спотыкаться, падать на своем пути, но были искренни и честны в делах революции, ибо все их спотыкания и падения происходили (если они происходили) только оттого, что они искренно работали во имя бесвластнической идеи в революции. Их было много. Из них более 300 наших товарищей-анархистов.

Они ехали в город, знали, что городской рабочий —

их брат, что по своей трудовой психике он чужд властвованию над другими. Он властником становится лишь тогда, когда политиканы, оторвав его от целого трудового организма, развратят его своей мыслью и делами. Они, крестьяне, выезжая из Гуляй Поля, знали, что от развития подлинной социальной революции зависит счастье, свобода их и рабочих города, — и они спешили на помощь городу, осаждаемому врагами развития не только социальной революции, но и революции вообще.

Итак, наш отряд прибыл в Александровск благополучно. В городе было тихо. Красногвардейцы находились в своих эшелонах, лишь дежурные патрули шатались по улицам города.

Горячку пороли александровские власти — в Ревкоме, который составился из большевиков и левых социалистов - революционеров. Сперва они думали диктовать рабочим условия их жизни, но, оказалось, не под силу им было провести рабочих: федерация анархистов стояла им на пути, осведомляя рабочих обо всем, что затевается новыми владыками города. Тогда ревком решил играть временно только инициативную роль в деле создания фронта против контр-революции. С этой целью он предложил александровской федерации анархистов делегировать в Ревком своих двух представителей.

Федерация делегировала тт. М. Никифорову и Яшу «Портового». М. Никифорова тотчас же попала в товарищи председателя Ревкома. В тот же день последовало от Ревкома предложение и нашему отряду делегировать своего представителя. Посоветовавшись между собой и выслушав соображения александровских анархистов, которые всегда были вместе с нами, отряд делегировал меня в Ревком. Этого вхождения в Ревком от нас требовал момент. Наш отказ от участия в Ревкоме, по нашему соображению, мог отразиться на будущей идейной нашей работе против большевистско - лево - эсеровского блока.

Кроме того, мы, по приезде в Александровск, подняли шум: почему не разгружается от арестованных

тюрьма, в которой так много сидит крестьян и рабочих, схваченных и посаженных только за то, что не уважали ни власти Керенского, ни власти Центральной Рады и, как нам один из большевиков об'яснил, не освобожденных до сих пор за то, что они будто бы способны не уважать и власти большевистско - лево - эсэровского блока.

Посоветовавшись с рабочими, которые сообщили нам об этих арестованных и томившихся за решеткой узниках, мы пришли к тому, чтобы представитель от нас пошел в Ревком и там настоял на разгрузке тюрьмы. Если Ревком откажется, мы проектировали силой раскрыть ворота тюрьмы и, освободив всех в ней томившихся, сжечь самую тюрьму.

Итак, меня отряд делегировал в Ревком, а последний уполномочил меня, левого соц.-революционера тов. Миргородского, с.-р. Михаловского и других разгрузить тюрьму. Пошли в тюрьму, осмотрели, выслушали заявления арестованных. Вышли из корпуса в контору, обменялись мнениями и разошлись. Не все собрались: самого главного не было — большевика Лепика, которому уже тогда, за кулисами, в большевистских кулуарах был предназначен пост председателя Чеки; но от нас это пока скрывалось.

Мне, лично, сидевшему два раза в этой тюрьме, знавшему, какая она грязная и тяжелая, больно было выходить из ее ворот, не освободив никого. Но я ограничился только упреками по адресу Лепика, вышел, вместе с товарищем Миргородским, из ворот, сел на извозчика и возвратился в Ревком...

Однако, после обеда мы собрались все и решили взяться за дело. Тюрьма была разгружена от арестованных.

Продолжая сохранять свои полномочия по разгрузке тюрьмы, мы — я и левый эс-эр Миргородский были затем делегированы от Ревкома в фронтовую Военно-революционную Комиссию при красногвардейской группе Богданова. Это была первая вооруженная группа, пришедшая с севера на Украину под флагом «помощи

украинским рабочим и крестьянам, в борьбе против контр-революции Центральной Рады»

Здесь я был петроградцами, красногвардейцами с Выборгской стороны, избран председателем, а тов. Миргородский — секретарем этой Комиссии. Комиссия составилась из семи человек. Нам принесли из канцелярии Командующего красногвардейскими отрядами Богданова целую кипу бумаг, материалов о каждом, сидевшем в столыпинских «арестантских» вагонах, прицепленных к эшелону, и попросили разобраться в них и дать свое заключение. Но мы, я и тов. Миргородский, запротестовали против такого разбора дел арестованных. (Наши сочлены — петроградцы, как подчиненные Командующего, не могли протестовать, но согласились с нашей мотивировкой протеста. А протест наш заключался в том, что мы можем взять на свою совесть дела Военно-Революционной Комиссии только тогда, когда вместе с бумажным материалом будем видеть перед собой и человека, против которого этот бумажный материал составлен и который мог бы об'яснить нам, кто он, при каких обстоятельствах арестован, где, и прочее).

Командующий был возмущен нашим поведением, но просить Александровский Ревком заменить нас другими людьми не мог по всяким — моральным, политическим и стратегическим соображениям. Да и сам Ревком не пошел бы на это, так как это вызвало бы целую бурю против него, бурю, от которой вряд ли бы спасли его красногвардейцы в то время.

Вследствие этого нам было предоставлено неограниченное право вызывать к себе каждого арестованного, задавать ему вопросы, прочитывать бумажные против него улики и выслушивать его раз'яснения и опровержения всех этих документов.

В судебной Комиссии, которую можно было назвать военно-революционным фронтовым судом (да ее командующий Богданов таковым и считал), я провозился более трех суток, не зная ни сна, ни отдыха.

Арестованных было слишком много. Они сидели по царским, столыпинского вида вагонам. Здесь были и генералы, и полковники, и низших чинов офицеры. Были

воинские начальники, начальники милиции, прокуроры и рядовые солдаты из гайдамацких частей. Обо всех этих арестованных можно сказать одно: что среди них было много прямых врагов не только октябрьской революции, но и революции вообще, и, как таковые, они сознательно против нее действовали.

Но большинство из них были все-таки не виновны в том, что им ставилось в вину. Большинство из них были арестованы на своих квартирах без оружия, даже, можно было с уверенностью сказать, без мысли взять в руки оружие и сражаться против революции. Они были арестованы по указаниям злых людей, именно тех людей, которые, чтобы прикрыть свое подлое прошлое по отношению к революционерам, в момент революции наглели еще больше, но на другом пути: на пути лицемерной преступной поддержки революции. Они — эти люди — указывали на всех, кто, по своему общественному положению был вне революции в старое время, но ни в чем не противодействовал ее развитию. Эти злые люди умело измышляли все для того, чтобы спасти себя, и во имя этого отыскивали среди всех слоев населения преступников против революции.

А командирам красногвардейских отрядов помощь этих злых людей была на руку, так как своими указаниями на «врагов революции» они содействовали им в очищении своего тыла от врагов.

Таким образом сочеталось в деле революции подлость одних с великим революционным делом других, только благодаря тому, что командирам, полновластным в борьбе с врагами революции, не было никакой возможности распознавать роль своих лицемерных сообщников.

Итак, Комиссия под моим председательством разобрала более двухсот дел арестованных и высказала определенно свое мнение о них. Среди этих дел, было много таких, по которым люди были Комиссией признаны активными врагами революции. Этих людей принял от Комиссии в свое непосредственное распоряжение штаб Командующего Богданова и отправил их в Харьков, в штаб Антонова-Овсеенко. (Это значило на большевист-

ско - лево - эсэровском жаргоне того времени, что штаб их расстрелял здесь).

Из арестованных, проходивших через опрос Комиссии, большинство, из признанных активными врагами революции, держали себя при опросе как жалкие и подлые трусы, хватавшиеся, перед своей гибелью, за самые недостойные средства спасения. Среди генералов были такие, что плакали; наоборот, среди полковников были такие, что заявляли, что жалеют, что попались: если бы они не попали в руки революционеров, то убеждены, что создали бы в помощь генералу Каледину большие кадры добровольчества, и дом Романовых был бы восстановлен. И когда они выходили из вагонного зала, в котором заседала Комиссия, произносили: «Да здравствует дом Романовых! За здравствует «хозяин» России — государь император Николай Александрович! Погибни под его стопами революция!»

Правда, таких полковников было только двое, которые остались верны своим дворянско-монархическим заветам.

Из массы освобожденных после разбора их дел Комиссией, мне особо памятно дело воинского начальника Александровского уезда. Его арестовали за то, что он мобилизовал по приказанию свыше, молодых солдат новобранцев в период кратковременного торжества Украинской Центральной Рады. Никаких иных улик против него не было, которые доказывали бы, что он — враг революции. Однако, у нас в Комиссии мнения об его освобождении разделились. Четыре члена Комиссии признавали его прямым и активным контр-революционером и настаивали на том, чтобы Комиссия приняла их резолюцию и отметила положение этой резолюции на бумагах. Три члена были против. Ясно было, что воинский начальник будет расстрелян. У нас разыгралась целая буря. Тов. Миргородский (лев. с.-р.) предложил мне бросить Комиссию и уехать в город, в Ревком: пусть, дескать, Ревком делегирует на место нас других своих членов. Петроградцы начали над нами смеяться, называя наше поведение не революционным. И лишь, когда мы, я и тов. Миргородский, им раз'ясняли, как нужно поль-

зоваться революционностью, они в числе трех отказались от своего признания воинского начальника настолько виновным против революции, что он должен был умереть. И воинский начальник был освобожден.

А вот другой случай, более характерный. В то время, когда Комиссия разбирала представленные ей штабом Богданова дела арестованных, красногвардейцы привели новых арестованных: правительственнаго, времен Керенщины, комиссара — Михно (того самого комиссара Михно, который меня предал 4-5 месяцев тому назад суду за разоружение в Гуляйпольском районе буржуазии), а также начальника уездной милиции Васильева, прокурора Максимова и Петра Шаровского). Этот последний был членом нашей гуляйпольской группы Анархо-Коммунистов и 1-го мая 1910 года предал полиции наших товарищей Александра Семенюту и Марфу Пивень, получив за это свое гнусное дело пятьсот рублей из обещанных государственным охранным отделением двух тысяч за выдачу А. Семенюты. Тяжела была встреча с этим старым «товарищем». Он при виде меня стал на колени, подняв руки кверху и произнес: «Нестор Иванович, спасай меня. Мое предательство самое невинное предательство. Я проболтался переодетому агенту полиции» и т. д.

Можно было бы поверить ему, если бы я об этой его провокации не знал еще будучи на московской каторгс, через своих близких друзей, а по приезде с каторги в Гуляй Поле, через тов. Марфу Пивень, задержанную с пулей в виске (которую она себе при аресте пустила, но рана оказалась, к счастью, не смертельной) при обстреле и смерти тов. А. Семенюты. В выяснении же этой его провокации мне помогли, в 1917 году, его родные братья — Прокофий и Григорий. Один из них вскоре после смерти Семенюты, помогал нашему товарищу «Японцу» в покушении на убийство П. Шаровского. В него влепили две пули, к несчастию его не убившие. Да и он сам показал, что он виноват. Он, после того, как вылечился, замуровал камнями все окна в своем доме, оставив лишь верхние ряды рам, а с моим приездом из каторги в Гуляй Поле, совсем сбежал. Теперь в г. Алек-

сандровске он был замечен мною с кошелкой в руках, ходившим от одной группы рабочих к другой, но, при попытке задержать его, — убежал.

Тогда я имел известное значение для «революционной власти» командующего красногвардейцами Богданова и предложил ему настоять перед революционной властью большевиков и левых эсеров в Александровске на поимке Петра Шаровского. Богданов, не задумываясь, выслал две группы красногвардейцев на плац, где я видел Шаровского, и они его поймали.

6-го января 1918 года я сделал подробный доклад в Следственной Комиссии о том, кто такой Петр Шаровский и кто такой А. Семенюта, как Семенюта был выдан Шаровским и какое вознаграждение Шаровский получил за выдачу. Делал этот доклад в Комиссии я, предупредив ее, что обращаюсь к ней не как к членам Комиссии, а как к социалистам - революционерам и большевикам, чтобы они были свидетелями, что Петр Шаровский будет убит не напрасно. В Комиссии, петроградцы большевики предложили передать Петра Шаровского в распоряжение командующего Богданова, но я и левый с.-р. Миргородский с этим не согласились и попросили у Командующего лишь места в вагоне для Шаровского, пока я освобожусь от текущих дел. Затем пришли товарищи из нашей гуляйпольской группы: Филипп Крат, Савва Махно, Павел Коростелев, некоторые члены из александровской группы анархистов, и мы вторично допросили Шаровского, а потом один из товарищей пустил ему пулю в лоб.

Нелегкая встреча была в этот момент с бывшим правительственным комиссаром Михно. Я глубоко и искренно чувствовал, что мне тяжело будет устанавливать его вину перед революцией крестьян и рабочих. Я предавался суду по его распоряжению в бытность его Комиссаром Коалиционного Правительства, за революционные действия «Комитета Защиты Революции» в Гуляйпольском районе. Он требовал от Гуляйпольского Общественного Комитета недопущения меня ни к какой общественной деятельности, хотя когда я ему написал письмо-протест от имени районного Гуляйпольского

Крестьянского С'езда и настаивал, чтобы он отказался от своего требования, он от него отказался. Но я чувствовал, что в установлении его виновности я буду пристрастен, и боялся, что это погубит его, а он, по сравнению со многими земцами Александровского уезда, был порядочным человеком, либералом, еще в старое царское помещичье время. Да к тому еще я был глубоко убежден, что за то только, что он был правительственным комиссаром при Коалиционном Правительстве и исполнял свои обязанности, такого общественного деятеля, хотя и из вражеского стана, убить тяжело. Наш район его распоряжениям ни разу не следовал, всегда их отвергал, и он, комиссар Михно, был бессилен притянуть район к ответу в дни торжества трудящихся. Наша Комиссия только допросила его тщательнейшим образом обо всей его деятельности, напомнив ему его поход, как правительственного агента, против меня в «Комитете Защиты Революции» в Гуляй Поле, и тут же освободила.

Не так мы отнеслись к делу прокурора Максимова и начальника уездной милиции Васильева. Оба эти представителя — один царского правосудия, другой полицейского учреждения Коалиционного Правительства — Комиссией были признаны, по ряду документов, действительными врагами рабоче-крестьянской революции. Оба они, по заключении Комиссии, были переведены в распоряжение штаба Богданова. Об этом решении Комиссии узнал Александровский Революционный Комитет, в то время возглавлявшийся большевиком — Михайлевичем, анархисткой Марией Никифоровой и рядом других известных и влиятельных в рабочей среде революционеров г. Александровска. Будучи организованным наскоро, этот Революционный Комитет чувствовал свою шаткость, и поэтому, с утонченным мастерством заискивал перед городской, не убежавшей буржуазией, которая, за кулисами, стояла за прокурора Максимова и начальника уездной милиции Васильева. Председатель Революционного Комитета, тов. Михалевич, чуть не со всеми членами Комитета, прибежал из города к нам в Комиссию, заседавшую в штабном эшелоне командующего Богданова на южном вокзале, и опротестовал на-

ше заключение по делу прокурора и начмилиции. По этому же делу приехала к нам и Мария Никифорова с несколькими большевиками из уездного Ревкома и с делегацией от правых Российских эсэров.

Наша Комиссия была этим возмущена. По документам, представленным ей из штаба Богданова, документам, которые были собраны самыми идейными большевиками, прокурор Максимов, по своей деятельности и в царское время и при коалиции эсэров и эсдэков с буржуазией, являлся злейшим врагом трудящихся в их стремлении к свободе. Он был преступником перед революцией рабочих и крестьян. Он, по документам, организовал в Александровске среди буржуазии Комитет действия против Революции. Но он был энергичен и умен и, как после выяснилось, большевики хотели его перетянуть к себе, что, через известное время, им и удалось... Васильев, в дни наступления красногвардейцев на г. Александровск, засел на крыше одного здания и обстреливал из пулемета улицу, помогая гайдамакам отразить наступление. Много перебил и ранил красногвардейцев. При нем в штабе уездной и городской милиции избивали каждого арестованного. По документам, собранным также большевиками, он эти избиения поощрял. Основываясь на всем этом, Комиссия признала Максимова и Васильева преступниками по отношению к революции и к народу, который ее творит. Она этим своим признанием перевела их в распоряжение штаба вооруженных сил революции, где они могли быть расстреляны, или освобождены, так как заключения нашей Комиссии по тому или другому делу были необязательными для штаба Богданова, хотя он обыкновенно с нашим заключением считался и признанных невинными тут же освобождал, а виновных расстреливал.

Итак, имея перед собой протест Ревкома против нашего заключения по делам прокурора Максимова и начуездной милиции Васильева, а также приезд делегации от Российских эсэров, Комиссия затребовала из штаба Богданова свои заключения о них и официально сообщила свои постановления в штаб, чтобы прокурора Максимова и Васильева штаб считал числящимися за Комиссией, так как, дескать, в Комиссию поступили о них новые документы.

Я лично с товар. Миргородским (лев. с.-р.) зашли к Богданову и заручились обещанием, что жизнь прокурора Максимова и начмилиции Васильева до разрешения возникшего между Комиссией и Ревкомом г. Александровска и его уезда конфликта по их делу, будет неприкосновенна.

Затем я сообщил эсэровской делегации об этом, а с членами Ревкома у нас началась перепалка. Михалевич и Мария Никифоровна попросили Командующего Богданова принять участие в нашем споре по этому вопросу. Последний пришел и стал в своих доводах на сторону Комиссии. Споры приняли обостренный характер. Комиссия написала в штаб Богданова свое постановление — перевести прокурора и начальника милиции в особый вагон и держать их там под особой охраной до вызова Комиссии.

Споры наши затянулись на 6-7 часов. В результате все члены Революционного Комитета признали заключение Комиссии по делу прокурора Максимова и начальника милиции Максимова правильным, но говорили, что комиссия, дескать, не считается с моментом. А момент — таков, что не сегодня - завтра, быть может, придется покинуть город Александровск, так как с внешнего фронта снялись донские и кубанские казаки и многочисленными эшелонами движутся по всем железнодорожным сетям, беря направление на Дон и Кубань для соединения с ген. Калединым, вокруг которого об'единилась вся русская контр - революционная политическая нечисть, подхалимы этой последней — мелкие собственники-земледельцы, купцы и фабриканты — тоже сползлись вокруг нее и, как известно, строили за счет донского казачества, его впоследствии раззоренных станиц и хуторов, убитых отцов и матерей, жен и детей, фронт против революции, за царя и за свои привиллегии над трудящимися).

Члены Революционного Комитета особо резко настаивали перед Комиссией, чтобы она согласилась с ними, что заключение ее о деле прокурора Максимова и

начальника милиции Васильева могут привести к тому, что Командующий Богданов их расстреляет, а этим самым дискредитирует авторитет Революционного Комитета, как местной революционной власти, что затруднит в случае отступления из города, вторичное занятие его и т. д.

Я лично принял на себя грязную роль члена судебной Комиссии с одной стороны для того, чтобы воочию убедиться самому и раз'яснить крестьянам революционерам, чем занимаются социалисты - государственники в дни величайшего под'ема революционных сил, как они, эти «борцы за идеалы свободы и равенства» в эти дни променивают все эти великие идеи на привилегии своей власти, а с другой, чтобы приобрести известный опыт и умение ориентироваться в событиях. Я считал себя практиком революционером, пришедшим с крестьянами - революционерами в город с одной целью — это помочь рабочим разбить отряды буржуазных наймитов — гайдамаков и разоружить казаков, покинувших внешний фронт с целью поддержать генерала Каледина на внутреннем — против трудящихся. Для меня лично аргументация членов революционного Комитета — большевиков, правых эсеров и анархистки М. Никифоровой — казалась преступной. Это я им тут же заявил. Ко мне присоединились лев. с.-р. Миргородский, три товарища большевика красногвардейца (с Выборгской стороны Петрограда), которые являлись членами нашей Комиссии и сам командующий Богданов.

Время шло уже к рассвету. Все измучились. Члены Революционного Комитета явно были настроены против меня, но отозвать меня из Комиссии не решались. Иезуитская политика, которой уже были пропитаны в большинстве своем в то время большевики, и болтавшиеся возле них, левые эсэры, не разрешала им этого сделать. Они сговорились держать еще прокурора и начальника милиции под охраной для того, чтобы с одной стороны спасти их, а с другой, чтобы скомпрометтировать меня, перед многочисленным революционным крестьянством гордого Гуляйпольского района. Они предложили поэтому компромиссную резолюцию, которая гласила: «передать прокурора Максимова и начмилиции Васильева Революционному Комитету, который соберет о них более подробный материал и сам резберется в них». Эта плачевная резолюция Революционного Комитета нас, членов Комиссии, бесила и мы решили передать дело прокурора и начальника милиции не в распоряжение Револ. Комитета, а на новое, с нашим участием, рассмотрение, против чего Ревкомитет мало возражал и в конце концов согласился.

В это время пришли вести о том, что около 20-ти воинских казачьих эшелонов направляются из Апостолова, через Никополь, на Александровск, с целью прорваться на Дон и соединиться с армией Каледина. Эта весть нас, всю ночь ссорившихся, об'единила, и мы наспех перевели прокурора Максимова и начмилиции Васильева из вагона в Александровскую тюрьму, в камеру № 8 (в ней меня более года держали царские слуги и в которую прокуроры часто заходили, и на заявление, что камера грязная, много клопов и мало воздуху, отвечали: «а вы хотите больше воздуху!?» и с ехидной усмешкой на устах покидали эту камеру и в корридоре приказывали взять меня на 14 суток в карцер...).

Посажены они были в эту камеру одни и на тот режим, какой они сами назначали для арестованных, т. е. один раз в месяц свидание с родными, раз в две недели смена белья и баня, запрещение подходить к окну и смотреть во двор и т. д.

Сами же мы все раз'ехались по своим местам и, приготовив вооруженные силы, выступили через Кичкаский мост на правую сторону Днепра, чтобы занять боевую линию фронта.

ГЛАВА VII

БОЙ С КАЗАКАМИ, ДЕЛЕГАЦИИ, РАЗОРУЖЕНИЕ КАЗАКОВ И СВЯЗИ С НИМИ

7-е января 1918 года. Был холодный январский день. К вечеру стал моросить снежок, началась оттепель. Наши боевые части заняли позиции, окопались. Мы сговорились по телефону с казачьим командованием, условились назначить делегатов, которые с'ехались бы на пол-пути между станциями Кичкас - Хортица и выяснили, что и какая из сторон хочет.

С нашей стороны делегация представлена двумя командирами группы Богданова; затем, независимо от нея, от отряда матросов — тов. Боборыкиным, от отряда александровских анархистов — Марией Никифоровой, от революционных крестьян Гуляйпольского района и гуляйпольской группы анархо - коммунистов — мною. К шести часам вечера мы сели на паровоз и под'ехали к условленному месту. Навстречу нам подошел паровоз с одним вагоном с делегацией казачьих частей. Среди казачьей делегации были офицеры и рядовые казаки. Но рядовые ничего не говорили. Говорили офицеры, говорили гордо, хвастливо, иногда даже с руганью; в особенности ругань эта прорывалась, когда со стороны нашей делегации тов. Боборыкин заявил, что мы их вооруженными на Дон через Александровск не пропустим.

Провозились мы с ними, а они с нами час времени, и может еще возились бы, уговаривая друг друга, если бы не услыхали от казачьей делегации заявления, что они у нас и спрашивать не будут пропусков через Кичкаский мост и г. Александровск. «Нас, — заявил нам их представитель, — движется 18 эшелонов казаков Дона и кубанцев — лабинцев, да 6 или 7 эшелонов гайдамаков Центральной Рады (якобы вышедших из Одессы и в дороге примкнувших к казакам с целью пробраться на левый берег Днепра и повести борьбу против «кацапів). Выслушав это хвастливое заявление делега-

ции, заявление, которое сопровождалось матерщиной, наш делегат ответил: «В таком случае, мы уезжаем от вас. Переговоры наши кончены. Ваше поведение мы, представители революционных крестьян, рабочих и матросов, считаем желанием вызвать братоубийственную кровопролитную бойню»... «Можете двигаться — мы вас ждем!!!..»

И мы все в ту же минуту вышли из их вагона, сели на свой паровоз и возвратились к линии фронта. Казачья делегация двинулась в свою сторону.

Возвратясь к своим позициям, мы об'явили бойцам, что переговоры наши с казаками ни к чему не привели, что каждую минуту можно ожидать с их стороны наступления, а потому разведка каждой части против своего участка и разведка, обслуживающая всю линию фронта, — должны быть особо бдительными. Затем мы, с частью бойцов, отошли от передней линии нашей цепи с версту и в двух местах разобрали рельсы, а в час ночи каждый возвратился на свое место и, нервничая, ждал наступления казаков.

Ночь была темная, и шедший днем и с вечера снежок превратился в мелкий дождь.

Было уже два часа ночи. Дождь усилился. А противник не показывался, видимо решил дождаться рассвета. Многие бойцы, лежа в окопах, которые они сами за это время сделали, говорили между собой, что до утра казаки не будут наступать, но старые солдаты, в особенности из Гуляй Поля, сказали им: «не обманывайтесь, друзья, военные люди попытаются использовать эту ненастную погоду и обойти нас, захватив Кичкаский мост и Александровск». Многие смеялись... Однако, смех быстро прекратился. Приблизительно, в начале третьего часа ночи разведка донесла, что слышен стук по рельсам. То была передняя разведка казаков, которая наткнулась на разобранные рельсы. Она обследовывала ж. д. путь. Минут через 10-15 начало доноситься пыхтение и сопение паровоза.

— Движутся, — пронесся шопот по всему боеучастку.

— Соблюдай тишину! — летит вслед другой шопот.

Нервы натянулись. По телу пробегает какой-то холод. — Скверное дело — война, — говорят бойцы между собой.

Я тут же приседаю возле двоих, плотно лежащих друг около друга, подхватываю их мысль, говоря: — Да, друзья, война — дело очень скверное, мы все это сознаем, но не можем не участвовать в ней. — А почему, почему, скажите, Нестор Иванович, — начали они допытаться.

— До тех пор, — продолжал я, — мы будем принуждены брать в руки оружие и итти сражаться с врагами нашей свободы, пока они не перестанут употреблять оружие против нас. Сейчас мы видим, что они, наши враги, не отказываются от этого, а между тем они сознают, что все трудящиеся больше не намерены закабалять себя в наемных рабов, а наоборот, стремятся стать свободными и независимыми от всякого рабства. Кажется, что этого вполне достаточно. Враги наши землевладельцы, заводчики, фабриканты, генералы чиновники, купцы, попы, тюремщики и вся полицейская свора, служащая за деньги в охране этих столбов царско-помещичьего строя, — должны были понять это и не становиться на дороге трудящимся, пытающимся завершить свое дело революции. Но они не только не хотят понять этого, они приобщили к своим идеалам целый ряд социалистов - государственников и, вместе с этими предателями интересов труда, выдумывают новые формы, чтобы не допустить тружеников завоевать себе право на свободную независимую жизнь. Все эти бездельники стараются ничего не делать, не добывать своим трудом нужных себе предметов потребления, а все иметь без затраты своего труда, и всем, в том числе и жизнью трудящихся, ведать и управлять, при том, — характерно — за счет самих трудящихся.

— Следовательно, они, а не мы, — продолжал я, — виноваты в этой войне. Мы сейчас только защищаемся, но этого, друзья, недостаточно: мы должны не только защищаться, но и перейти в наступление, ибо защита — дело хорошее, когда мы, низвергнув власть капитала

и государства, живем свободно и в довольствии, когда среди нас исчезло рабство и живет равенство и свобода, а враги наши восстают против этой нашей жизни с целью разбить ее и поработить нас. Но когда мы только идем к этим своим целям, то тут мы должны заботиться о наступлении против своих врагов. Защита тесно связана с наступлением, но она есть дело тех наших братьев и сестер, которые не вошли в передние ряды революционных борцов, а идут по их следам, подхватывая, расширяя и, развивая провозглашенные ими идеи в революции, которую вы, друзья, неверно называете войной. В этом случае дело защиты принимает свой должный характер и оправдывает всю ту кровь, которая проливается на передовых позициях в разрушительном процессе революции; ибо оно закрепляет по следам этого процесса его творческие достижения».

В это время послышался крик: «Отдельная пулеметная команда — огонь! Это относилось к выдвинутой вслед за сторожевыми и секретными заставами пулеметной команде из 16-18-ти пулеметов, чтобы на колене железнодорожного полотна, во время встретить эшелоны неприятеля. (Такое бросание пулеметами мною не одобрялось, но то было время, когда красногвардейские отряды имели в своем распоряжении пулеметов в три-четыре раза больше, чем нужно было, поэтому пулеметами не дорожили, что доказывается хотя бы этим выдвижением их далеко за линию фронта).

Когда пулеметная команда открывала огонь, тогда только я увидел, что вокруг меня было около ста бойцов, слушавших то, о чем я говорил. Теперь они разбегались от меня по своим местам. На огонь наших пулеметов был открыт сильный огонь со стороны неприятеля. Тут же затрещала пулеметная и ружейная стрельба по всему нашему фронту, что осветило всю линию. Огонь со стороны неприятеля прекратился. Прекратилась стрельба и у нас. Страшно тяжело было у меня на душе в эту минуту.

Бойцы тоже говорили, что чувствуют что-то нехорошее и вспомянули удаль казаков, как они в 1905-6 годах

расправлялись с трудовым народом, осмелившимся заговорить о своих нуждах свободно и вслух на своих сходах-собраниях.

Каждый из нас, если и не видел этого, то слышал. И это еще больше бодрило бойцов — не бояться смерти, встретить более решительно этих людей, — в иных условиях таких же, как и мы, способных на плохое, и на хорошее, как способен каждый человек, но в данном случае, людей воодушевленных напыщенной отжившей идеей ведомых генералами и офицерами; людей, хотя и обманутых, но с оружием в руках рвущихся через революционную территорию на Белый Дон к генералу Каледину, чтобы поддержать силы реакции и дать им восторжествовать над так дорого стоющей трудящимся революцией. И, следовательно, — людей — наших врагов, готовых каждую минуту нас схватить, сечь нагайками, бить шомполами и затем совсем убить.

Среди бойцов в цепи начали раздаваться возгласы: «Идем же в наступление! Ибо если высадятся из эшелонов, то хуже будет»...

Но вскоре казаки снова придвинулись к нашей позиции и открыли огонь. Снова затрещали ружья и пулеметы с нашей стороны, и на этот раз настолько сильно и метко, что передний казачий эшелон дал быстрый ход назад, изредка отстреливаясь, отдаленными выстрелами из винтовок и пулеметов.

Но, так как, вслед за этим первым эшелоном, вышедшим со станции Хортица в наступление против нас было пущено казачьим командованием несколько эшелонов, то отступающий первый эшелон, идя быстрым ходом навстречу идущим им на подмогу, налетал на один из них, сбил его и сам слетел с рельсов. Это крушение было настолько сильно, что много вагонов было разбито, люди и лошади убиты. Оно-же, это крушение заставило казачье командование оттянуть все воинские эшелоны, остававшиеся на станции Хортиц, назад по пути к Никополю, выделив в то же время делегацию, преимущественно из казаков, человек в 40, для переговоров с нами.

Эта делегация прибыла под белым флагом к нам ровно в 3 часа дня 8-го января 1918 года. Мы встретили делегацию казаков с особой радостью, привели ее в штаб командования боевым участком, с особым интересом расспрашивая ее, с чем она пришла, после неудачи — силой прорваться через революционную территорию? Делегация сообщила нам, что за казачьими эшелонами шло несколько эшелонов гайдамаков, мечтавших при помощи казаков Дона и Кубани, занять город Александровск и пойти по селам и деревням избивать «кацапів» и «жидів», не признававших «православной віри», мешавших им водрузить над землею «Неньки Украины» желто-бланкитное знамя погромов и убийств иноверцев. Но после вчерашнего неудачного нашего наступления на вас, — сказала казачья делегация, — после крушения эшелонов и приблизительного выяснения ваших сил и сил, поддерживающего вас населения данной местности, они, гайдамаки, ушли назад по направлению Никополь - Апостолово.... Наше же казачье командование сговорилось с казаками не возвращаться назад, а повести с вами переговоры для мирного перехода через занимаемую вами территорию».

«Мы, сказала казачья делегация, согласны сложить оружие, оставив при себе лошадей с седлами и по возможности шашки...»

С этим командование нашего фронта не согласилось, ибо хорошо понимало, что для казаков лошадь под седлом и шашка — главнейший род оружия, как для перехода, так и для первой внезапной схватки с противником, в особенности с таким противником, каким в это время являлись вооруженные силы революции, которые фактически и в большинстве случаев были только сырым материалом, как для наступательных, так и для защитительных военно-революционных действий.

Делегация казаков в конце концов отказалась от шашек, но настаивала на лошадях и седлах. И это настаивание было категорическим. Здесь они ссылались на свои казачьи традиции: без своего коня и седла не являться ни домой, ни на службу. И наше командование, по целому ряду внешних причин и поскольку это оправ-

дывалось тактическими соображениями, принуждено было с этим согласиться. После этого соглашения, часть казачьей делегации возвратилась к своим эшелонам, часть же осталась у нас.

Гайдамацкие воинские части Украинской Центральной Рады, которые возвратились назад на линии Никополь - Апостолово, узнав, что донцы и кубанцы согласились сложить перед революционным фронтом свое оружие, направились из Апостолово в район Верховцево — Верхне - Днепровск.

В течение двух с половиной дней, казачьи воинские части, в числе восемнадцати эшелонов, были разоружены и представлены в г. Александровск. Здесь их снабдили провиантом и организовали для них целый ряд последовательных митингов на тему о рабоче-крестьянской революции.

В интересах истины нужно отметить, что большевистско - левоэсеровский блок в это время старался оказать на казаков свое идейное влияние и выдвинул лучших своих в этой местности ораторов, которые в своих речах были крайне революционны и «неизменно» преданы делу революции и ее целям — подлинному освобождению труда от капитала и власти государства. Они, эти паяцы, обещали казакам в области социального строительства всесторонние свободы, кричали о широкой автономии Дона и других местностей и областей, которые при царствовании Романовых всеми правдами и неправдами порабощались.

Некоторые из ораторов выкрикивали о национальном возрождении каждой из порабощенной областей, не стыдясь присутствовавших на этих митингах идейных противников, знающих, что все эти крики противоречат их властническим задачам в революции и что, произнося такие речи перед массой казаков, они заведомо лгут.

Однако, казаки слишком мало принимали во внимание все то, что им говорили. Они стояли и время от времени смеялись.

Потом выступали анархисты, и в особенности М. Никифорова, которая заявила казакам, что анархисты ничего и никому не обещают, анархисты желают, чтобы

люди осознали себя и сами брали свободу. «Но прежде чем говорить вам, казаки, обо всем этом подробно, — я должна сказать вам, что вы до сих пор являлись палачами трудящихся России. Будете вы и далее оставаться такими, или вы сознаете свою гнусную роль и вольетесь в семью трудящихся, которой до сих пор вы не хотели признавать, которую вы за царский рубль и стакан вина распинали живой на кресте?...

В это время многотысячная толпа казаков сняла со своих голов папахи и как один человек склонили свои головы на груди...

М. Никифорова продолжала свою речь. Многие казаки, как дети, плакали.

А у трибуны анархистов стояла толпа александровской интеллигенции и говорила между собой: «Боже мой! какими жалкими и бледными кажутся речи представителей от Революционного Комитета и партий по сравнению с речами анархистов и, в особенности, с этой речью М. Никифоровой...

Для нас, слыхавших это из уст людей, стоявших в стороне от нас не только сегодня, но все дни и годы революции, это было очень лестно.

Но не для этого мы говорили правду казакам. Мы говорили ее для того, чтобы они ее почувствовали и поняли и, следуя ей, освободились от той подлости власть имущих, которая их обольстила и во имя которой они, с начала своей исторической оседлости на Дону и Донцу, по Кубани и Тереку и до наших дней были палачами всяких свободных начинаний труда. Да, казаки на протяжении всей своей истории — палачи для трудящихся России. Многие из них уже сознали это, а многие еще и до сих пор подло хватаются за шашку и нагайку против свободы.

Все время стоянки своей в Александровске (они тогда после митинга оставались в нем пять дней) казаки почти каждый день массами приходили в бюро федерации анархистов, об'ясняли анархистам то, чем анархисты интересовались и сами распрашивали их. Казаки задавали вопросы анархистам, устанавливали связи, оставляя им свои адреса для посылки литературы, для пе-

реписки по делам социально-революционного строительства. В особенности завязывали эти связи кубанцы Лабинского отдела. Я знаю случаи, что многие из этих казаков долго переписывались с нами, просили раз'яснения по тем или другим вопросам социально - общественного строительства, просили всегда свежей литературы и исправно присылали за нее посильную плату.

Были такие случаи и с казаками Дона, но не в таком обширном масштабе. Это об'ясняется с одной стороны тем, что донцы большее дубье в смысле общественности, а с другой тем, что Дон в это время был превращен царскими сановниками, учеными профессорами, во главе которых стояли генералы Каледин, Алексеев и Корнилов, в сплошное пожарище реакции против революции.

За время стоянки разоруженых казаков в г. Александровске, революционное командование предложило им стать на защиту революции и выступить против генерала Каледина. Многие из них выразили тут же свою готовность получить оружие и выступить на фронт Таких выделяли по сотням и отправляли в Харьков, в распоряжение командующего войсками Украинского Фронта Антонова-Овсеенко.

Многие заявляли, что они желают видеться со своими детьми и родными, которых по четыре года не видали, и поэтому намерены раз'ехаться по домам; их обещали пропустить, но в действительности их тоже направили через Харьков, где отобрали и лошадей.

Не берусь оценивать этот поступок революционных властей большевистско - лево - эсэровского блока, так как момент был такой, что пропустить лошадей под седлами в зону военного наступления против революции — значило предать революцию. Единственное, в чем я вместе с друзьями осуждали большевиков и левых эсэров, — это то, что они сразу, при переговорах с казаками, поступили не как революционеры, а как иезуиты, обещая им одно, а делая другое. Этим они могли слишком много зла создать для защиты революции. Впрочем, они его уже создали. Под'езд автоброневиков в

Харькове к помещению собрания анархистов, надзор за революционными организациями по селам и городам, уже были предвестниками худых деяний этих, пока что двух, властвующих в стране, на словах революционных, партий.

ГЛАВА VIII.

МОИ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА БОЛЬШЕВИСТСКО - ЛЕВО-ЭСЭРОВСКИМ БЛОКОМ В АЛЕКСАНДРОВСКЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТИХ НАБЛЮДЕНИЙ

Фронт против движения казаков с внешнего фронта на Запорожье — закончился. Больше о них ничего не было слышно в этом направлении. Все революционные части с правой стороны Днепра переведены на левую, в г. Александровск и в ближайшие к нему села.

Задача штаба Богданова — продвинуться дальше по направлению Крыма. Г. Александровск остается, таким образом, в военном отношении, сам с собой. Население города должно организоваться. Да оно в лице рабочих уже начинало организовываться.

Революционный Комитет, при поддержке своих партий, начинал тоже проявлять свою «революционную» деятельность. Она, эта деятельность его, началась с произвольного вмешательства в местную жизнь трудового крестьянства и, конечно, с начальническим тоном и через грозный — письменный или устный приказ.

Осмелел Ревком и по отношению к городу: наложил на александровскую буржуазию контрибуцию в восемнадцать (18) миллионов рублей.

Снова, как и при Коалиционном Правительстве и Украинской Центральной Раде, начались аресты, и в первую очередь, конечно, правых социалистов (анархистов из-за их влияния в Гуляйпольском и Камышеванском районах пока не осмелились трогать). В Революционном

Комитете началось чаще произноситься слово «Комиссар тюрьмы», ибо последняя заняла уже чуть не первое место в «социалистическом» строительстве.

У меня нередко являлось желание взорвать тюрьму, но ни одного разу не удавалось достать достаточное количество динамиту или пироксилина для этого. Я не раз говорил об этом левому эсэру Миргородскому и М. Никифоровой, но они оба испугались и старались меня завалить работой, которая не допустила бы меня сблизиться с красногвардейцами, у которых взрывчатых веществ было очень много.

В Александровске, в Революционном Комитете я брался за всякую работу, какую Комитет на меня взваливал, и делал ее до конца.

Но быть волом, видя, что за твоей спиной чорт знает что творится, было не в моем характере, тем более, что я — политический работник не с 1917 года, и работать из-за того, чтобы «всезнающие», «всесильные» похвалили меня, я не мог.

Я определенно и безошибочно видел, что совместная работа с большевиками и левыми эсэрами становится для революционных анархистов невозможной, даже на фронте защиты революции. Они в своей революционности начинали заметно изменяться, уделяя внимание исключительно власти над революцией в грубом смысле этого слова.

Присматриваясь к их работе в Александровске, а дотоле на уездных и губернских с'ездах крестьян и рабочих, где к этому времени они были в большинстве, я предвидел, что блок этих двух партий — фикция, что рано или поздно одна какая-либо из них должна будет всосать в себя, или силой сожрать другую, коль обе они за счет революции идут к совершенствованию государства и его власти над свободной общественностью трудящихся.

Правда, их уклон трудящиеся, будучи действующим элементом в революции, не могли во время подметить. У трудящихся была слишком большая вера в революционеров и они не заботились о том, чтобы разделять

руководителей по идеям и следить за их действиями. Им нужно было каждый раз показывать и раз'яснять подмеченное.

Кто же будет это делать? — я часто задавал себе вопрос и отвечал. — Анархисты и только анархисты!

А где в это время русской революции анархисты были связаны с широкими трудовыми массами? Большинство претендентов на имя руководителей русского анархизма в это время болтались, если не в хвосте центральной власти большевистско - лево - эсэровского блока, то во всяком случае вне прямого революционного действия в рядах революции. Так делали в это время анархо-синдикалисты и анархо-коммунисты на своих верхах (об анархо-индивидуалистах не говорю, потому что их организации в России и на Украине, в особенности, не было).

Отдельные рабочие и крестьянские анархические группы, нередко на свой риск и страх принимавшие с большим опозданием то или другое тактическое решение, бросались на всех фронтах в бурю революции и честно сгорали в ней, при этом сгорали они с особой любовью к революции, как и к своему идеалу. Но увы! сгорали в буре революции преждевременно и без, или с слишком малой пользой для своего родного анархического движения.

Спрашивается: почему же это так было? У меня лично ответ на это один: анархисты не имели своего организованного единства в действии. Большевики же и левые соц.-революционеры использовывали для себя в эти дни веру трудящихся в революцию так, как хотели организованно противопоставить интересам дела трудящихся свои партийные интересы. В другое время, при других условиях и обстоятельствах, они не осмелились бы при всеобщем деле революции заниматься политическими авантюрами своих центральных комитетов. Теперь же им было ясно, что обличить их в этом деле некому. Правые социалисты шли на поводу у буржуазии. Оставались одни анархисты, в задачу которых входило направить революционные силы трудящихся против их затей. Но мы, анархисты, не имели на лицо

об'единенных сил, с определенным и положительным пониманием задачи дня.

Большевики и левые соц.-революционеры, под руководством мудрого Ленина замечали эти серьезнейшие недочеты в нашем движении и радовались этому; ибо только то, что мы были организационно беспомощны и не могли противопоставить их партийному делу в революции дело всего трудового люда, которое, от начала до конца, во многом переплеталось с идеей анархизма, ободряло этих государственников на этом пути. Они подошли смелее к массам и, обманув их лозунгом «власть советов на местах», создали за их счет свою государственнически-партийную политическую власть, подчиняя ей все на пути революции, и в первую очередь тружеников, которые до этого успели только разорвать, но совсем еще не разбили свои рабские цепи.

Большевикам, лев. соц.-революционерам помогали в этом деле правые соц.-революционеры и эсдэки меньшевики, тем, что действовали вместе с буржуазией, когда весь трудовой люд был против этого. В то время трудовой люд не гнал еще от себя правых социалистов. Он лишь перерастал все их программы, по которым они сами служили буржуазии и пытались толкнуть в эту кабалу трудящихся, чтобы не одним нести гнет идеи содружества с буржуазией, идеи «закона и законной» власти Учредительного Собрания и проч.

Все эти идеи, с которыми носились правые социалисты, были уже неприемлемыми для трудящихся. Да в это время правые социалисты действовали фактически уже против революции. Все это породило то, что трудовые массы отдали по долгу свое предпочтение большевикам и левым соц.-революционерам. Отсюда родилось в трудовых массах абсолютное недоверие и враждебное отношение к правым социалистам.

Это трагическое для революции явление известно каждому революционному анархисту, который сливался в своих прямых революционных действиях с тружениками села и города в одно целое, переживая вместе с ними удачи и промахи на этом пути.

Итак, тревожась тем, что большевистско - лево -эсэровский блок не есть тот блок революционного единения, который необходим для революционеров в момент столкновения труда с капиталом и государственной властью, так много затрачивающих своих сил и жизни на организацию этого столкновения, единения, которое революционеры должны создавать, к которому должны стремиться, я все глубже убеждался в том, что большевики и левые социал - революционеры сдадут свои позиции реакции правых социалистов, сроднившихся с буржуазией за это время, или же друг друга перестреляют и из-за своего первенства в деле власти, но ни в коем случае они не окажут надлежащей помощи революции, чтобы она могла выйти свободно на простор и творчески развернуться на своем пути. Убедившись в этом, я созвал ряд товарищей из Александровской федерации анархистов (с ними пришли и сочувствующие рабочие и солдаты), созвал своих товарищей из отряда Гуляй Поля и с особой болью в душе поделился с ними своим мнением о революции, которой, на мой взгляд, угрожали смертью со всех сторон и большевистско - лево- эсэровский блок — в первую очередь.

Я говорил своим товарищам, что для революции было бы лучше, если бы большевики и левые эсэры не создавали блока, ибо среди них нет той идеи, которая удержала бы их от стремления властвовать над революцией, и это их в конце концов столкнет между собой и они своим взаимоистреблением принесут много зла для революции. Уже теперь, — говорил я друзьям, — видно, что свободой пользуется не народ, а партии. Не партии будут служить народу, а народ — партиям. Уже теперь мы замечаем, что во многих случаях в делах народа упоминается лишь его имя, а вершат дела партии. Народ знает лишь одно — слушать, что правители ему говорят!

При этом, изложив товарищам свои впечатления и свое глубокое убеждение, что надо готовиться к борьбе против затей этих партий, я поделился своими планами, уже не со всеми, а с тесным кругом анархистов, которые я обдумывал с июля - августа месяца 1917 года и которые частично ввел в дело организации

крестьянства. Планы зиждились на следующем: пока крестьянство горит жаждой быть самому хозяином над собой — следует сближаться с его общественными самоуправлениями, освещать крестьянам каждый шаг социалистического властвования, говорить им, что совершенная ими революция несла в себе совершенно другое: она несла трудящимся права на свободу и вольный труд, в корне разрушая всякую опеку власти над трудящимися. А сблизиться с крестьянами можно, при желании, всегда. Надо поселиться среди них и работать вместе с ними, работать не покладая рук и честно. Там, где они по незнанию задумают учреждать то, что может вылиться во что-либо враждебное развитию свободной общественности, раз'яснить им, убедить их, что это для них самих будет вредным бременем, и выдвинуть в противовес другое, которое бы отвечало тем заданиям, которые стоят перед ними и, в основном, не противоречит идее анархизма. Наш идеал слишком богат и в нем много есть того, что крестьянство может теперь вводить в жизнь и радоваться его осуществлению.

Другие планы были заговорщицкого характера, о которых я на собрании товарищам тогда ничего не говорил, но неуклонно к ним подготовлял членов Гуляйпольской Группы Анархистов-Коммунистов, в надежде, что там, где группа, благодаря своему упорному труду, завела идейные связи с населением, там мы должны будем к этим планам прибегнуть. Этого от нас, действующих революционных анархистов, потребуют те явления в истории революции, которые обрушатся, в силу целого ряда причин против революции.

На этом интимном собеседовании с товарищами в г. Александровске — я и решил порвать свои связи с революционным Комитетом и возвратиться в Гуляй Поле со всем отрядом.

Я виделся в тот же день с тов. Миргородским (лев. с.-р.) и предложил ему зайти со мной поужинать в столовую при Федерации. Когда он пришел, я не утерпел и сказал ему, что завтра подам заявление в Ревкомитет, что меня отряд отзывает из него и на место меня воздерживается послать другого. Тов. М. Никифорова и ряд

других товарищей из Федерации просили меня не делать этого так скоро, уговаривал меня и Миргородский. Однако, я уже не мог отступить от своего решения. Я наперед этот вопрос решил с отрядом, и теперь оставалось оформить его оффициально, чтобы Комитет не истолковал его ложно.

В федарации анархистов не все об этом знали. Поэтому, когда узнали, то просили, чтобы я им об'яснил причину или цель моего выхода из Революционного Комитета. В это время были также некоторые рабочие, сочувствовавшие левым С.-р-ам. Они то более всего просили меня сказать им, почему я ухожу из Революционного Комитета и покидаю г. Александровск.

Пришлось им повторить то, что многим я говорил наедине. Я им сказал, что на мой взгляд большевистско-лево-эсэровский блок уже дал трещину в своем единстве, и это, заметьте, тогда, когда он еще только составился. Причина этому— по-моему — с одной стороны, историко-философское расхождение эсэровщины с марксизмом, — с другой, тщеславие, толкающее одну партию опережать другую в своем разнузданном стремлении властвовать над революцией.

Для меня лично абсолютно верно то, что недалеко то время, когда эти две, ныне царствующие в стране, партии, не помирятся, столкнутся на своем пути и начнут друг друга уничтожать, казня вслед за этим революцию и все лучшее в ней. Так какого же черта мне тратить здесь свои силы, когда я вижу начало подлинной революции в деревне. Крестьяне осознают себя, они проявляют свою волю к борьбе за идеал справедливости, им нужно помочь в этом, — кричал я раз'яренный, а товарищи еще больше удивлялись.

«Я не хочу сказать вам, товарищи, что всем нужно итти к крестьянам. Я хорошо знаю вас, сжившихся с городом, сроднившихся с рабочими. Работайте здесь, но помните, что здесь революция от прямого действия переходит к приказам и указам Ревкома, тогда как в деревне власть Ревкомов дойдет до этого не так легко. Там живет дух революции, здесь — контр-революции, которую только при хорошем напряжении организаци-

онных революционных сил деревни и можно отразить от попытки казнить революцию.

На это мои товарищи из анархистов и их знакомые, сочувствующие левым социалистам - революционерам, говорили мне, что будущее само себя покажет. В настоящий же момент мы видим, что большевистско - левоэсэровский блок с пути рабоче - крестьянской революции не сходит. Он твердо его держится. Трудящиеся массы в большинстве своем это видят и поддерживают его в этом. Следовательно, вести против него агитацию, или подымать бунт, — означало бы расчищать пути для возврата полубуржуазной Керенщины или, что еще хуже, укреплять позицию Украинской Центральной Рады, которая почти совсем уклоняется от борьбы за социальное раскрепощение трудящихся, — это значит совершать преступление против идей революции.

«Мы, — говорили мои товарищи, — скорбим о твоем отношении к большевистско - лево - эсэровскому блоку и были бы рады, если бы ты с иной стороны подошел к этому вопросу. Ведь ты же сам все твердишь, что революционеры всегда должны быть там, где нацию. До сих пор и ты и мы делали это. Что же помешает нам продолжать свою работу. Ведь каждый из нас понимает, что, раз большевистско - лево - эсэровский блок сделает поворот вправо, или попытается остановить трудящихся на полпути к их цели — к свободе, равенству и вольному труду, — мы тотчас же поведем кампанию против него. И тогда каждому труженику будет видно и понятно, что мы правы, восставая против большевиков и эсэров. Помню, эту позицию больше всего отстаивала Мария Никифорова и ее друзья по совместной в этом городе с нею работе. Она при этом несколько раз подчеркивала имя тов. Карелина, говоря, что перед от'ездом из Петрограда она с ним на эту тему много говорила, и он сказал, что это — самая верная позиция, какую мы, анархо-коммунисты, можем занять по отношению к большевистско - лево - эсэровской власти.

Однако, эти относительно верные аргументы моих товарищей меня не поколебали. Я был глубоко убежден в том, что блок долго не просуществует. Признаки этого, кроме вышеупомянутых, были еще и те, что Ленин действовал без всякого контроля не только партии левых эсэров, которая была в союзе с партией большевиков, но и со стороны своей партии, творцом и лидером которой он являлся.

В этом обстоятельстве я, организовавший уже крестьян без влияния большевиков и эсэров в Гуляй Поле и в районе, многое усматривал. Я усматривал в этом то, что Ленин задумывает сделать из левого крыла эсэров (среди которых я не видел ни одного члена старого ядра эсэровщины вообще), игрушку в своих, Ленинских, руках....

В то время, как мы обменивались мнениями о большевистско - лево - эсэровском блоке и о будущем революции, властнически захватываемой ими, мне комиссар почты прислал телефонограмму, переданную из Гуляй Поля, которая гласила, что в Гуляй Поле приехали агенты Украинской Центральной Рады, которые, об'явили себя сторонниками советов, но ведут энергичную агитацию, чтобы солдаты, вернувшиеся с внешнего фронта, организовали в Гуляй Поле и по району гайдамацкие курини. Шовинисты взялись за эту организацию. Телефонограма была подписана М. Шрамко.

Телефонограмма помогла мне выйти из Александровского революционного комитета и поспешить вернуться в Гуляй Поле.

Сделав оффициальный письменный, от имени Гуляйпольского отряда, отзыв меня из Революционного Комитета, я пошел в Комитет вручить этот документ, куда следует, и проститься. В Комитете мой отзыв был принят неодобрительно, президиум осудил его, но сдержанным тоном. Когда же я об'яснил причину и цель моей, со всем отрядом, немедленной поездки в Гуляй Поле, то председатель Ревкомитета тов. Михайлевич позвал меня в особый кабинет и излил мне свою радость по поводу того, что я спешу в район.

«Ваше, тов. Махно, присутствие в Гуляй Поле теперь больше, чем необходимо» — сказал он мне. «Кроме того, вам кажется известно, что мы по проекту из центра, думаем разбить Александровский уезд на две административных единицы и есть отметка, что одна из них будет организована под вашим, тов. Махно руководством в Гуляй Поле».

Я ответил своему «благодетелю», что это не обольщает меня, что это расходится с моими взглядами на дальнейший рост и развитие революции.

— Кроме того, это ведь вопрос будущих ваших успехов — не правда ли? — заметил я т. Михайлевичу.

«Но наши успехи обеспечены. С нами все рабочие и крестьяне, они везде уже все держат в своих руках!» — воскликнул мой вчерашний коллега по комитету.

«А вы телефонограмму ко мне из Гуляй Поля прочли? Вы поняли, о чем в ней сообщается? — сказал я ему.

«Ах, да!»

— Так лучше оставим этот разговор на после. — заметил я ему. — А сейчас распорядитесь, чтобы комендант екатерининской станицы приготовил к 4 часам эшелон для погрузки отряда гуляйпольцев.

Сейчас же было отдано об этом распоряжение.

Я поговорил еще с ним и другими членами Комитета, с участием анархистки М. Никифоровой. Говорил я касательно чисто революционно - боевого положения на районе, а затем, распрощавшись со всеми, уехал на станцию. Через несколько минут под'ехали к станции члены ревкома на автомобиле и анархистка М. Никифорова на лошади. Они под'ехали попрощаться со мной и проводить отряд.

Еще раз перебросились мы парою-двумя словами с ответственными представителями революционного комитета, а затем, отряд спел анархический марш, и мы тронулись в путь.

ГЛАВА IX.

УПРАЗДНЕНИЕ «ЗЕМСКОЙ ЕДИНИЦЫ». ВЫДЕЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА ИЗ СОСТАВА СОВЕТА. ДОБЫВАНИЕ СРЕДСТВ НА РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НУЖДЫ

За то время, что я с рядом энергичных революционных крестьян, рабочих - анархистов и сочувствующих анархизму беспартийных революционеров, отсутствовали из Гуляй Поля, последнее обзавелось гостями — агентами Центральной Рады. Гуляйпольскими собственниками - землевладельцами, которые на войне получили чины прапорщиков и теперь были командированы по селам и деревням, чтобы развить идею крайне-шовинистического украинства и его главного оплота — гайдатщины и вильного казачества. Мы приехали в Гуляй Поле ночью, и в ту же ночь мне сообщили солдаты - фронтовики, что у них было общее собрание, на котором агенты Рады выступали и освещали боевую готовность войск Центральной Рады, группирующихся на Подолии и Киевщине. Они призывали фронтовиков организоваться здесь и взять власть в свои руки над бесвластным районом. Для помощи этому делу, собранию был подан через именовавшего себя «максималистом» — фронтовика Вульфовича, ряд анонимных записок, указывающих, что существует в Гуляй Поле и на районе какое-то богатое общество, которое может регулярно оказывать организации фрнтовиков денежную помощь и т. д. и т. д.

Я решил арестовать «максималиста» Вульфовича. В час ночи я пошел к секретарю группы анархо - коммунистов — тов. Калашникову, с ним вызвал ряд товарищей и, обсудив все, о чем я был информирован солдатами-фронтовиками, мы «максималиста» Вульфовича арестовали. Он запротестовал, заявляя, что обратится с протестом в Группу А-К. Он знал, что я о своих действиях на общественно-революционном посту от времени до времени делаю доклады группе и вместе с нею решаем, не

противоречат ли мои действия той нашей общей задаче, которую мы, как группа революционных анархо-коммунистов, поставили перед собой (когда решали, что необходимо нашим членам итти в Советы и Общественные Комитеты, если их трудящиеся избирают). Он был убежден, что мне за его арест влетит. Но я ему заявил, что он арестован до выяснения, от кого он на собрании фронтовиков получал анонимные записки о существующем в Гуляй Поле и в районе обществе, обладающем денежными средствами для организации войск Украинской Центральной Рады. «Максималист» Вульфович больше не протестовал. «Максималист» быстро начал таять и совсем растаял. Он сказал мне, что записки, за час до собрания он получил от гражданина Альтгаузена (дядя известного провокатора, по делу нашей группы, Наума Альтгаузена), хозяина постоялого двора и отеля в Гуляй Поле.

Сейчас же был арестован и гр. Альтгаузен, которому я об'яснил, за что он арестовывается, и сказал, что они с Вульфовичем будут преданы через Совет суду всеобщего схода-собрания крестьян и рабочих Гуляй Поля.

Гражданин Альтгаузен понял, что дело принимает серьезный оборот. Сход-собрание потребует от него раскрытия тайного финансового агентства Украинской Центральной Рады. Он предпочел поэтому, об'яснить всю правду сейчас же.

«Еврейская община в Гуляй Поле, сказал он, боялась украинцев-шовинистов и поэтому решила заранее связаться с ними, оказав им денежную помощь, чтобы, на случай торжества их власти, последняя знала, что евреи стоят за Украину и за тех, кто боролся за нее». И тут же добавил: «Поймите, гражданин Махно, тут нет ничего такого, что вредило бы революции. Скорее это повредит нашему обществу, потому что эти деньги должно выплатить отсюда — и показал на свой левый карман».

Товарищи, члены Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов, которые услыхали о том, что в центре Гуляй Поля какая-то тревога, все почти сбежались. Они очень

возмутились поведением еврейской общины и требовали ареста и опроса всех ее руководителей, с целью окончательного выяснения правды об их подлом поведении по отношению к свободе Гуляй Поля. Сознавая, какую ненависть все это вызовет у не-еврейского населения к еврейскому, я много труда и усилий положил на то, чтобы этого дела не раздувать, а ограничиться показаниями Альтгаузена, сделать об этом обширный доклад сходу крестьян и рабочих и просить его тоже не раздувать этого дела и не поощрять ненависти за этот акт, учиненный несколькими лицами, ко всему еврейскому обществу.

Товарищи из Совета со мной согласились, доверяя мне, что я здесь не делаю никакого политического шантажа. И гг. Вульфович и Альтгаузен тут же были освобождены....

Но нужно было быть на сходе крестьян и рабочих тому, кто когда либо честно, для истины, вздумает писать историю Гуляй Поля, писать о том колоссальнейшем деле революции, которое намечалось в Гуляй Поле анархистами - крестьянами, вместе с трудовым населением Гуляй Поля и района, которое, когда власти попытались задавить его, разразилось целой революционной бурей, увы! — не получившей своего полного развития. Я говорю, нужно было бы быть таким людям на этом сходе, чтобы убедиться, как труженики серьезно и в то же время с величайшей осторожностью подходили к этому вопросу, к вопросу, который в других местностях Украины безусловно вызвал бы погром и избиение невинных, всеми и вся гонимых, в Русской и Украинской истории, не знавших до сих пор покоя — бедных евреев.

Правда, может быть, большую роль здесь играл докладчик, но вопрос им не был затушеван. Все язвы были обнажены перед сходом. Сход решил оставить все то, что нами было раскрыто, на совести еврейского общества в целом, а руководителям его на первый раз послать свое презрение и заявить, что при повторении со стороны общественных деятелей еврейской общины таких актов против свободы Гуля-Поля, — придется отнестись к ним иначе. Мы принуждены будем в револю-

ционном порядке притянуть их к ответу. И этим вопрос был исчерпан. Право участия евреев на всех с'ездах Советов, во всех общественных делах и их решениях ни на йоту не было урезано. Свобода и равенство мнений признавались одинаково за всеми, кто сознавал право человека на разрушение старого вредного для хода социально - революционных событий и для нарождающегося нового общества, требующего великих жертв и тяжелых усилий от коллективных созидательных сил человека.

До сих пор в Гуляй Поле и в районе существовала, как территориальная единица «земская единица». Но в это время это название совершенно вышло из употребления. Оно было окончательно убито Советом, который общественные функции взял на себя и выделил, по согласию со сходом крестьян, Революционный Комитет для определенного группирования боевых революционных отрядов. В этот комитет для совместного сотрудничества были приглашены: Группа Анархистов - Коммунистов, левые с.-р., поскольку они одиночками существовали у нас (большевиков у нас совсем не было, ни в самом Гуляй Поле, ни в районе), и украинские с.-р., которые представляли группу при «Просвите» во главе с агрономом Дмитриенко. Выделение из Совета Революционного Комитета было результатом тактических соображений Совета, которые поддерживались группой анархистов. Через Революционый Комитет, как особо правомочную в рамках торжества большевистско - левоэсэровского блока революционную единицу, мы более прочно доводили до конца организацию крестьянства. (На рабочих города в то время обратить особое внимание нам не позволяли наши силы, да и жила в нас напрасная вера в наших анархических деятелей, которые сидели по городам... и вели на пустом месте, без всякой связи с ходом революционных событий, ненужные, вредные для дела анархизма споры). В этой определенной задаче, перед Советом встал вопрос: кому из членов поручить идейное руководство Революционным Комитетом? Для Совета нежелательно было передать его кому-либо

из не анархистов, и он хотел поручить руководство Революционным Комитетом мне, хотя я к этому не стремился. Я был убежден, что где бы я ни был, Комитет будет следовать в своих действиях той линии поведения, которая будет намечена в группе анархо-коммунистов, разработана Советом и Революционным Комитетом и поддержана населением.

В результате длительного обсуждения, руководство Революционным Комитетом, как единицей революционно-боевой, требующей инициативы и решительного действия, было поручено мне.

За моим уходом из Совета руководство им хотели поручить тов. Максиму Шрамко (беспартийный рабочий-матрос, бывший голова земской единицы. Это пост, от которого я отказался, уехав даже при перевыборах из Гуляй Поля, чтобы не слушать уговариваний и просьб крестьян принять пост Головы). Но Шрамко, после моего от'езда из Гуляй Поля на фронт в Александровск, собрал братию и поехал в имение Косовца-Тихомирова (в двух верстах от Гуляй Поля), которое по моей инициативе было отобрано для школы детей, сирот. Там он расстащил богатейшую библиотеку, которой и половины не удалось собрать, и поснимал оконные рамы. Этим он себя, как общественный деятель, скомпрометировал, несмотря на то, что его уважали крестьяне. Руководство Советом ему не поручили, а поручили проверить весь мертвый и живой инвентарь в имениях помещиков, чтобы приготовить списки для весеннего распределения .

Руководство же Советом было поручено бывшему до революции активному члену нашей группы, теперь же только сочувствующему ей — тов. Луке Коростылеву.

Группа анархистов - коммунистов поставила перед Революционным Комитетом вопрос о выяснении его функций.

Комитет об'яснил ей и перед всем населением, что он займется, главным образом, революционно - организационной работой среди трудящихся, в целях об'еди-

нения на одной платформе борьбы за расширение, углубление и развитие революции, против которой со всех сторон строятся фронты, чтобы низвести ее с ее революционной высоты на положение орудия политических партий и их власти.

Тогда группа анархо - коммунистов потребовала от него разоружения батальона бердянского 48-го полка, который былъ расположен в гор. Орехове (35 верст от Гуляй Поля) и который держался политики на-половину генерала Каледина, на-половину Украинской Центральной Рады. Революционный Комитет еще слаб был для такого действия, это знала и группа А. К. Но он эту идею группы всецело поддерживал. Группа сговорилась на счет разоружения этого баталиона с александровской федерацией анархистов, и они выехали, каждая со своими силами, с двух сторон в г. Орехов и разоружили баталион.

Революционная по тому времени власть большевистско-лево-эсэровского блока восхищалась действиями анархистов. Командующий силами блока Богданов, — говорят, — изумлялся и радовался, с нетерпением ожидая, что все оружие, отобранное у баталиона будет привезено, если не ему, то, во всяком случае, александровскому Революционому Комитету, тем более, что в разоружении участвовала вместе с анархистами М. Никифорова, остававшаяся еще членом этого Комитета.

Но этого не случилось и не могло случиться.

Гуляйпольская Группа Анархистов - Коммунистов, с июля - августа месяца 1917 года, упорно проводила свою линию: овладеть психикой крестьянства, развить и поддержать в нем дух свободы и независимости, который ее лучшие члены, большей частью уже пигобшие, на протяжении 12 лет стремились среди крестьянства развивать. Теперь, когда группа вышла из подполья, она могла, без слащавых и пустых, бессодержательных речей простым крестьянским языком проповедывать с глубокой верой и упорно, как только могла, свой идеал. Она стремилась увидеть в жизни плоды своей веры и своей работы; она решила, что момент наиболее удобен,

чтобы создавать вооруженные силы труда, без которых ему не справиться со своими многочисленными врагами. В этом александровская федерация ее поддерживала. Поэтому все оружие: винтовки, бомбометы, пулеметы были перевезены в Гуляй Поле, в оффициальное ведение Гуляйпольского Революционного Комитета.

Трудящиеся Гуляй Поля и прилегающих к нему сел и деревень становятся еще более решительными. Они присылают своих представителей в Гуляй Поле с заявлением о своей готовности от старого до малого взяться за оружие и отстаивать свою независимость и свободу от всякой власти, даже от революционной власти большевистско - лево - эсэровского блока, если она вздумает наложить свою лапу на вырабатываемые ими самими непосредственно у себя на местах, в своей свободной жизни новые общественные отношения.

Я, как руководитель Революционного Комитета, казалось, должен был быть занят исключительно его делами, если бы Комитет по своей цели представлял из себя тип Революционных Комитетов того времени. Меня же чуть не ежедневно, по два и по три раза группа анархистов- коммунистов отрывала для совещания с теми или другими крестьянскими представителями того или другого села или целого района. Мы разрабатывали, совместно с этими тружениками, приезжавшими из других сел в Гуляй Поле — одни с революционной целью, другие по личным делам, но тоже заходившими в бюро группы, чтобы узнать то, что группа еще не успела осветить через своих всюду раз'езжавших по району пропагандистов, планы — с чего начать ту или другую работу, как и чем защищать е от властей.

«Какая радость!» — восклицали крестьяне, зайдя бывало в бюро группы, в Революционный Комитет, или в Совет Крестьянских и Рабочих Депутатов. — «Мы действительно начинаем ощущать под собою почву свободы, мы становимся совершенно свободными в своем деле»...

И радости не было конца.

Работа развертывалась во всю ширь, а средств никаких.

Я с рядом товарищей серьезно над этим думал, так как начало открытой организации боевых сил требовало средств. Я знал, что стоит только обратиться в Александровский Ревком, как нам нужные средства пришлют, но я не мог пойти на это, и как член группы, и как человек, поставивший своей задачей создать революционное единство крестьянства, которое являлось бы совершенно независимым от каких бы то ни было политических партий и государственных органов в особенности.

С большим риском я решил предложить группе обсудить следующее: В Гуляй Поле был Коммерческий банк, которого мы сознательно пока что не конфисковывали, деньги которого находились в Александровском Государственном Казначействе, но канцелярскими работами он еще занимался, надеясь и после Октябрьской революции развернуть свою работу для наживы бездельников. Можно было ему предложить внести известную сумму денег на нужды Революционного Комитета. Помню, мы с неделю возились с этим вопросом. Группа принципиально была против этого. С трудом я добился от нее согласия не мешать мне в этом вопросе в Революционном Комитете. Я группе обещал взять всю ответственность за этот шаг на себя, если коммерсанты откажутся исполнить добровольно предложение. Группа дала мне свое согласие, но предупредила меня, чтобы я готов был к тому, что она, согласно правилам ее внутренней организации может мне предложить бросить Революционный Комитет и Совет и заняться исключительно групповой работой. К этому я всегда был готов. Это — то, на чем я больше всего настаивал, когда мы установили положения о целости группы и обязанности членов по отношению к ней, к ее работе.

После получения гарантии от группы, что другие товарищи, которые вошли от нас в Рев. Комитет, не подставят мне ножку в моем предложении коммерсантам внести на нужды Революционного Комитета 250.000 рублей, предложении, которое я хотел, чтобы члены Революционного Комитета и Совета утвердили, я созвал заседание Рев. Комитета совместно с Исполнительным Комитетом Совета Р. и Кр. Депутатов, на котором сделал прежде всего доклад о том, что ходят непроверенные слухи, будто Украинская Центральная Рада ведет переговоры о мире с немцами, а большевики, расходясь по этому вопросу со своими коллегами по власти над Революцией и революционным народом — левыми эсэрами, поспешили во вред Центральной Раде и себе, повести переговоры с немецким кейзером о мире. Правда, — говорил я собранию Рев. Комитета и Исполнит. Комитета Советов, — эта версия требует проверки и она будет проверена в ближайшие дни. Но я лично уже убежденно могу утверждать, что Украинская Центральная Рада — этот позорный союз с австрийскими и немецкими монархами — Карлом и Вильгельмом — тоже уже заключила. (Прим. у меня был ряд писем из Одессы и Хотина, привезенных одним товарищем, в которых товарищи сообщали мне это определенно). Теперь момент самый решительный для революции. Победить на ее пути сможет тот, кто во время приготовится к этому. . Мы должны до зубов вооружиться сами и вооружить все население, иначе и Центральная Рада и большевики своим заключением союза с монархами, готовят смерть для революции и ее носителей — революционных тружеников. Мы должны приготовиться к встрече этой смерти так, чтобы сломить ее напор и разбить ее силы. Мы должны устранить со своего пути всякое сближение, всякую зависимость от революционной власти большевистско-лево-эсеровского блока, также как мы устранили ее по отношению к Центральной Раде и коалиции Керенского с буржуазией. Путь к этому — самостоятельное действие на всех фронтах революции.

Далее я развил мысль о том, как мы нуждаемся в денежных средствах и как рады были бы в Александровскомъ уездном Революционном Комитете, если бы мы за ними обратились к нему, но как пагубно бы это отразилось на нашем районе, ибо только после этого власти из уезда решатся наложить свою лапу на развитіе нашей независимости и свободы. «А средства нужны и они есть здесь, в Гуляй Поле, или через Гуляй Поле их можно достать, не давая повода властям даже помыслить о том,

что мы перед ними благоговеем. Пока мы со своими головами, — говорил я тогда своим слушателям, — мы этого не сделаем. —

С мест начали раздаваться голоса: «Скажи же, тов. Махно, где же эти средства и как их можно перенесть на наше общее дело?»

— Средства эти я укажу далее. Сейчас же я остановлюсь на том, что я вижу в наших рядах и в рядах наших врагов, конечно, всех толков и на всех фронтах, которые они занимают, борясь на словах против реакции, за свободу, фактически же против свободы, за реакцию. Товарищи, никто из нас, здесь присутствующих, не будет отрицать того, что среди трудового крестьянства развивается мысль о независимости и свободе от экономического и политического рабства. Кто помог крестьянству стать на этот путь? Я говорю, что помогла революция и упорная, подчас непосильная, работа здешней Группы Анархо - Коммунистов, членом которой я являюсь.

Какие будут результаты развития этой мысли крестьянства — определить трудно сейчас, когда мы видим вокруг себя одних врагов, и мало, даже слишком мало, друзей, да и те не в нашей среде. Они окопались по городам и к нам лишь время от времени заглядывают. Эти наши друзья-анархисты. Они, и только они не думают о том, чтобы подневольная деревня оставалась и далее подневольной у власти города. Но они мало уделяют подневольной деревне того, что они могли бы ей уделить в настоящее время. Правда, этому есть причины и их трудно охватить и выразить сейчас, когда речь идет о совершенно другом. Но они, анархисты, духом всегда с нами здесь! (Начались рукоплескания и возгласы: да здравствует анархизм! да здравствуют его выразители — наши друзья!..) — Не увлекайтесь, друзья, я перехожу к тому, что нам наиболее нужно. Нам нужно вооружиться, нам нужно вооружить все население, чтобы представить из себя мощную вооруженную силу революции, с которой мы должны вступить на путь строительства нового общества непосредственно самим, своим умом, трудом и волей.

По району, трудящиеся к этому строительству приготовились, они его начали еще с осени 1917 года, но ему грозит смерть от идущих против него черных сил реакции: власти большевиков и левых социал-революционеров с одной стороны, и с другой — украинской Центральной Рады, которая, я имею точные сведения, заключила союз с королями Австрии и Германии и при их помощи несет, под флагом спасения «Ненькі Украіны», смерть для Украины и всего лучшего, что украинские труженики села и города могли завоевать себе в революции. Вооружение всего населения, товарищи, мыслимо только в том случае, если население признает его необходимым. За прошлую неделю, я принял здесь в Комитете, а секретариат группы в своем бюро, много представителей из района от крестьян, которые все в один голос говорят о необходимости такого вооружения.

Но этого мало: мы должны непосредственно от крестьянских общих сходов услыхать на местах эту мысль и совместно с ними обсудить, чтобы провести ее в жизнь с хорошими результатами. Поэтому необходимо послать повсюду пропагандистов. Мы будем отрывать крестьян от приготовлений к весенним посевам, беря у них подводы. Чтобы не делать этого, нам нужно брать подводы извощиков. Им нужно платить. Нужны, стало быть, деньги. Деньги есть, но не у нас, а у наших врагов, здесь, в Гуляй-Поле, у хозяев землевладельцев и купцов, банк которых — вот слева, через один двор от Комитета. Хотя я должен вам, товарищи, сказать, что денег в его кассе здесь в Гуляй Поле нет. Все они — в государственном Казначействе, в г. Александровске. Но их можно оттуда получить. Необходимо утвердить это мое предложение.

Все время революции, Кредитный Банк в Гуляй Поле спекулировал и мародерствовал за счет труда. По праву, он должен бы быть давно экспроприирован и передан в общий фонд труда. Ни Коалиционное Правительство Керенского, ни большевистско-лево-эсеровское правительство этого сами до сих пор не сделали и мешают сделать это самому революционному народу. Поэтому, я предлагаю, чтобы Гуляйпольский Районный Револю-

ционный Комитет постановил не считаться с правительством большевиков и левых эсэров и потребовать от правления банка внести в Революционный Комитет на революционные цели в 24 часа двести пятьдесят (250) тысяч рублей».

Эта резолюция была принята без прений, единогласно.

На другой день я зашел в банк и об'яснился по этому постановлению с директорами. Они попросили Комитет продолжить срок взноса на три дня. Сами же собрали собрание всех вкладчиков и с ними сообща, при энергичном участии социал-демократа Збара, стоявшего за требование Комитета, подписали свои, пропорционально ими самими распределенные, чеки. А кто не явился на это банковское собрание, тому дирекция банка послала своего агента, вместе с членом Революционного Комитета, чтобы он подписал свой чек. В течение четырех дней чеки были собраны, а на пятый член Комитета с уполномоченным от банка поехал в Александровск и получил указанную сумму денег.

Так, на первые шаги революционного дела, дела, открывающего путь борьбы за расширение, углубление и творческое развитие великой русской революции, которая находилась все время под гнетом власти, даже революционной, какой в это время была власть большевистско - лево - эсеровского блока, революционный Гуляйпольский район трудящихся добыл себе денежные средства, нужные на литературу и раз'езды пропагандистов и организаторов труда против капитала и власти.

Часть этой суммы была передана в распоряжение Совета Кр. и Раб. Депутатов на общественные нужды. Вторая часть, по моей инициативе, была дана для открытия и поддержки детского приюта в бывшем доме пристава, с хорошим садиком для детей сирот, оставшихся за время войны без отцов и матерей. Третья же, большая, часть осталась в распоряжении Революционного Комитета. Половина этой суммы была передана во временное пользование продовольственной секции при Совете, которою, по поручению Совета, утвержденного сходом крестьян и рабочих, руководил член группы

анархо - коммунистов тов. Серегин и которая настолько развила свою работу по снабжению населения нужными предметами потребления, что власти из центра начали ей завидовать и через свои заграничные отряды начали мешать въ этом деле всему Гуляйпольскому району.

ГЛАВА X

КАК НАЛАЖИВАЛСЯ ТОВАРООБМЕН ДЕРЕВНИ С ГОРОДОМ И КАК БОРОЛИСЬ ЗА НЕГО

С самого начала организации крестьянства группа анархо - коммунистов настаивала на том, чтобы организация эта носила характер антивластнический. Поэтому тактика нашей группы должна была быть последовательной.

Сперва некоторые члены группы, искренние, преданно отдававшиеся делу анархизма, его старым традициями отрицания организации, сейчас уже изживающим себя, ее единства в действиях, ее способности оставаться всегда анархической и в то же время выявлять свое значение в жизни сейчас, далеко не при анархическом и даже не при подлинном социалистическом строе, говорю — сперва эти товарищи противились такой тактике часто говорили мне: «товарищ Нестор, ты видимо на каторге заразился тенденциями государственнических подходов к делу и мы боимся, что ты совсем по этому пути увлечешься и мы разойдемся». В особенности эту мысль резко и чаще всех высказывал мне тов. Мойсей Калиниченко, старый мой друг, член нашей группы с 1907 года, начитанный рабочий и идейно выдержанный.

Однако, все то, что мною предлагалось и принималось в группе и что членами ее, проводилось в работе среди крестьянства во весь 1917 год — имело успех, ибо крестьянство ни одной социально - политической группировке за этот период так не верило, так ни к одной не прислушивалось и не шло за ней, как за группой анар-

хо - коммунистов в Гуляй-Поле. Крестьянство прислушивалось к группе и шло за ней в земельном вопросе, в вопросе о безвластии в своей жизни и в борьбе за свою независимость от чьей бы то ни было опеки. Это явление указывало путь товарищам и определенно диктовало им не отрываться от массы, а раствориться в ней, оставаясь самим собой и верным своему идеалу; вместе с массой итти вперед, несмотря на все те препятствия, которые политиканами ставятся на этом пути и тормозят движение.

Члены нашей группы, благодаря всему этому, воспитывались на принципах коллективного единства в действиях и, самое главное, в практических, плодотворных действиях. Они приучились естественно друг в друга верить, взаимно понимать и искренно каждого в своей области ценить.

Это столь необходимое явление в жизни и в борьбе каждой группы и организации, а анархической в особенности, — помогало нашей группе справиться с теми тяжелыми изгибами жизни украинских тружеников за эти годы, которые так ярко вырисовывались, когда развелось так много государственных властей, засевших одни в Петрограде, другие в Курске, третьи в Киеве и т. д. и назойливо лезших на шею труженикам, чтобы обуздать их, чтобы повелевать и управлять ими.

В доверии друг к другу естественно рождался энтузиазм, в котором выявлялись воля и инициатива каждого члена группы. Группа направляла их на дело осуществления тех задач, которые она намечала. На этом пути заведующий продовольственной управой проявил максимум инициативы и группа ее, как могла, использовала. Пользуясь официальными правами продовольственного органа, она решила завязать непосредственно, от Гуляйпольского трудового района, связи с рабочими мануфактурных фабрик Москвы и других городов и наладить обмен. Рабочие должны доставлять населению Гуляйпольского района нужную мануфактуру, в указанном качестве, цветах и количестве, а район будет их снабжать хлебом и, по желанию рабочих, — с'естными припасами.

Тов. Серегин разослал по городам своих ходоков, сам бросался во все районы встречать рабочие делегации, раз'езжавшие по стране под контролем правительственных продовольственников и чекистов, чтобы найти и закупить себе хлеба. В течение двух недель он завязал связи с рабочими Прохоровских и Морозовских мануфактурных фабрик. Они товарищески условились на началах взаимного братского понимания своих трудовых нужд в жизни и борьбе за независимость, свободное трудовое общество снабжать взаимно, — крестьяне рабочих хлебом (в муке) и с'естными припасами, — рабочие крестьян — нужной мануфактурой.

Я помню, с какой радостью тов. Серегин приехал в Гуляй Поле и, не заезжая на свою квартиру, забежал ко мне в Революционный Комитет, с каким восторгом обнимал меня и, целуя, говорил: «Ты прав, Нестор, когда настаиваешь в группе, чтобы мы слились с трудовым населением и шли вместе с ним, раз'ясняя и советуя ему, что и каким путем, в какой момент нашего движения вперед, нужно делать. Все труженики стоят за это».

Потом он попросил вызвать секретаря группы — тов. Калашникова и председателя рабочей секции Совета — тов. Антонова. Он рассказал им, как горячо, с какой искренностью рабочая делегация московских мануфактурных фабрик приняла нашу идею товарообмена. Он рассказал, как рабочая делегация радовалась тому, что в деревне еще не умирает живая струя идеи свободного общества, во имя которого они, рабочие, так много отдают своих сил: но они чувствуют, что над осуществлением заветной мечты — быть свободными и независимыми в своей жизни от опеки власти — нависает карательный бич. Правда, — говорили рабочие, — мы не поддаемся этому, но чувства и думы об этом находят свое место и дают о себе знать с особой болью...

Он рассказал нам, что делегация радовалась всему: и встрече с крестьянами, и установленному соглашению помогать друг другу, но в то же время тревожилась тем, что все, что от нас будет направляться в город, продовольственные заградительные отряды правительства бу-

дут задерживать, а то и совсем конфисковывать.

Рабочая делегация указала ему пути, по каким направлять продукты, а через два или три дня два человека из нее приехали в Гуляй-Поле, чтобы услыхать на месте голос крестьян этого бунтарского района. Здесь они встретили братское гостеприимство и услыхали уверения в том, что мы все до последнего будем стоять за светлые заветы революции — за свободу и независимость труда от власти капитала и государства.

Через несколько дней эти два человека уехали из Гуляй Поля в Москву.

Тов. Серегин сделал доклад сходу - собранию крестьян, доклад, который по его просьбе, и по настоянию группы, мною был расширен и освещен, как красивейший в истории пример взаимного понимания двух трудовых классов: крестьян рабочими и рабочих крестьянами.

Крестьянский сход выразил этой идее особое свое сочувствие, не задумываясь над тем, что все, что крестьяне пошлют рабочим в обмен на мануфактуру, правительственные агенты в пути конфискуют. Крестьяне помогли продовольственной секции в течение нескольких дней собрать и нагрузить несколько вагонов для спешной отправки ее рабочим мануфактурных фабрик.

Группа Анархистов-Коммунистов выделила для сопровождения этих вагонов к месту назначения свой вооруженный отряд во главе с тов. Скомским. И мука, несмотря ни на какие умышленные задержки ее комендаттами по центральным пунктам узловых станций и городов, была доставлена на место назначения.

А через неделю или полторы, рабочие московских мануфактурных фабрик препровождали уже вагонами мануфактуру в Гуляй-Поле. Но по дороге заградительные отряды продовольственных правительственных органов ее задержали и направили в Александровск в продовольственную управу на том основании, что непосредственно, дескать, без разрешения центральной советской власти нельзя делать никаких товарообменов крестьян с рабочими. Для этого существует рабоче-крестьянская, да

еще и «Советская» власть, а она таких примеров, чтоб рабочие имели без нее свои, непосредственные связи и дела с крестьянами, еще не подавала... И при этом, конечно, неслась всевозможная брань по адресу трудящихся революционного Гуляйпольского района и работавшей в нем анархической группы.

Узнав об этом, тов. Серегин прибежал ко мне в Революционный Комитет советоваться, как быть? что предпринять, чтобы эту мануфактуру Александровский правительственный орган не присвоил себе? Ведь если он себе ее присвоит, — горячась говорил он мне, — то мы пострадаем здесь двояко: и материально (мукой) и морально — своим здоровым, общественным, в подлинном смысле, начинанием... Помогай!.. — кричал он на меня, сам хватаясь за голову и плача.

Как будто не спеша, но на самом деле быстро, созвали мы заседание Революционного Комитета и Совета Р. и Кр. Депутатов, на котором решили послать за подписью этих двух революционных единиц, протест в Александровскую продовольственную Управу против ее антиреволюционной деятельности, выразившейся в перехвате того, что ей не следует, и, заявив свою готовность об'явить ее, как правительственный орган, вредным даже для самого советского Правительства, если оно только действительно является советским. И в то же время мы созвали сход - собрание крестьян Гуляй-Поля. Я передал секретарю группы — тов. Калашникову, что от имени группы посылаю по району ее представителей, состоящих в то же время членами Революционного Комитета, товарищей — Мойсея Калиниченко, А. Марченко и П. Сокруту, с целью информировать трудовое население о перехвате мануфактуры, шедшей для него от рабочих мануфактурных фабрик Москвы, Александровской Правительственной Продовольственой Управой.

Секретарь группы, посоветовавшись с рядом товарищей, прибывших на сход - собрание крестьян, сообщил мне, что мои действия одобрены. Я набросал товарищам основную тему информирования населения (я хорошо знал каждого из них и знал, кто и как может передавать информацию).

Товарищи уехали по району, а я с председателем профсоюза тов. Антоновым, Серегиным, Коростылевым (председатель Совета) и другими членами группы, пошел на всеобщий сход - собрание крестьян и рабочих. — Это было собрание настоящей Запорожской Сечи, той, о которой мы теперь только читаем. Правда, оно не было таким невежественным, каким были запорожцы. Оно собралось разрешать вопрос не о «вірe» и «церкві» — нет, оно собралось решать вопрос о поругании своих прав какой-то кучкой нанятых правительственных чиновников: собралось оно совершенно сознательно.

Тов Серегин выступил и сказал свое слово, встреченное несмолкаемыми криками благодарности за его инициативу и протесты против действия Александровска по отношению к Гуляй-Полю.

После тов. Серегина выступил целый ряд товарищей, от Совета, Револ. Комитета, профсоюза и Группы Анархо - Коммунистов.

Население требовало немедленного похода на город, чтобы разогнать засевших там, ненужных, вредных для дела трудящихся, правителей. Требование крестьян не было пустой фразой: трудящиеся в это время имели в своем распоряжении выделенные из своей среды кадры революционной молодежи, вполне достаточные для того, чтобы с боем занять гор. Александровск и разогнать, если не перестрелять совсем, всех правительственных чиновников.

— Революция провозгласила принципы свободы, равенства и вольного труда, — говорили трудящиеся подневольной деревни Гуляйпольского района в это время, — и мы желаем видеть эти принципы в жизни, поэтому уб'ем всякого, кто попытается мешать нам. Правительство большевистско - лево-эсэровского блока, несмотря на свою революционность, оказывается тоже вредным явлением в творческом развитии революции... Мы готовим смерть и для него, или сами умрем в этой борьбе, но не потерпим над нашими правами на свободное совершенствование и развитие наших общественных отношений — того угнетения, которое правительством

намечается и которое его агенты стремятся воплотить в жизнь, чтобы восторжествовать и покорить революцию.

Да, трудовое население Гуляй Поля в этот же день готово было выступить против правителей г. Александровска. И кто бы из нас противился этому? Никто. Все, находившиеся в революционных рядах с первых дней революции, не отступили бы от этого по одному тому, что мы революционеры не по партийной карточке. Мы революционеры по той идее торжества справедливости, которая избрала революцию своим средством. Мы не могли допустить, чтобы идея трудящихся была загрязнена властническими комбинациями. Мы считали своим долгом очистить ее от грязи, которую на нее набросали господствовавшие в это время две властнические партии — большевиков и левых социалистов - революционеров. Мы стремились расширить, углубить и развить революцию в жизни и борьбе трудящихся. Пусть у нас не было на это великое и ответственное дело, достаточных сил. Но мы стремились к нему с теми силами, какими располагали, стремились, отдавая себе ясный отчет в том, каковы будут в действительности последствия наших стремлений. Поэтому у нас не было ни одного товарища, который бы говорил что-либо против похода на Александровск. Наоборот, — все к нему готовились.

Я лично был убежден, что мне и ряду моих друзей из группы, как Калиниченко, Марченко, Исидору (он же Петя), Лютому, С. Каретнику, Савве Махно, Степану Шепель, — придется стать первыми среди равных и руководить боевыми силами этого похода. И действительно так и складывалось дело. Из массы раздавались крики: «Нестор Иванович! скажи свое мнение, ведь в самом деле мы не можем оставить этого позорного дела, направленного против нас агентами правительства из Александровска».

Я, как революционный руководитель вооруженных сил района, знающий кому и чему эти силы должны служить, сказал, как и должен был сказать, что решение трудящихся в данном случае отражает собой их идею, а их идея не расходится с моей, — я ей служу. В это время

товарищу Серегину передали телеграмму из Александровской Продовольственной Правительственной Управы. Эта телеграмма гласила, что, заслушав телеграммы Гуляйпольского Революционного Комитета и Совета Раб. и Крест. Депутатов, Александровская Управа выяснила, что шедшая на Гуляйпольскую продовольственную управу при Совете — мануфактура Гуляйпольцами уже оплочена, и управа, с рядом уездных советских учреждений, решила направить ее в Гуляй Поле. Надо только прислать своих людей для принятия и препровождения ее по назначению.

Когда эта телеграмма была оглашена всеобщему гуляйпольскому сходу-собранию, она только обрадовала его, но не отвела его от мысли о походе и готовности к нему. Сход выразил свое пожелание, чтобъ тов. Н. Махно подготовил вооруженные силы так, чтобы в случае, если через два дня мануфактура не будет в Гуляй-Поле принята тов. Серегиным, эти силы в одни сутки могли быть собраны, чтоб занять г. Александровск.

— Сейчас у нас нет причины, — говорили крестьяне. Искусственно же создавать ее и тяжело и некрасиво. Но бороться против власти нужно, об этом мы все думаем, и додумаемся... —

Через сутки тов. Серегин сообщил в Революционный Комитет, что он получил от посланного им уполномоченного сведения о том, что конфискованная александровскими властями, шедшая от рабочих московских мануфактурных фабрик в Гуляй Поле, мануфактура, принята и уже прибыла на Гуляйпольскую станцию. Поэтому он созывает общий сход - собрание крестьян и рабочих, на котором он уполномочен просить крестьян помочь организовать перевозку этой мануфактуры в общий продовольственный склад, а также наметить дни и порядок раздачи мануфактуры среди населения, в той ее части, конечно, которая выпадает на долю Гуляй Поля. Тов. Серегин просил меня и других товарищей из Революционного Комитета и Группы Анархо - Коммунистов притти на этот всеобщий сход - собрание и помочь ему провести его в деловом порядке, чтоб не терять времени и выяснить положительные стороны товарообмена деревни с городом и начать этот товарообмен в более широком масштабе, а главное, распространить его на все отрасли потребления.

Всеобщее собрание крестьян и рабочих протекало под одним лозунгом, а именно: завязать товарообмен деревни с городом без посредника — политической государственной власти. Пример был на-лицо, что без посредника деревня лучше узнает город, а последний деревню. Это — залог для успешного об'единения двух классовых сил труда для единой цели — отнятия от государства всех функций социально - общественного строительства, в целях совершенного упразднения государства, со всеми его видами и формами власти.

По мере того, как эта великая идея развивалась среди тружеников в Гуляй Поле и на районе, по мере того, как они ее воспринимали и занимали революционно - боевые позиции против государства и всех вытекающих из него властнических начал, труженики Гуляйпольского района, стремились точнее уяснить и прочнее закрепить за собой право непосредственного товарообмена с городскими тружениками революционной страны. В этом усматривалось также начало полного разрушения капиталистических основ в революции, которые остались от царских времен.

Поэтому, когда полученная мануфактура была распределена, перед гуляйпольским обществом встала задача — снабдить весь район предметами необходимого потребления вообще. Это доказало бы, что революция позаботилась не только о разрушении основ буржуазно-капиталистического строя, но и о том, чтобы наметить правильные начала в построении нового общества, его равенственных оснований, на которых должно будет расти и развиваться свободное сознание трудящихся в их последующей жизни и борьбе за торжество «высшей справедливости» над несправедливостью, держась за корни которой люди друг друга эксплоатируют и угнетают.

Труженики Гуляй Поля сговорились с тружениками других сел и районов, чтобы провести в жизнь идею товарообмена деревни с городом и согласовать ее с существующим положением необходимой защиты революции. Защита же революции может быть прочной и устойчивой только в том случае, если ее созидательная сущность выявит свои начала удовлетворительно для всего, не эксплоатирующего чужого труда населения. А это может быть только тогда, когда население само. непосредственно у себя на местах почувствует, что оно, низвергнув власть над собою хозяина — частного фабриканта и землевладельца и хозяина - государства становится прямым и ответственным организатором своей новой социально - общественной жизни и ее защиты.

Следовательно, основное начало, прокладывающее широкий путь трудящимся к восприятию принципов революции и их развитию в практической борьбе, лежит в непосредственном сближении трудящихся села и города и в уяснении ими своей роли главным образом в созидательной области дела революции. Разрушительное ее дело в окончательной форме завершится в период созидания, в котором примут активное участие не одни передовые отряды Революции, а все население, охваченное ее пламенем и отозвавшееся на ее зов, стремясь и словом и делом помочь ей преодолеть все те преграды, какие будут встречаться на ее пути. На опыте 10-11 месячного своего активного участия в революции труженики Гуляйпольского района достаточно убедились в этом, поэтому они с ясной отчетливостью стремились развить эти принципы и провести их в реальную, по своему социальному существу, здоровую и свободную жизнь, которую они выковали в своей повседневной практической деятельности.

Этого здорового социального явления в жизни и в борьбе трудящихся вообще и трудящихся Гуляйпольского района в особенности, не могла не заметить власть большевистско - лево - эсэровского блока, во главе с Лениным. Она его заметила с первых же дней своего появления на сцене революционной жизни. И эта, так называемая, левая из левых социалистическая власть, вступила с ним в открытую борьбу. Сперва это делалось в связи деревни с городом, а затем власть взяла на себя роль определять степень революционности и законные права не только отдельного человека, но и целого трудового класса, права на выявление своего разума, своей воли, своего участия в деле революции, которое за счет его совершается.

Итак, мануфактура, пришедшая от городских фабричных рабочих к крестьянам, в обмен за их, трудом выработанные, продукты продовольствия, была распределена среди населения Гуляй Поля и района Гуляйпольским Кооперативом и Продовольственной Управой. Районный Совет совместно с продовольственным органом, сообща, пришли к тому, что надо расширить и углубить идею товарообмена деревни с городом без посредников — государственных агентов и их чиновников.

Были посланы уполномоченные в ряд городов для выяснения разных вопросов, касающихся практических сторон товарообмена, а также и за продуктами Тем временем население начало сбор пшеницы, муки и с'естных припасов в общий продовольственный склад, который бы всегда имел свой общий фонд для товарообменных общественных дел. Однако, на сей раз уполномоченные наши в большинстве своем возвратились из городов ни с чем. Власть большевистско-лево-эсэровского блока по всем фабрично - заводским предприятиям категорически воспретила пролетарским об'единениям иметь непосредственно какие бы то ни было организационные связи с деревней, Для этого существуют, дескать, пролетарские государственные организации: продорганы. Они и позаботятся об об'единении села с городом; они наладят по городам и деревням промышленность и сельское хозяйство и, такимъ образом, утвердят в стране социализм.

Лишь в Москве особо революционные рабочие мануфактурных фабрик добились от новых социалистических владык права опять сделать товарообмен с гуляйпольским районом. Но на этот раз отправка ими мануфактуры в деревню была слишком трудной: в пути ее маршрут тормозился на каждом шагу и, в конце концов,

самостоятельно, без посредничества государственных органов, мануфактура не дошла до Гуляй Поля. Ее государственные продорганы недели две - три возили с одной ветки железной дороги на другую. Но настало время, когда возить ее по железной дороге уже нельзя было, потому, что по направлению Киева и Одессы наступали грозные немецкие армии, под предводительством воинских разведывательных отрядов Украинской Центральной Рады, возглавлявшихся украинскими социалистами-революционерами, с их лидером проф. Грушевским, которые заключили с немецкими и австрийскими царями договор против большевистско-лево-эсэровского блока и теперь вели своих союзников по украинской земле, усердно указывая им своими отрядами сокращенные и удобные пути к Днепру, к фронту революции.

Агентам власти большевистско-лево-эсэровского блока оставалось: оставить эту мануфактуру где либо на линии железной дороги, косвенно отдав ее в распоряжение новым властям, идущим за штыком немецко - австрийских армий, или же направить ее по адресу, — и этим самым, хотя бы во время бегства, показать труженикам села и города, что они все таки заботятся о них, а не об идущих им на смену негодяях.

....

Мануфактура пришла в Гуляй Поле и опять, по указанию населения, была также распределена.

ГЛАВА XI.

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ НАШЕЙ ГРУППЫ

В средних числах февраля месяца в Гуляй Поле прибыли три матроса черноморского флота. Два из них — гуляйпольские крестьяне, третий — неизвестный. Отец его служил кучером у помещика Аб. Янцена. Он и поселился у своего отца. Все они об'являли себя левыми со-

циалистами - революционерами. Из них двое — Борис Веретельник (гуляйпольский крестьянин) и Е. Полонский (неизвестный) имели у себя партийные билеты от Севастопольского Комитета партии левых социалистов-революционеров. Третий — Шаровский (тоже гуляйпольский крестьянин).

Все они с первых же дней своего приезда в Гуляй Поле проявляли себя на всеобщем сельском сходе-собрании, как энергичные революционные работники. То был момент, когда матросы славились, как бесстрашные защитники революции. Население Гуляй Поля встретило их с уважением и не без интереса выслушивало их речи.

Тов. Борис Веретельник известен мне с детства. Поэтому, когда он представил мне своих двух товарищей-матросов—беспартийного Шаровского и левого соц.-революционера Полонского, они не вызвали никакого подозрения. Всех троих я представил Районному Революционному Комитету в Гуляй Поле, и они были утверждены как члены агитационного отдела при Комитете, с условием, что вся их агитационная работа в Гуляй Поле и на Районе будет проводиться под знаменем Революционного Комитета. Условие это было ими принято — и они остались работать в Гуляй Поле.

Севастопольский Комитет партии левых соц.-революционеров вызвал как-то Бориса Веретельника и Полонского в Севастополь, но я, по их просьбе и с ведома группы анархо-коммунистов, написал в Севастопольский Комитет партии левых соц.-революционеров, конечно, от имени Гуляйпольского Революционного Комитета, что они нужны на селе. И партия не беспокоила их больше.

В скором времени после этого тов. Борис Веретельник порвал связи с партией левых эсэров и вступил в Гуляйпольскую крестьянскую Группу Анархо - Коммунистов. Товарищ же Полонский об'явил себя лишь сочувствующим анархизму, но работал вместе с Борисом Веретельником и другими членами группы под ее общим

руководством, давая группе отчет за каждое свое выступление на районе и в самом Гуляй Поле, наравне со всеми остальными ее членами.

Правда, были моменты, когда брат Полонского, большевик, работавший в это время в Больше-Токматском Революционном Комитете, звал нашего Полонского в Б. Токмак, обещая ему место в президиуме Революционного Комитета, но наш Полонский всегда отказывался и не хотел переезжать из Гуляйпольского района в Больше-Токмакский, заявляя, что бунтовский дух Гуляй Поля приковал его к здешней революционной работе, что в нем он находит частично себя, и что это приносит большую для него радость.

Силы нашей группы росли. Революционная работа ширилась. Группа полностью отдавалась ей. И не было такого случая, чтобы группа не преодолевала на этом пути препятствий, мешавших ей овладевать психикой трудовых революционно - настроенных масс. Всегда группа была передовым борцом, увлекающим за собой трудящихся на борьбу против угнетателей. Группа являлась всегда примером для самодеятельности крестьян и рабочих. Она научила их активности и увидела ее проявление в практической борьбе этих тружеников.

ГЛАВА XII.

СЕЛЬСКО - ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОММУНЫ. ИХ ВНУТРЕННИЕ РАСПОРЯДКИ. ВРАГИ ЭТИХ КОММУН

Февраль-март месяц: момент распределения отобранного у помещиков еще с осени 17 года живого и мертвого инвентаря и выделения бывших помещичьих имений для поселения в них добровольцев, крестьян и рабочих, организовавшихся в сельско - хозяйственные коммуны. Этот момент решительных действий и в области строительства новой жизни, и в области защиты этого строительства сознается всеми трудящимися района.

Бывшие солдаты - фронтовики, под руководством революционного Комитета, занялись перевозкой и переводом в общий общественый фонд всего мертвого и живого инвентаря из помещичьих имений и богатых хуторов, оставляя их владельцам на каждого хозяина по две пары лошадей, по одной или по две коровы (смотря по количеству семьи), по одному буккеру, плугу, сеялке, косарке, веялке, а крестьяне вышли в поле закончить начатый осенью раздел земли. В это же самое время некоторые крестьяне и рабочие, организовавшиеся еще с осени в сельско - хозяйственные коммуны, оставляя села и деревни, со всеми своими семьями выезжали в бывшие помещичьи именья, не взирая на то, что революционно-боевые красногвардейские отряды большевистско-лево - эсэровского блока, по договору с австрийскими и немецкими царями уже очищали Украину, предоставляя ее, с ее малочисленными революционно - боевыми формированиями, самой себе в неравной борьбе с регулярными воинскими австрийскими и немецкими частями и поддерживавшими их отрядами Украинской Центральной Рады. Они поселялись там и, не теряя времени, приготовляли свои силы: частью на весенние работы в коммунах, частью в боевые отряды защиты революции и тех ее прямых завоеваний, которыми революционные труженики, хотя и не повсеместно, но во многих районах, шаг за шагом непосредственно овладевали и этим самым давали пример всей стране.

Сельскохозяйственные коммуны организованы были в большинсстве случаев крестьянами, в меньшинстве, — состав коммун был смешанный: крестьяне с рабочими. Организация их основывалась на равенстве и солидарности сочленов. Все члены этих коммун — мужчины и женщины — совершенно сознательно относились к делу, будь то в поле, или на дворовой работе. Кухни были общие, столовая также. Пожелание того или другого члена коммуны готовить себе и детям отдельно от общей кухни, или брать пищу из общей кухни, но есть ее в своей квартире, не встречало со стороны других членов коммуны никакого возражения.

Каждый член коммуны, или целая группа, могли устраиваться с пищей, как им казалось лучше, но они должны были об этом заявлять своей коммуне заранее, чтобы все члены ее знали об этом, так как это требовало известной переорганизации на общей коммунальной кухне и в кладовых. Практикою требовалось от членов коммуны также во время подыматься по утрам и управляться возле волов, лошадей и другой домовой худобы и с другими видами работ. Каждый член коммуны всегда мог отлучаться из коммуны, но должен был предупредить об этом своего товарища, близко стоявшего к его коммунальному делу, чтобы тот, за время его отсутствия, мог справляться с его работой. Это — во время работ. Во время же отдыха (днем отдыха считалось воскресенье) все члены коммуны чередовались в своих поездках на сторону.

Ведение хозяйства всей коммуны направлялось общими совещаниями всех членов ее. После этих совещаний каждый член, имевший свое определенное дело, знал какие произвести в нем изменения и пр.

Лишь школьное дело коммун еще не было точно определенно, потому что старого типа школу коммуны не желали восстанавливать. Из нового остановились на анархической школе Ф. Ферера (о которой часто доклады читала и о которой распространяла брошюры Группа Анархо - Коммунистов), но не имея подготовленных к ней людей, они старались через Группу Анархо - Коммунистов вызвать для постановки этого дела более сведующих товарищей из городов и, в крайнем случае, намечалось — первый год обойтись тем, чтобы пригласить в свои коммунальные школы к детям учителей, знающих лишь методы преподавания школьных предметов.

Таких сельско-хозяйственных коммун в семи-восьмиверстном расстоянии от самого Гуляй Поля было четыре. По району их было много. Но я останавливаюсь на этих четырех коммунах, так как организовывал их сам непосредственно. Все их лучшие здоровые начинания проводились на моих глазах. В серьезных случаях — после совещания с мной. Одной из них, пожалуй, самой большой, я уделял два дня в неделю своего физическо-

го труда: во время весенних посевов в поле за буккером или сеялкой, до посевов и по окончании последних — на домашних работах: на плантациях или возле механика электро - машины, и прочее. Остальные же четыре дня недели я работал в Гуляй Поле в группе анархо-коммунистов и в районном Революционном Комитете. Этого от меня требовали все члены группы и все коммуны. От них же тробовал момент революции, диктовавший им свои условия стягивания и группирования революционных сил против надвигавшейся с запада прямой контр-революции, в лице немецких и австро-венгерских монархических армий и Украинской Центральной Рады.

Во всех коммунах были и крестьяне анархисты, но в большинстве своем члены их были не анархисты. Однако, чувствовалось во всей их коммунальной жизни анархическая солидарность, которую могут выявлять в практической жизни только простые натуры тружеников, не вкусившие еще городского политического яда, от которого всегда несет затхлостью обмана и измены и которым дышат даже многие, называющиеся анархистами.

Каждая коммуна состояла из десятка крестьянских и рабочих семей, насчитывая по сто, двести и триста сочленов. Эти коммуны взяли себе по трудовой норме земли, т. е. столько, сколько они могут обрабатывать своим трудом. Живой и мертвый инвентарь они получили тот, который в усадьбе был, по постановлению районных с'ездов земельных комитетов.

И свободные труженики - коммунисты, под звуки свободных песен о радости, песен, отражающих собою дух революции, тех борцов, которые многие годы проповедывали ее и умерли или остались живы и непоколебимы в борьбе за ее «высшую справедливость», которая должна восторжествовать над несправедливостью, окрепнуть и стать путеводительницей жизни человека, — засевали поля, расчищали сады и огороды, веря в самих себя, в свое искреннее и чистое намерение впредь не допустить более поселиться на завоеванной земле тем, кто никогда на ней не трудился, но, по праву государства, владел ею и стремился снова завладеть.

Население сел и деревен, растилавшихся недалеко от этих коммун, в своей менее сознательной, еще не совсем освободившейся от лакейства перед кулаками, среде завидовало этим коммунарам, не раз высказывая желание отобрать у коммунаров весь живой и мертвый инвентарь, который достался им от бывших помещиков, и распределить его между собой. Пусть, дескать, свободные коммунары затем его купят у них... Но это поползновение абсолютным большинством тружеников на сходах-собраниях и на всех с'ездах резко осуждалось. Большинство трудового населения видело в организации сельско - хозяйственных коммун здоровое начинание новой социально - общественной жизни, которое, по мере того, как торжество революции подойдет к своему творческому созидательному завершению, должно будет разростись и дать толчок применению свободного коммунального образа жизни, если не по всей стране, то во всем районе, в селах и деревнях.

Свободный коммунистический строй населением района принимался за высшую форму общественной справедливости. Однако, переходить на него сейчас же население в массе не решалось, ссылаясь на наступление немецких и австрийских армий, на свою неорганизованность и беспомощность защитить этот строй от новых «революционных» и контр-революционных властей. Благодаря этому, трудовое население района ограничивалось в этой области дела подлинной революции лишь тем, что стремилось всячески поддержать в своей среде отдельных смельчаков, организовавшихся между собой и поселившихся в бывших помещичьих именьях, ведя свою личную и хозяйственную жизнь на свободных коммунистических началах.

Нашлась часть помещиков, кулаков - хуторян и немецких колонистов, которая поняла, что так или иначе, но остаться на долгие годы господами, владеющими тысячами десятин земли, эксплоатируя на ней чужой труд, им уже не удастся. Она сдалась сразу революции и занялась на общих основаниях, т. е. без батраков и без права сдавать землю в аренду, устройством своей общественной жизни.

Однако, в это время, когда всюду на освобожденной земле рождалась радость угнетенных, когда угнетенные и оскорбленные политическим, экономическим и социальным неравенством труженики начинали сознавать себя и свое рабство и стремилось полностью раз и навсегда освободиться от этого позора; когда, казалось, что освобождение это должно совершиться полностью, ибо массы тружеников становились уже прямыми выразителями этой задачи; когда идея свободы, равенства и солидарности среди людей начинала уже шаг за шагом входить в их жизнь и этим самым естественно убивать всякий зародыш нового рабства, — в это самое время, параллельно с развитием этой великой идеи, государственные глашатаи, большевики и левые социалисты - революционеры, при помощи политической мудрости Ленина, развивают еще с большим бешенством идею власти правительства Ленина над революцией, подчинение всего народа этой власти, как единственной носительнице вековых чаяний народа — свободы, равенства и вольного труда.

Желание властвовать над всем народом, над всеми его думами, над творимой народом Великой Русской Революцией, настолько одурманило этих социалистов-государственников, что они на время забыли и думать о своем коренном расхождении по вопросу «Брестского мира», с немецкими и австро-венгерскими монархами, к которому революционное население относилось враждебно, с чем с.-р.-ы считались. Этот коренной вопрос с его жестокими спорами они оставили на время в стороне. Теперь перед ними во весь рост встал другой вопрос: каким образом остаться в глазах революционных трудовых масс передовыми застрельщиками и руководителями революции и в то же время исказить самую сущность идеи социальной революции так, чтобы не провалиться на пути осуществления своих стремлений вывести революцию из ее самостоятельного, широкого творческого русла и подчинить всецело государственническим доктринам, вытекающим из постановлений и директив Ц-К и правительства?

Совершенно ясно, что при таком понимании революции и ее прямых задач, какое стремились внести и внесли в Великую Русскую Революцию большевики и левые социалисты - революционеры, с ними не могла ужиться самостоятельная, без санкций какого бы то ни было правительства, организация на завоеванной земле свободных крестьянских сельско - хозяйственных коммун, артелей, а также и прямой самостоятельный захват рабочими в свое ведение фабрик, заводов, типографий и другого рода общественных предприятий.

В прямых действиях народа в Великой Русской Революции отражалась идея анархического права на свою жизнь. Это — то, чего левые социалисты - государственники больше всего пугались: ибо на этом пути трудящиеся деревни и города группировали свои силы и определяли путь своего анархического наступления против самой идеи государства, чтобы отнять у последнего главнейшие его функции и передать их своим местным хозяйственным и общественным самоуправлениям.

В этом прямо революционном акте намечался смелый и, хотя организационно полностью не определившийся, но по характеру устойчивый путь трудящихся к самоосвобождению.

Поступи трудящимся на этом пути надлежащая организованная помощь со стороны революционных анархистов, они нашли бы полное коммунальное оформление и стянули бы к себе все прямые действенные силы революции. Этим самим был бы положен конец безответственной разнузданности зазнавшихся перед массой тружеников новых социалистических правителей, во главе с Лениным, Устиновым и компанией. И гнусный террор большевиков по отношению к человеку вообще и в особенности к человеку, имеющему свои убеждения и независимо от большевистского ума-разума суждение о них самих и об их «пролетарском», что называется, государстве, не существовал бы в России, на Украине и в других большевистских республиках.

Увы, мы революционные анархисты были всегда бессильны в ходе революции охватить полностью всеобщие народные революционные акты, понять их размах

и также полностью помочь ему широко и творчески развернуться на своем пути. Мы остаемся такими же беспомощными сделать это и теперь. И все только потому, что мы даже в дни активных практических действий революции, не имели своих мало-мальски прочных организаций.

Наоборот, левые социалисты - государственники, если не полностью охватили эти прямые народно-революционные акты, то во всяком случае скоро поняли их и учли, что, с точки зрения их идеологии, содействовать прямым народным актам нельзя, ибо они похоронят их идеологию власти и заставят их самих снизойти с тех государственных вершин, на которые эти новые господа забрались по спинам прямых носителей могучего практического дела революции Левые государственники-большевики и левые соц.-революционеры — поспешили действовать против этих прямых народно - революционных актов. Т. е. они не только позволили правительству Ленина обуздать революционных тружеников села и города декретами-сверху, но прямым образом содействовали этому, и этим самым дезорганизовали тружеников, в их первичном здоровом группировании своих революционных сил у себя на местах. Они внесли застой в разрушительный процесс революции, помешали ему достигнуть своего законченного выявления, в котором и через которое созидательный процесс находит свое оформление и приобретает здоровую организованную силу, в противовес всему старому, гнилому, которое для здоровой жизни человеческого общества не нужно, но которое во время всеобщих психологических сдвигов в народе всегда и под всевозможными наспех и поверхностно обновленными видами и формами выползает в жизнь нарождающегося нового свободного общества. Они, эти левые социалисты - государственники, воспользовавшись доверчивостью младенца в делах организации революции русского, украинского и других народов, злоупотребили этой доверчивостью. Они своей идеей социалистической пролетарской государственности сбили народ с пути углубления и расширения революции, внесли разложение в его нарождавшееся новое свобод-

ное, трудовое общество, исказили этим его еще не выявившееся для всех, социальные и индивидуальные потребности, и этим самым растянули процесс этого выявления. Это, ни что-либо другое, а только это, породило усталость и безразличие у сторонниковъ самоосвобождения. Враги же пришли в себя, спешно организовались и стали действовать, сообразуясь с соотношением сил революции и контр-революции.

Новым революционным правителям такие моменты в большинстве случаев на руку, ибо только в такие моменты им легко удается покорить революционных тружеников, — этот прямой и преданный авангард революции, чтобы вывести его из самостоятельного от них, широко и творчески разростающегося фронта революции. Украинские революционные труженики были выведены из этого фронта именно при таких обстоятельствах.

Этому в значительной степени содействовала политика «Брестского договора» с германским и австро-венгерским монархами. Следует отметить, что против договора левые социалисты серьезнейшим образом протестовали. Но, будучи союзниками большевиков в деле обмана и порабощения трудящихся, во имя властвования над ними в их прямом деле — революции, они ограничились одним протестом.

После заключения этого договора, все скомплектованные из русских рабочих и крестьян, вооруженные силы революции, — оттягивались «советским» правительством, находившимися на поводу у большевиков и левых социалистов-революционеров, оттягивались в Россию с самым незначительным сопротивлением конто-революционным германским и австро-венгерским монархическим армиям и отрядам украинской Центральной Рады.

Украинские же революционные труженики, в большинстве своем, оставлялись на растерзание шедшим с Запада палачам революции совершенно без оружия: революционное командование вывозило его из Украины или сдавало немецким армиям при бегстве. Правда, очищение Украины от революционных сил большевиков и

левых социалистов-революционеров длилось месяцами. За это время, самостоятельные командиры этих частей, командиры, еще не успевшие вкусить яда власти своих партий, стремились вооружать украинское трудовое революционное население. Но все это делалось не своевременно, на ходу отступления, и поэтому не все оружие могло быть использовано революционным населением против наступавшей вооруженной контр-революции. Отступление красногвардейских отрядов было в это время уже поголовным бегством. Так что, оставленная ими революционная территория с революционным населением в большинстве случаев в тот же день занималась силами контр-революции, и это не давало никакой возможности населению организоваться в могущественные революционно - боевые отряды против этих сил.

ГЛАВА XIII.

УСПЕХИ НЕМЕЦКО - АВСТРИЙСКИХ АРМИЙ И УКРАИН. ЦЕНТР. РАДЫ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ. АГЕНТЫ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ НА МЕСТАХ И БОРЬБА С НИМИ

В марте 1918 года город Киев и большая часть правобережной Украины были заняты экспедиционными монархическими немецкими и австро-венгерскими армиями. По договору с Украинской Центр. Радой, которая возглавлялась украинскими «социалистами» под председательством престарелого украинского социалиста - революционера проф. Грушевского, эти армии вступили на революционную украинскую территорию и повели свое гнусное наступление против революции. При прямом содействии, как самой Украинской Центральной Рады, так и ее агентов, немецко - австрийско - венгерское монархическое командование установило по всей Украине свою шпионскую сеть против революции. Немецко - австрийско-венгерские экспедиционные армии и отряды Украинской Центральной Рады были еще на пра-

вой стороне Днепра, как уже вся левобережная часть Украины кишела многочисленными их агентами, шпионами и провокаторами.

Трудящиеся Гуляйпольского района и самого Гуляй Поля не знали в этот период того дня, в который не было бы митинга, где бы их не провоцировали в деле революции на пользу контр-революции. Наводнение шпионами и провокаторами самой революционной части Украины, какой являлась ее левобережная часть, естественно об'единило Гуляйпольских украинских шовинистов в организацию «революционного» характера, под знаменем социалистов - революционеров. Во главе этой организации стояли агроном Дмитренко, П. Семенюта (Рябко), А. Волох, Волков и Приходько. Четыре последних — прапорщики. Большинство из них крупные собственники землевладельцы. Волков — владелец мануфактурного магазинчика.

Землевладельцы - прапорщики давно искоса и злобно посматривали на дело революции, урезавшее хозяйства их и отцов их, в земельном отношении, в пользу общества. И они, заявляя себя революционерами, вступают под этим именем в борьбу против действий Революционного Комитета, Совета и Земельного Комитета. Когда же они убеждаются, что идейным вдохновителем этих революционных единиц, как и инициатором по разрешению земельного и социально-политических вопросов во всем районе является Гуляйпольская Крестьянская Группа Анархистов, они пытаются сперва за кулисами, а потом открыто об'явить анархистов вообще, и Гуляйпольскую Группу в частности «грабителями», не считающимися «ни с законами революции, ни с их пределами в действиях».

Для подкрепления своих инсинуаций, эти «революционеры» указывают на другие области и районы, где анархисты не влились в ряды широких масс и где все население не бралось за разрешение земельного вопроса без Временного Правительства, вплоть до торжества над последним нового правительства — «Правительства грабителей большевиков»! — выкрикивали эти «революционеры», — А у нас в Гуляй-Поле и прилегающих к нему

других районах, этот вопрос разрешался въ разбойническом порядке еще в 17 году. И все благодаря анархистам... —

Такие обвинения против анархистов — людьми, прикрывающимися флагом социализма, умаляли только их самих и их идеи.

Гуляйпольские крестьяне имели организационные связи с анархистами на протяжении 11 лет своей и их подпольной жизни, около года видели их уже открыто в авангарде революции и были убеждены, что всегда останутся с ними на этом пути. И крестьяне, в своей трудовой революционной массе, освистывали этих новоиспеченных «революционеров», незаслуженно лягавших анархистов своим сравнением их с ворами и грабителями.

Сами анархисты лишь указывали своим врагам на пройденный ими, вместе с трудящимися, путь в революции за истекшие месяцы, на проделанную на этом пути общую работу, и на работу, какою многие из крестьян и рабочих анархистов в это время занимались, вместе с тружениками не анархистами, в сельско - хозяйственных коммунах, организованных в бывших помещичьих имениях...

А труженики деревни, видевшие правду на стороне анархистов в их толковании сущности революции и вытекавших из нее прав труда на свое освобождение от всяких оков рабства, в это время сами продолжали развивать дело революции, вопреки всем козням его врагов.

Свобода и равенство мнений и независимость всех и каждого в Гуляй-Поле и на районе в это время дали свои плоды: трудящиеся стали сознавать свое достоинство, свое место в жизни и борьбе против своих угнетателей как справа, так и слева... Этот здоровый подход трудящихся к делу утверждения своих прав на свободу и независимость беспокоил государственников. Последние, боясь похоронить свои насильнические идеи на этом пути, действовали против трудящихся, не брезгая при этом никакими средствами.

В то время, когда Гуляйпольская украинская организация шовинистов - «революционеров» затевала свое нечистое дело против анархистов, — победоносное шествие немецких и австро - венгерских контр - революционных армий с разведывательными, такими же контрреволюционными отрядами Украинской Центральной Рады впереди, топтали уже на всем правом берегу Днепра Украинскую революцию, обезоруженную Брестским договором партию большевиков с мнимыми хозяевами этих армий — Вильгельмом немецким и Карлом австрийским. Не знаю, сознавали ли это гнусное дело, учиненное ими над революцией, лидеры украинских социалистов-шовинистов, входивших в договорный союз с иностранными монархами против народной революции. Их воспитанники на этом пути, рядовые шовинисты, этого не сознавали, ибо хватались за этот позорный союз, за вытекавшую из него помощь вооруженных экспедиционных армий, как за единственный способ освобождения от революции Украины и восстановления в ней своего царства помещиков.

С прославлением того, что немецко - австро - венгерские контр - революционные армии, с такими же контр - революционными отрядами Укр. Центр. Рады, идут, рвут и топчут все живые силы революции, выступали гуляйпольские социалисты - «революционеры» — шовинисты на каждом митинге. А то, что революционные труженики их за это гнусное дело не преследовали, считая, что свобода слова, как и свобода убеждений, есть неот'емлемое право каждого человека, — ободрило этих социалистов - «революционеров». И они созвали самостоятельно всеобщий сход - собрание Гуляйпольских тружеников. Выступление социалистов - шовинистов на этом сходе-собрании обещало быть особенно интересным и сильным. Его организаторы темой своего выступления намечали выяснение вопроса: **кто из** Гуляйпольских тружеников — за Центральную Раду (а следовательно и за немецко - австро - венгерское юнкерство, ведшую шестисоттысячную армию против революции) и кто против нее? И если против, то под каким флагом? Все выступавшие ораторы изощрялись **в своих** речах до пошлости. Никаких границ для лжи во имя «Неньки Украины» с ее независимой государственностью, тюрьмами и тюремщиками с палачами. — Все: революция, свобода, все труженики села и города, бросившиеся навстречу революции и, подхватив ее лучшие цели, развивавшие ее, — должно умереть. — В противном случае, — говорили ораторы, социалисты - шовинисты, — мы с нашими братьями союзниками (имея в виду Вильгельма II, немецкого и Карла австро-венгерского с армиями) умертвим все это силой.

Кто не сопротивляется могущественным армиям наших союзников, тех немецкое командование при содействии Центральной Рады... снабжает сахаром, мануфактурой, обувью, которые в тысячах поездов идут вслед за ними. Был период ужасного голода в этих предметах , — говорили труженикам ораторы «социалисты».

— Но кто сопротивляется, тем нет пощады! Села и целые города уничтожаются огнем, население их забирается в плен и десятый по счету расстреливается, а остальные... остальные понесут тяжелую кару за свою «зраду» (измену), от своих же «братив-украинцив»...

Услышав эти заявления, я внес предложение о том, чтобы все митинговые ораторы со стороны организаторов митинга, придерживались в своих речах справедливых данных. Затем я обратился к гражданам с кратким словом пояснения положений, высказанных ораторами, сторонниками позорного союза Украинской Центральной Рады с монархами и сделал выводы из того, что говорилось этими ораторами и их оппонентами. И митинг окончился не в пользу его организаторов и всего того, что они выдвигали и защищали перед присутствовавшими на нем массами тружеников. Абсолютно подавляющим большинством голосов была вынесена резолюция, призывающая всех трудящихся к активной, вооруженной борьбе против Центральной Рады и ведомых ею немецко - австро - венгерских контр - революционных армий.

Резолюция не удовлетворила организаторов митинга. Они упросили собрание проголосовать: под каким знаменем может быть проведена эта активная вооружен-

ная борьба против Украинской Центральной Рады и ее союзников «братски протянувших ей свою руку в деле спасения Украины»?

Собрание исполнило их просьбу, проголосовало... и в результате разделилось на три группы, одна из коих перешла на сторону организаторов митинга, следовательно, и Центральной Рады. Другая приняла сторону левого эсэра Миргородского. Третья осталась вокруг гуляйпольской крестьянской Группы Анархо - Коммунистов.

При попытке сделать учет численности каждой группировки, группа перешедшая на сторону левого эсэра Миргородского, слилась со сторонниками организаторов митинга, вместе со своим «временным» лидером. Трудно было понять роль левого эсэра Миргородского в данном случае. Попытались его запросить о его поведении, но он не нашел удовлетворительного для нас ответа и сознался в ошибке своего иезуитского маневра, лишь тогда, когда митинг кончился.

Однако, и при об'единении двух групп, сторонники Украинской Центральной Рады оказались в абсолютном меньшинстве. Резолюция, вынесенная гражданами, присутствовавшими на митинге, при первом запросе их мнения была утверждена и пополнена еще более резкими порицаниями Рады и шедших с нею немецких армий.

Тогда лидер украинской шовинистической организации, называвшейся организацией социалистов - революционеров, — прапорщик Павел Семенюта - Рябко, взобрался на трибуну и воинственно поднятым голосом заявил трудящимся: «Ну, ничего! Придет время, вы раскаетесь. Но не всем будет прощено, в особенности анархистам. Недалек тот час, когда наша армия вступит в Гуляй-Поле: тогда мы поговорим с вами. Помните, что наши союзники-немцы сильны! Они помогут нам восстановить порядок в стране и анархистов вы не увидите больше возле себя».

Эти истерические выкрики и угрозы возмутили всех тружеников, но анархисты - крестьяне Гуляй-Поля поспешили выступить с заявлением, что этот вызов прапорщика Семенюты принимают. Но мы просим, — сказал один из анархистов, — чтобы прапорщик Семенюта - Рябко пояснил эти надежды на то, что немцы помогут Украинской Центральной Раде провести в жизнь страны свои законы и восстановить порядок, при котором анархистам суждено будет быть в тюрьме. — Там будете проповедывать свои идеи! — воскликнул увлекшийся прапорщик.

В рядах слушавших его речь раздались голоса: — Гоните его с трибуны! Бейте его!..

Анархисты опять уполномочили одного из своих товарищей заявить всем присутствовавшим на митинге, что для них совершенно ясной стала теперь надежда украинской шовинистической организации на приход контр-революционных немецких армий сюда, в Гуляй - Поле. С помощью этой грубой силы, украинская шовинистическая организация задается целью «помститься» (отомстить) над революцией.

— Не над революцией, а над большевиками и анархистами! — раздался голос со стороны группы украинских шовинистов «социал - революционеров», окружавшей своего лидера, прапорщика Семенюту - Рябко.

— Ну так знайте же, господа шовинисты, мы, анархисты будем реагировать на ваш гнусный вызов, — заявил секретарь группы анархистов.

И митинг окончился. Труженики Гуляй-Поля, оскорбленные угрозами прапорщика Семенюты - Рябко, расходились по домам. А сторонники прапорщика Семенюты - Рябко шли вокруг него и ехидно, под смех самого «лидера», выкрикивали по адресу расходившихся тружеников: — «Вы идите по домам, а мы подождем реагирования со стороны анархистов»...

Через три-четыре часа после того, как митинг был закрыт, Гуляйпольский Революционный Комитет получил через меня от группы анархистов официальный запрос: — Как Революционный Комитет, организация революционного единства и солидарности в деле защиты революции — смотрит на брошенную украинской шовинистической организацией угрозу анархистам? Думает ли комитет разобраться в этой угрозе, или нет?

В этот же день запрос группы Комитет обсудил и ответил группе, что он не придает никакого политического значения угрозам «лидера» украинских «шовинистов - социалистов», прапорщика Семенюты - Рябко, по адресу анархистов. Организация шовинистов по существу не революционная, и кроме пустой и безответственной болтовни, ничем другим делу революции угрожать не может.

Однако, Группа Анархо - Коммунистов не согласилась с таким отношением ко всему этому Революционного Комитета и заявила вторично, в своем оффициальном обращении к нему, что считает недопустимым, чтобы в революционном органе единства и солидарности находили себе место взгляды, не соответствующие принципам революционной солидарности. И настаивала на том, чтобы Революционный Комитет выпустил листовку к населению района, которая бы в корне осудила контр-революционную организацию украинских шовинистов — социалистов вообще и угрозы ее по адресу анархистов и анархической идеи — в частности. Группа заявила, что, в противном случае, она принуждена будет отозвать своих членов из Революционного Комитета и впредь ничем его поддерживать не будет.

Я помню, некоторые члены Революционного Комитета запросили меня: — солидаризируюсь ли я с требованием группы и подчинюсь ли я постановлению группы об отозвании ее членов из Рев. Комитета, если таковое состоится?

Когда я ответил, что требование группы справедливо и если такое постановление группы последует, то я, не смотря на то, что я вхожу в Революционный Комитет не от группы, а от Совета, — я ему всецело подчинюсь, выйду сам из Комитета и буду работать для успешного проведения его в жизнь по отношению других членов группы, — все члены Рев. Комитета без всяких прений единогласно постановили обсудить вторично оба заявления группы и вызвать лидеров организации украинских шовинистов, чтобы уладить разроставшийся между ними и анархистами конфликт.

Но уже было поздно...

Гуляйпольская крестьянская группа анархистов - коммунистов довела до сведения Революционного Комитета о том, что она об'являет террор против всех, кто осмеливается сейчас, или готовится в будущем, после победы контр - революции над революцией, преследовать анархическую идею и ее безыменных носителей. Первым шагом к этому — группа считает убийство прапорщика Семенюты - Рябко, который был в момент этого второго группового заявления в Комитете и в виду не получения своевременного от него ответа, был убит членами группы. Весть об этом убийстве вызвала тревогу в Революционном Комитет. Каждый член Комитета ходил, ничего не делая и ни с кем не говоря, словно пришибленный. Представители же группы спокойно взялись за работу.

На другой день, к 10 часам утра, в Революционный Комитет пришла делегация от организации украинских шовинистов и советовалась со мной, прося, чтобы я вмешался в дело конфликта между организацией украинцев (они не называли себя шовинистами) и группой анархистов.

Когда я заговорил на эту тему с членами Революционного Комитета, они все категорически отказались от разбора этого дела, заявив, что «лидер» украинской шовинистической организации — прапорщик Семенюта - Рябко, будучи обольщен победами контр-революционных немецко - анстрийских армий над революцией, потерял голову и это помешало ему понять, что революция еще не совсем побеждена и не прощает своим врагам, которые готовят для нее могилу. Угроза анархистам приходом немецких контр - революционных армий и тюрьмою была со стороны лидера украинской шовинистической организации вопиющим актом несправедливости по отношению к революции, которую поддерживает почти весь народ. Убийство выразителя этой угрозы, вдохновителя контр-революции, несомой на штыках немецко - австро - венгерских монархических армий и банд украинской Центральной Рады, — есть акт защиты революции. Только совершен он с опозданием: анархисты

должны были убить вдохновителя этой контр - революции в момент, когда он им угрожал, что при приходе его братьев - союзников, немцев, анархистам не будет свободы, что он посчитается с ними и т. д. И потому, что лидер украинской шовинистической организации был по существу прямой враг революции, мы считаем, заявили члены Рев. Комитета, не допустимым вмешиваться в это дело и вносить его в протоколы Революционного Комитета. С ведома и от имени своей организации прапорщик Семенюта - Рябко бросил гнусный вызов анархистам, его-же организация должна разобраться в этом деле, поспешить взять свой вызов назад и показать в точных выражениях свою социально - политическую позицию в отношении революции. Тогда она получит место в Революционном Комитете и избежит в дальнейшем подобных конфликтов».

Делегация ушла, таким образом, из Революционного Комитета к своим товарищам с порицанием, направленным против всей их шовинистической организации.

Должен отметить, что я лично не был с этим согласен, но в присутствии делегации не мог говорить ничего против. Лишь по уходе делегации я сделал маленький доклад членам Рев. Комитета, в котором еще раз подчеркнул, что я представляю себе наш Гуляйпольский Революционный Комитет не иначе, как органом революционного единства и солидарности на пути революции, а как таковой, революционный Комитет, по моему мог вступить в переговоры с организациями, которые обращаются к нему за посредничеством, чтобы выяснить промахи своих представителей, из-за которых создаются такие конфликты, какой создала украниская шовинистическая организация, поплатившись за это жизнью своего лидера.

Еще во время первого запроса группы — как смотрит Рев. Комитет на брошенный анархистам вызов, — я бы добавил — вызов всем революционным труженикам, — я говорил, что нужно вмешаться в это дело, мотивировал это тем, что, если Комитет откажется вмешиваться в конфликт, то он незаметно забудется обоими сторонами, точно его и не было. Я говорю теперь, что,

если бы Революционный Комитет своевременно полностью поддержал мое желание защитить революционное достоинство группы, членом которой я являюсь, а также Революционного Комитета, с которым группа всегда поддерживает идейную связь в деле развития и защиты революции, то возможно, что группа не убила бы агента контр - революции, несомой немецкими царскими армиями и Укр. Цент. Радой. Правда, об этом говорить уже поздно, но не поздно действовать, чтобы предотвратить убийства, которые могут последовать со стороны шовинистов и которые, — я должен открыто заявить здесь, вызовут массовый террор против всех, сознательно или по своей глупости ставших агентами черного дела Украинской Центральной Рады и ее союзников — немцев.

На этом же заседании Революционный Комитет выделил трех своих членов: Мойсея Калиниченко, Павла Сокруту и меня, чтобы образовать с шовинистами и нашей группой совместную комиссию и выяснить все, что необходимо сделать для предупреждения дальнейших, с чьей бы то ни было стороны, убийств.

Комиссия вызвала «голову» (председателя) «Просвиты», убежденного соц.-революционера, некоего Дмитренко. Из группы пришел секретарь ее — тов. Калашников.

Из обмена мнений людей, вошедших в эту комиссию, выяснилось, что украинская организация категорически отказывается от вызова, брошенного анархистам прапорщиком Семенютой - Рябко. Представитель от украинской организации Дмитренко — заявил, что вызов, брошенный Семенютой - Рябко надо отнести к его воинственному пылу и боли за свой народ. Украинская организация в Гуляй-Поле осуждает этот вызов, как противоречащий ее идеям.

Однако, заявление Дмитренко было неискренно: оно было не более, ни менее, как политический маневр со стороны украинской шовинистической организации в целом. Мы это видели. И секретарь группы тов. Калашников сказал ему в ответе, что мы высказанную угрозу

понимаем, как желание всей шовинистической организации посчитаться с анархистами за их упорную борьбу против нашествия на освобожденную революционную территорию контр-революционных немецко-австро-венгерских монархических армий и таких же контр-революционных отрядов Центральной Рады. Группа анархистов сочла своим долгом убить вдохновителя этих гнусных затей против анархистов и их идей. Она его убила и готова и в будущем убивать таких негодяев...

После этого я пошел на заседание группы, где выступил за отмену об'явленного террора и выслушал ряд укоров за это. Многие товарищи усматривали в моем выступлении защиту активных агентов контр-революции и, не стесняясь, высмеивали меня. Их дерзость меня злила, а самостоятельность радовала, и сильнее давала мне чувствовать, что моя работа с молодыми членами группы даром не пропадает.

Но приведенные мною доводы за и против террора, в конце концов были группой приняты за основу пересмотра об'явленного ею террора, и в результате ряда заседаний и деловых товарищеских споров, группа отменила свое предыдущее постановление о терроре и зафиксировала в своем протоколе, что, пока враги революции только кричат против нее и оружия в руки не берут, намеченные против них террористические акты — отменить.

Молодые члены группы долго не хотели понять отмены этих актов. И не раз бросали в мою сторону, что «товарищ Махно хочет явных контр-революционеров переубедить, чтобы они стали революционерами. Этим тов. Махно может нанести тяжелый удар единству группы» и т. д...

Однако, момент был такой, что считаться с тем, что кто-либо выйдет из группы, ни в коем случае нельзя было. То был момент, когда контр-революция, несомая на штыках немецких армий, уже определенно брала перевес над разрозненными защитниками революции — красногвардейскими отрядами. Следовательно, для такого района, как Гуляйпольский, который мог бы выставить большие силы для защиты революции, работа

должна была вестись в другом направлении. В Гуляй-Поле нужно было еще сильнее и выпуклее утверждать междупартийный миръ, равенство и свободу революционныхъ мнений, потому что Гуляй Поле в данный момент являлось базой формирования духовных и вооруженных сил защиты революции.

Наивные выкрики моих юных друзей по моему адресу меня поэтому не занимали. Передо мной встал во весь рост вопрос об организации вольных батальонов против Центральной Рады и ее союзников шестисоттысячной немецкой и австро-венгерской армии.

Я чувствовал большое упущение Революционного Комитета в этой области его работы и настаивал, чтобы все отряды, какие имелись в его распоряжении в Гуляй Поле и на районе были названы определенно вольными батальонами и пополнялись бы количественно до полуторы тысячи бойцов.

Наша крестьянская Группа Анархистов-Коммунистов, по моему мнению, должна была итти первой и в этой области революционной работы. В противном случае ей суждено было бы плестись в хвосте живого дела революции. Она оторвалась бы от тружеников подневольной деревни и была бы осуждена, на манер сотен наших групп в стране, не иметь с идеологической стороны никакого значения для широкой массы тружеников, веривших в революцию, но во время и самостоятельно не успевших правильно определить ее существо и защитить его от искажения социально - политическими вождями.

Группа учла это обстоятельство и выявила себя на пути организации вооруженных сил защиты революции с особым достоинством передового борца. В то время, когда многие наши группы по городам и селам других районов спорили между собой о том, анархично ли будет анархическим группам создавать военно-революционные боевые единицы, не лучше ли будет, если группы будут стоять в стороне от такой работы, не мешая лишь своим членам, одиночкам, в индивидуальном порядке браться за эту полуанархическую работу. Гуляйпольская крестьянская группа выдвинула лозунг: «Револю-

ционные труженики, создавайте вольные батальоны для защиты революции! Социалисты - государственники изменили революции на Украине и ведут против нее силы черной реакции других стран!»

Чтобы сломить натиск этой реакции, нужна мощная организованная сила революционных тружеников. Через вольные батальоны революционные труженики приобретут эту силу и разобьют козни своих врагов справа и слѣва!

Этот лозунг группы Революционный Комитет и все Советы по району подхватили, и всюду пропагандировали его цель.

Правда, были люди, из стана наших украинских шовинистов, в особенности, которые выступали против этого лозунга. Но теперь споры носили идейный характер. Во всяком случае, теперь этот спор не опирался на штыки немецких и австро-венгерских контр-революционных армий и не носил угрожающего характера расправы с противниками преступной политики Украинской Центральной Рады. Теперь как будто и шовинисты сознавали, что политика Укр. Центр. Рады была направлена против украинского трудового люда и тех его прямых завоеваний, которые становились все яснее и определеннее на пути развития революции и к которым трудовой люд шел, преодолевая величайшие преграды со стороны своих врагов: справа— буржуазии, слева — социалистов-государственников, стремившихся использовать момент, чтобы дать ложное толкование целямъ революции и, таким образом, подчинить ее государству.

Момент самый тяжелый. Казалось, что все мы: члены группы, а вокруг группы рабочие организации и революционные крестьяне — все сознаем эту тяжесть момента. Однако, в Совете Профессионального Союза металлистов и деревообделочников поднялся скандал: — требование от группы и от Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов отозвать посланного ими в Губернский Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов — тов. Льва Шнейдера.

Требование это со стороны Совета профсоюза было вызвано тем, что тов. Лев Шнейдер не выполняет возложенных на него обязанностей. Благодаря этому Гуляйпольские заводы и мельницы, также кузницы и кустарные слесарно - механические мастерские, не получают совсем, или, если получают, то с большим опозданием железо, чугун, уголь и прочие материалы. Слыша такие нарекания на своего ответственного члена, группа, по соглашению с Советом Крестьянских и Рабочих Депутатов вызвала Льва Шнейдера в Гуляй Поле для выяснения причин, из-за которых он не справляется с делом.

Тов. Лев Шнейдер за это время успел заразиться разгильдяйством и безответственностью крайних элементов в городском нашем анархическом движении. Он ответил, что вернуться в Гуляй Поле не может. Он завален, дескать, работой губернского Совета и предлагает группе назначить на его место другого от Гуляй-Поля человека.

Такое отношение к организационному делу трудящихся всего района, — отношение члена столь уважаемой трудящимися группы анархо-коммунистов, — побудило группу дать Льву Шнейдеру экстренную телеграмму, которая требовала, чтобы он немедленно приехал в Гуляй Поле и дал отчет о своем поведении в группе, а также Советам Крестьянских и Рабочих Депутатов и Профсоюза. В противном случае группа обещала выслать за ним двух товарищей...

Тов. Лев Шнейдер знал, что это последнее предупреждение — не пустая болтовня... Он знал, что это могло вызвать групповое постановление об его аресте и привлечении к ответственности за компрометирование группы перед Советами Крестьянских и Рабочих Депутатов и профсоюза и, следовательно, перед всеми тружениками, которых Советы об'единяли вокруг себя и что в таких случаях грозит пуля.

Тов. Лев Шнейдер через два дня после получения лаконической телеграммы был уже в Гуляй Поле, сде-

лал доклад Советам и группе. Последние отобрали у него полномочия и тов. Лев Шнейдер пошел снова на завод Кернера, к своему станку...

Пока группа возилась с делом тов. Льва Шнейдера, агенты Украинской Центральной Рады, немецкой и австро-венгерской монархических армий, которые Рада вела против украинской революции, не дремали. Они подхватили отношение тов. Льва Шнейдера к делу трудящихся и повсюду, как хотели, истолковывали его на митингах тружеников. Нужно было упорно бороться против их клеветы на группу, нужно было бывать на каждом митинге, в каждом селе и деревне, где знал, что митинг устраивается агентами Рады и генерала Эйхгорна. На все это понадобилось известное время и это произвело известное отклонение в сторону ряда наших лучших членов от прямой работы группы на пользу созидания боевого вооруженного фронта против контр-революции.

ГЛАВА XIV.

СТЯГИВАНИЕ ОТРЯДОВ ВО-ЕДИНО. УСТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ЕДИНСТВА С ФРОНТОМ БОЛЬШЕВИСТСКО - ЛЕВО - ЭСЭРОВСКОГО БЛОКА ПРОТИВ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ

События разростались. Немецко-австро-венгерские армии, под предводительством генерала Эйхгорна подходили уже к городу Екатеринославу с одной стороны. С другой же, именно со стороны Кичкаса, бросали уже через Днепр снаряды по городу Александровску (в 80-ти верстах от Гуляй Поля).

Красногвардейские отряды, под командованием Егорова, а также многочисленные автономные отряды, которые от Егорова и начальника красных резервных войск «Юга России» Белинкевича получали только вооружение, а действовали на свой риск и страх — зачастую на тех участках, где противника не было, — все от-

тягивалось в спешном порядке из-под Крыма в район: Верхний Токмак, Пологи. Притом, уже не могло быть и речи о том, чтобы эти части в нужный момент можно было выгрузить с эшелонов. Они были сняты с фронта преждевременно и это отразилось на их боевом настроении. Теперь они говорили уже о глубоком тыле и таких железнодорожных узлах, как Есиноватая, Еловайск. Правда, через день-два эти части были продвинуты далее вперед навстречу противнику, который, кстати сказать, все еще был на правой стороне Днепра. Ряд автономных отрядов и группа красногвардейцев большевистско-левохсэровского блока геройски отражала попытки противника переправиться через Днепр. Но силы их изнурялись без отдыха, без сна и с малым количеством запаса боевого снаряжения. Это вызвало тревогу в Гуляй-Поле и во всем районе, а отсюда тревога эта передалась на все другие, прилегающие к Гуляй-Полю, районы.

Агенты наступавшей контръ-революции подняли выше головы и громче заговорили против Советов, против тружеников, видевших в революции свое освобождение и всем содействоваших ее развитию. Это обстоятельство отражалось тяжело на настроении тружеников. Во многих селах и деревнях чувствовалась растерянность, которая свойственна массе всегда, когда последняя не информируется во время о позиции, занимаемой ее революционно - боевым авангардом.

Растерянность на районе внесла дух слабости и колебания и в Гуляй Поле. В это время дни и ночи происходили в Гуляй Поле революционные совещания Советов Крестьянских и Рабочих Депутатов, профсоюза, Революционного Комитета и Группы Анархо - Коммунистов. Теперь все представители упомянутых организаций ждали моего совета. Они настойчиво добивались от меня, чтобы я сказал, что делать. А что я мог на эту тему в такой грозный момент сказать им, кроме того, что посоветовать взять себя в руки и связать свое решительное и сильное слово против контр-революции с таким же решительным и великим делом. Я настоял перед представителями нашего чрезвычайного Совещания о немедленном выпуске, от имени представляемых ими органи-

заций, воззвания к трудящимся района, с точным освещением положения дела революции и того, что нужно сделать, чтобы спасти ее.

Воззвание к трудящимся района было выпущено. В нем мы призывали к организации вооруженного выступления против фиктивной освободительницы тружеников — Центральной Рады и шедших с нею немецких армий.

На зов этого решительного голоса из Гуляй Поля отозвался весь район. Со всех концов сбегалась молодежь и старики к своим местным советам и в самое Гуляй Поле, чтобы записаться и тут же стать в ряды вольных батальонов. Сами гуляйпольцы организовали свой гуляйпольский вольный батальон, составившийся из шести рот в 200 - 220 человек каждая. Еврейское население Гуляй Поля выделило из себя роту бойцов, которая тоже влилась в батальон. Группа Анархо-Коммунистов организовала из своих членов и кандидатов в таковые сильный в несколько сот человек вооруженный винтовками, револьверами и шашками отряд, при чем, половина отряда была уже на лошадях под седлами. Этот отряд был передан в распоряжение Революционного Комитета. Всем населением Гуляй Поля было избрано главное командование со мной во главе. Учитывая всю важность того, чтобы командиром Гуляйпольского вольного батальона был член Революционного Комитета, я выдвинул на этот пост матроса тов. Полонского. Батальон его принял и утвердил своим командиром.

Гуляйпольская интеллигенция, по инициативе всеми уважаемого в Гуляй-Поле доктора Абрама Исаковича Лося, организовала санитарные отряды, подготовила здания под лазареты, респределила свои роли в деле медицинской помощи революционному фронту.

Я лично выехал на сутки в Пологи, в штаб начальника резервных красных войск «Юга России» Белинкевича. Я познакомил его с задачами Гуляйпольского революционного Комитета в данный момент, осветил ему организацию дела защиты революции, которое Гуляйпольский Революциооный Комитет и Группа Анархо - Коммунистов выдвигают на первый план.

Тов. Белинкевич серьезно принял во внимание все то, что я ему изложил и обещал через сутки приехать в Гуляй Поле, где мы и выясним, чем он может помочь Гуляйпольскому Рев. Комитету и группе. Меня это не удовлетворило. Я настаивал, чтобы тов. Белинкевич не откладывал своей поездки в Гуляй-Поле на сутки, а чтобы сегодня же дал мне ответ: может ли он снабдить организацию вольных батальонов вооружением?

Тов. Белинкевич, видя мое непреклонное желание скорее выяснить этот вопрос, прибыл в Гуляй Поле вместе со мной, в тот же день.

Убедившись на месте в справедливости моих слов, в настаивании снабдить нас оружием, он обещал Революционному Комитету, что, как только возвратится в Пологи и посоветуется с кем следует в штабе, сейчас же сообщит Комитету, чем штаб резервных красных войск может помочь революционному Гуляй-Полю.

По дороге из Гуляй-Поля в Пологи, я завез тов. Беленкевича в коммуну № 1-ый, повез его в поле, где работали свободные коммунары. Он наблюдал за их работой, расспрашивал их о том, что их толкнуло к такому образу жизни, и от восторга расчувствовался...

По дороге с поля на поздний полдник в столовую коммунаров, Белинкевич мне пожал руку и сказал: «Я почувствовал к вам, тов. Махно, особое доверие и говорю теперь, чтобы вы прислали сегодня ночью своих людей принять от моего штаба оружие, винтовки и пулеметы для вооружения организовавшихся гуляйпольцев».

Решение тов. Беленкевича меня обрадовало и я сейчас же сделал по телефону распоряжение командиру Гуляйпольского вольного батальона и члену Рев. Комитета — товарищу Полонскому и Марченко выехать в Пологи, в штаб тов. Беленкевича, принять и перевезти на гуляйпольскую станцию боевое снаряжение.

Уезжая каждый в свою сторону. мы, я и Беленкевич, заручились взаимной революционной поддержкой. Он обещал на случай отступления, подать запасные эшелоны коммунарам, чтобы их во время эвакуировать.

Так проходили тревожные дни...

На другой день я с несколькими артиллеристами выехал на Гуляйпольскую станцию, чтобы посмотреть, что получилось из штаба Беленкевича для нас. Здесь мы увидели: шесть орудий (из них четыре — французской системы, две русские гаубицы), три тысячи винтовок, к ним два вагона патронов и девять вагонов снарядов к орудиям.

Радости не было границ. И все, что было нужно в первую очередь, перевезли в Революционный Комитет, распределили по ротам. Мы готовились теперь уже окончательно к выступлению на фронт против Центральной Рады и ее союзников — немецко-австро-венгерских монархов.

Гуляйпольский Рев. Комитет, Совет Крест. и Раб. Депутатов и Группа Анархистов - Коммунистов обратились с призывом к трудовому населению района поспешить об'единиться и создавать вольные батальоны революции, для выступления на фронт против контр-революции. Зов из Гуляй-Поля был услышан теперь уже и на фронте красногвардейцев. Командование красногвардейцев сейчас же прислало особым поездом уполномоченное лицо на Гуляйпольскую станцию, чтобы переговорить со мной о том, когда и какие силы Гуляйпольский Рев. Комитет может выдвинуть на фронт.

В ночь на 8-е апреля 1918 года, как раз в тот момент, когда Ленин и Троцкий в Кремле обсуждали вопрос о разгроме анархистских групп в Москве, а затем и по всей России (Украину они в то время уже покидали и поэтому не могли затевать гнусного дела против украинских анархистов), — я встретился с уполномоченными красного командования Екатеринославского боевого участка, — и мы обсуждали вопрос: какие силы для защиты революции наш гордый революционный район, под идейным руководством анархистов, выдвинет на фронт. И замечая, как уполномоченный терзался тем, что хорошо вооруженные красногвардейские отряды оттягиваются, согласно Брестскому договору, с линии боевого революционного фронта поближе к русским границам, а наспех скомплектованные отряды из украинского трудового населения, не ус-

певшие еще усвоить боевого положения, всюду отступают, — я обещал ему со своей стороны все сделать в эту же ночь, чтобы к утру начать выдвижение вооруженных сил революции из сел, со своих стоянок, на фронт. А когда я расстался с уполномоченным, то получил сведения из Александровска, что на Александровском боевом участке красногвардейцы отступают. Командование просит штаб вольных гуляйпольских батальонов поддержать Александровский боеучасток.

Я советуюсь с членами Рев. Комитета и Группы Анархо - Коммунистов и бросаю под Александровск отряд, организованной группой, и свободный батальон из сел, расположенных поближе к городу Александровску.

Отряд, организованный группой, был кавалерийский отряд. У красногвардейского командования кавалерии почти не было. Наш отряд скоро понадобился на боеучасток Екатеринославского направления. Он в свое время был переброшен, по моему распоряжению, на боеучасток под Чаплино. Одновременно спешно подготовились к выступлению на фронт Гуляйпольский, Конско-Раздорский, Шанжаро-Туркеновский и другие «вольные батальоны».

ГЛАВА XV

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫЗОВ МЕНЯ В ШТАБ ЕГОРОВА И ГИБЕЛЬ НАШЕГО БОЕВОГО УЧАСТКА

Момент был самый напряженный: украинская шовинистическая организация как бы умерла, — ни слова не говорит. Члены ее пошли за массой, молча выполняя то, что от них требовалось.

Наладили артиллерию, пехоту. Думали выступать, но у пушек не оказалось панорам. Дали телеграмму Беленкевичу: не может ли он снабдить нас новыми панорамами? Не получили ответа. Ночью украинский соц.-

революционеров — агроном Дмитренко*) с двумя юношами, ярыми украинцами П. Коваленко и Микитой Конопля, выехал за Гуляй-Поле и перерезал все телеграфные и телефонные провода — и этим лишил меня связи со штабом красноармейского командования. Ставлю в известность всех крестьян об этом гнусном деле. Через несколько часов связь восстанавливается. От Белинкевича сообщают мне, в каких ящиках и в каком вагоне должны быть панорамы и запасные принадлежности к орудиям и пулеметам. Все разыскивается и передается куда следует.

Тем временем в Гуляй-Поле и на районе появилась прокламация украинских социалистов - шовинистов, раз'ясняющая союз Центральной Рады с «братьями» немцами, помогающими сынам Украины «вызволить Украину от ига кацапив»... Прокламация эта заканчивалась призывом к населению помочь Центральной Раде и братским немецким и австро - венгерским армиям добить врага...

В то же время пронесся слух среди гуляйпольцев о том, что немецкие войска на своем пути уничтожают все села и города, население которых выступает против них и Центральной Рады. И, наоборот, все то население, которое присоединяется к ним, немцы снабжают всем необходимым, и в первую очередь сахаром, обувью и мануфактурой. Все чаще и громче начали среди населения слышаться возгласы: — а что, если и в самом деле немцы сжигают села?.. Они сожгут тогда и Гуляй-Поле!.. Куда денутся наши дети, родители?!. И за этими возгласами выпаливалось кем либо из агентов Рады слово «делегация» и быстро подхватывалось оно и передавалось от одного к другому, среди тружеников Гуляй-Поля.

Услыхав это слово, я обратил на него должное внимание. Созвал членов Рев. Комитета и Совета Крест. и Раб. Депутатов и Группы Анархо-Коммунистов и предложил выпустить листовку под лозунгом: «Как дело измены, как совесть тирана «весенняя» ночка темна»... и

*) Поступокъ Дмитренко был разоблачен только 4-5 месяцев спустя, но Дмитренко все одно был расстрелян за него.

устроил митинг для всего населения, чтобы раз'яснить ему провокаторский смысл слова «делегация», и прочее.

В это время я узнал, что из рядов Центральной Рады в Гуляй-Поле прибыло несколько человек, под видом, что они, когда ехали еще с внешнего фронта, попали в руки большевиков и только теперь освободились, узнал также о том, что из Гуляй-Поля под руководством отца одного из только что прибывших якобы от большевиков, некоего Тихона Быка, намечается делегация к немецкому командованию.

Поэтому я просил товарищей скорее собрать митинг, а сам разыскал Тихона Быка и распросил его об этой делегации. Он долго не сознавался мне, а когда увидел, что выхода нет, то заявил, чтобы я этого не касался: это, дескать, дело народа. Я оставил его в покое, заявивши, что за такое народное дело сам народ оторвет тебе и всем, кто будет тебя защищать, головы...

Была выпущена листовка и собран всеобщий митинг, на котором все части постановили скорее выступить на фронт.

Во время митинга мне из штаба принесли телеграмму от командующего красногвардейскими отрядами Егорова: прибыть в экстренном порядке в его штаб по линии Верхний Токмак - Федоровка.

Спешно я выезжаю в коммуну № 1-й, членом которой числился. Откуда мне в то же время сообщили, что туда явилось на автомобилях около десятка пьяных красных матросов из штаба резервных красных войск «Юга России». Они подстрелили одного члена коммуны. И необходимо было их оттуда выдворить без боя. С этой целью я заехал в коммуну и уговорил матросов уехать. А из коммуны направился прямо на станцию Пологи и далее поездом прямо в штаб Егорова.

Однако, на полдороге я узнал, что штаб Егорова отступил из этого участка по направлению Юзова, поэтому я спустился по ветке Верхний-Токмак-Цареконстантиновка. В Цареконстантиновке я встретил отступавшего из Полог со своим резервом Белинкевича, который тоже потерял связь со штабом Егорова и надеялся связаться с ним только к ночи.

Я был встревожен тем, что не встретился с командующим Егоровым в расчитанное время, а сознание, что мне нужно быть в Гуляй-Поле к утру 16 апреля во что бы то ни стало, усилило эту тревогу... И я решил было не разыскивать местонахождение штаба Егорова, а вернуться в Гуляй-Поле. Но тов. Белинкевич сказал мне, что «если тов. Егоров вызвал вас к себе, то постарайтесь видеться с ним до выступления на фронт. Он вероятно решил ваши силы не вводить в бой на Чаплинском участке. Этот участок нами уже очищается».

Этими сведениями тов. Белинкевичъ меня поразил. Но делать нечего. Я решил ждать глубокой ночи, когда тов. Белинкевич свяжется со штабом Егорова.

Часов в 9 вечера я послал в Гуляй-Поле в штаб и копию Рев. Комитету телефонограмму - предупреждение, что я задержался на неопределенное время.

А в 12 часов ночи я получил сообщение из Пологи через Цареконстантиновку, что Гуляй-Поле предательски сдано немцам и шедшим с ними, в качестве разведчиков, отрядам Центральной Рады.

Этому странному сообщению я не поверил: на нем не было никакой подписи. Однако, в час ночи. я связался с телефонной станцией Пологи, запросил: от них ли следовала для меня телеграмма в 12 часов? Получили ответ телефонистки: «Да. Ко мне зашли два вооруженных молодых парня, и один из них передал полученную вами телефонограмму. Подпись отказался дать».

Я попытался связаться с Гуляй Полем, но получил ответ, что Гуляй-Поле не отвечает.

Я собираюсь к выезду в Гуляй-Поле, но в это время штаб Белинкевича прислал мне сведение о том, что штаб Егорова находится на станции Валновахе. Расстояние не далекое, — в 45-50 верстах от стан. Цареконстантиновка. Я направляюсь на Волноваху.

Но за это вермя штаб Егорова снялся и направился на ст. Доля.

Я начал справляться по телеграфу: надолго ли задержится на этой станции штаб Егорова?

Ответ получил, что штаб Егорова взял направление на г. Таганрог.

Я бросаю аппарат и выхожу к паровозу. В это время подходит к станции штабной эшелон Белинкевича. Из него выскакивает мой племянник (сын старшего моего брата) Фома, с растерянным видом и подает мне письмо. Быстро разрываю конверт. Вижу: письмо с запозданием. Читаю: «Нестор Иванович. Как только ты выехал из Гуляй-Поля, Тихон Бык с несколькими шовинистами выехал из Гуляй Поля тоже....В Гуляй-Поле носится молва двоякого рода: одни предполагают, что они выехали по твоим следам, чтобы предательски убить тебя... На всякий случай будь осторожен на обратном пути, в особенности на Пологовской станции. Другие же предполагают, что Т. Бык выехал в качестве тайной делегации от Гуляй-Поля навстречу немецким войскам. Я посылал двух наших друзей к Быку домой. Жена сказала, что он уехал к родичам на два дня... Сейчас, когда я пишу эти строки тебе, мне сообщили, что в Гуляй Поле прибыла какая то делегация от отрядов Центральной Рады и немецкого командования. Но пока что скрывается, к народу не показывается. Я принял все меры, что бы схватить эту делегацию... Но не знаю, удастся ли. Приезжай скорее ты сам. Без тебя здесь грустно и тяжело...».

Подпись: Твой, неизменно твой Б. Веретельник. 15 апр.»

Я начал тут же расспрашивать племянника о Гуляй Поле, но от усталости почувствовал нервность, и голос мой дрогнул, и я, закрыв глаза, опустился на скамейку, маша рукой племяннику в знак отказа выслушивать его.. А спустя несколько минут, я сел в свой вагон и тронулся обратно по направлению Цареконстантиновка-Пологи-Гуляй Поле.

По дороге от Волновахи до Цареконстантиновки вследствие отступления красногвардейских эшелонов я задержался на разных станциях лишних часа три- четыре... А по приезде на станцию Цареконстантиновка мне принесли из Гуляй Поля новые сведения, более тревожные.

Читаю: «Дорогой Нестор Иванович. Ночью под 16 апреля отряд анархистов ложным распоряжением за твоей подписью отозван из-под Чаплина и в дороге разоружен. В Гуляй Поле все наши товарищи, все члены Революционного Комитета, Совет Крестьянских и Рабочих Депутатов, арестованы. И сидят в ожидании выдачи их немецкому командованию и командованию Центральной Рады для казни. Изменой руководят шовинисты: А. Волох, Ив. Волков, Осип Соловей, начальник артиллерии В. Шаровский и другие. За три часа перед тем, как начали нас арестовывать, дежурной ротой по гарнизону была назначена еврейская (или центральная) рота. Подлые негодяи обманным образом заставили еврейскую роту исполнить гнусное дело. При аресте нас всех обезоружили и даже толкали прикладами. Кое-кто из нас отстреливался. Говорят буржуазия злорадствует. Нашего друга, Алексея Марченко, пытались арестовать сами руководители изменой, но он не дался. Тогда был послан взвод молодых еврейских парней. Он дал им отстрел, бросил две или три бомбы в них и скрылся. Однако, в 15 верстах от Гуляй Поля задержан евреями колонии Межиричи (№ 4) и привезен в Гуляй Поле в штаб измены. Передают, что среди крестьян настроение подавленное. К евреям ненависть за их поведение. Передаю это письмо тебе для сведения, через часового Ш., указав ему через кого доставить его тебе. Если получишь, спеши с каким-либо отрядом на выручку.

Неизменно твой Б. Веретельник.

16 апреля. 9 часов дня».

В то время, как я читал это письмо от товарища Веретельника, на ст. Цареконстантиновка, подошел отряд Марии Никифоровой. Я сообщил ей о случившемся в Гуляй Поле. Она сейчас же вызвала к аппарату командира красногвардейского отряда, некоего матроса Полупанова, который в это время завязал бой с мариупольскими якобы «белогвардейскими» голодными инвалидами. М. Никифорова предложила ему вернуться на Цареконстантиновку, чтобы вместе повести наступление на Гуляй Поле.

Матрос Полупанов ответил, что он не может возвратиться назад, и посоветовал Никифоровой поспешить выбраться из района Цареконстантиновка - Пологи: в противном случае немцы отрежут ей отступление.

Однако, вслед за отрядом М. Никифоровой на Цареконстантиновку прибыл отряд матроса Степанова, а затем двух-эшелонный конно-пехотный отряд Петренки (сибирский отряд). Из них отряд матроса Степанова на предложение М. Никифоровой вернуться в Пологи, а там спешиться и подойти под прикрытием двух автоброневиков на Гуляй Поле, заявил, что он прицепил к своему эшелону много вагонов с беженцами, за которых он ответственен перед начальником резервных красных войск «Юга России» — тов. Белинкевичем, а потому, он будет продвигаться поближе к Таганрогу.

Действительно, он тотчас же уехал далее.

М. Никифорова и Петренко (командир сибирского отряда) решили вернуться на Пологи и силою занять Гуляй-Поле, чтобы освободить в нем всех арестованных анархистов и беспартийных раволюционеров, а также вывести обманутые вооруженные силы крестьян, если они пожелают, или увезти оружие, чтобы оно не досталось немцам.

За то время, пока эти командиры подготовляли свои отряды, а я метался по перрону, рвал на голове волосы и проклинал себя за то, что выслал из Гуляй Поля на фронт первым отряд, организованный нашей группой, я получил третье письмо от тов. Веретельника.

В нем он сообщал мне: «Дорогой друг Нестор Иванович, подлые руководители измены чего-то испугались и освободили меня и тов. Горева, с условием, правда, не выезжать из Гуляй Поля. Мы, я и тов. Горев, воспользовались случаем и устроили по сотням, каждой роте и с участием стариков крестьян, митинг. В своих постановлениях крестьяне требуют от штаба измены, немедленного освобождения всех арестованных, и в первую очередь анархистов. Наши товарищи все освобождаются. Многие из еврейской молодежи и все буржуи, за исключе-

нием М. Е. Гельбуха и Леви *), несмотря на то, что их никто не трогает (наши товарищи ведь сознают, что руководители измены их с целью обманули, чтобы устроить затем над ними погром), однако, они, боясь мести, все куда-то разбегаются. Немцы приближаются к Гуляй Полю. Наши товарищи группами скрываются. Крестьяне и рабочие спешно прячут винтовки, пулеметы и патроны и уезжают, кто в поле, кто в другие села.

Я с несколькими друзьями думали задержаться до последней минуты в Гуляй Поле. Может быть удастся убить Льва Шнейдера. Он во время ареста наших товарищей в бюро группы, заскочил первый с гайдамаками в бюро, порвал знамена, порвал, потоптал портреты Кропоткина, Бакунина, Саши Семенюты. Этот позорный поступок его видели многие рабочие, крестьяне и крестьянки.

Я сам не видел еще Льва Шнейдера, но от многих уже слыхал, какую подлую речь держал он перед гайдамаками. Правда, об этом будем говорить после. Смотри, не вскочи в лапы немцев. Лучше воздержись от приезда в Гуляй Поле. Теперь ты не поправишь здесь нашего дела: немцы заняли город Орехов и Покровское. Через два-три часа будут, вероятно, в Гуляй Поле.

Мы тебя найдем.

Пока же будь осторожен.

Неизменно твой Б. Веретельник.

16 апреля 3 часа дня».

Прочитав письмо тов. Веретельника, я сразу же побежал с ним к М. Никифоровой, а с нею — к тов. Петренко. Я прочитал им обоим письмо и высказал свое им мнение, что наступать на Гуляй Поле уже поздно. Немцы, очевидно, уже заняли его. А выбить их из Гуляй Поля вашими отрядами нельзя, да и вообще допустят ли немцы нас в Гуляй Поле? Ибо, если верно, что они заняли гор. Орехов, то можно предполагать, что они подходят уже к Пологам, а если верно, что красногвардейцы оставили уже Чаплино и эвакуируют Гришино, то Гуляй Поле находится уже в тылу немецкого фронта.

*) Оба богатые, но честные евреи, все время революции придерживались в своей жизни постановлений всеобщих сходовъ-собраний трудящихся. Сознавали вину старого прошлого царско-помещицкого режима.

Товарищи — Никифорова и Петренко, хотя и посмеялись надо мной, обозвав меня ничего не понимающим в деле их стратегии и не знающим боеспособности их отрядов, однако, принуждены были в эту же минуту и в спешном порядке перевести паровозы своих эшелонов из Пологовского направления по направлению ст. Волноваха, а о Пологах и Гуляй Поле перестали даже говорить со мной.

На мой вопрос, что за горячка у вас? Что вы, вероятно, получили какие-либо тревожные сведения об этом участке? — М. Никифорова об'явила мне, что немцы заняли ст. Пологи и Верхний Токмак и отрезали по линии Верхний Токмак - Бердянск анархический отряд тов. Мокроусова.

«Если хочешь, — добавила мне М. Никифорова, — то садись в мой вагон. Я сейчас делаю распоряжение эшелону двигаться дальше по направлению Волноваха-Юзовка, — тут же вполголоса, извинительно, полусмеясь, заявила мне: «Ты совершенно прав, с наступлением на Гуляй Поле мы опоздали, все подступы к нему уже заняты немецкими войсками».

Однако, продвигаться с отрядом М. Никифоровой в тыл я отказался, заявив, что я остаюсь пока что здесь; тем более, что отряд Петренки решил продержаться здесь всю ночь. Я надеюсь, что за это время кто- либо из гуляйпольских товарищей прибудет сюда. Я ведь еще при первом известии о том, что Гуляй Поле предательски сдано, выслал от себя в Гуляй Поле Александра Лепетченко с определенным поручением: самому Лепетченко об'яснить направление для отступления коммунарам и вместе с ними отступать. А товарищам Веретельнику, Гореву, Марченко, Полонскому, Калашникову, Петровскому, Лютому, Савве Махно, Т. Шепелю, М. Калениченко, П. Сокруте и другим — во что бы то ни ста-

ло поспешить покинуть Гуляй Поле и пробираться к красному фронту. Я буду на фронте.

За это время, пока отряд Петренки оставался на ст. Цареконстантиновка, я встретился с рядом товарищей, остававшихся в Гуляй Поле до вступления в него немецко-австро-венгерских войск с разведывательным отрядом в 40-50 человек Украинской Центральной Рады. Они сообщили мне о том, что за два дня моего отсутствия в Гуляй Поле происходило. Со слезами на глазах они рассказали мне о гнусной измене нашего групповика Льва Шнейдера и вообще еврейской роты, обманутой штабом измены....

Рассказали мне эти товарищи также и о том, как вступали немецко - австро - венгерские войска и отряд Центральной Рады в Гуляй Поле и как их агенты — гуляйпольские граждане — прапорщики времен Центральной Рады А. Волох, Ив. Волков, Л. Сахно-Приходько (соц.-рев.), Пидойма, Осип Соловей, Шаровский (с.-р.), агроном Дмитренко (с.-р.) и другие подготовлялись к встрече немецко - австро - венгерских палачей революции, в надежде доказать им на примере, что и они душители революции и всего лучшего в ней. Они щирее щирых украинцы патриоты, так сказать, «лучший цвет своего народа», сейчас, по примеру немецко - австро-венгерских солдат, оставивших своих отцов и матерей, жен и детей в своем родном краю голодными и холодными и пришедших сюда убивать людей. Они, поддерживая этих сознательных и бессознательных прямых убийц трудового населения Украины и разрушителей народного революционного дела, готовы сделать еще худшее, они готовы пойти в авангарде этих пришлых убийц и затопить его в крови, лишь бы сохранить за собой право на золотые погоны несчастных прапорщек, право собственности на землю, чтобы быть в почете у всесильных, власть имеющих политических владык, предателями, прикрывающимися флагом социализма приведенных сюда, на революционную территорию против революционных тружеников.

Эти глашатаи идеи оккупации революционной территории контр-революционными немецко - австро-венгерскими армиями и следующего вслед за этой окупацией, истребления революционных тружеников, при проходе по улицам Гуляй-Поля отдельных отрядов вышеупомянутых армий, подвезли их командованию в подарок орудия, пулеметы и несколько сот винтовок.

Командование их поблагодарило за верность контр-революционному делу.

Подлые глашатаи идеи окупации, как и все, приспособлявшиеся вместе с ними к надвигающемуся режиму контр-революционных банд, не скрывали своего восторга от благодарности сильных.

О, какой позор!...

Какую месть вызывают они в душе революционера. Месть всем и каждому, кто топчет право и разрушает волю, кто рвет и топчет жизнь социально - замученного, политическим насилием изуродованного и духовно порабощенного трудового народа!

Нет! — больше не будет пощады врагам трудящихся. Да, да пощады не будет никому на пути моей активной и по возможности полной деятельности в революции, — говорил я тогда своим товарищам и так делал.

Это читатель увидит в последующих моих книгах.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ЧАСТЬ I.

ЧАСТЬ II.

Imprim. PASCAL, 13, Rue Pascal, PARIS-5°